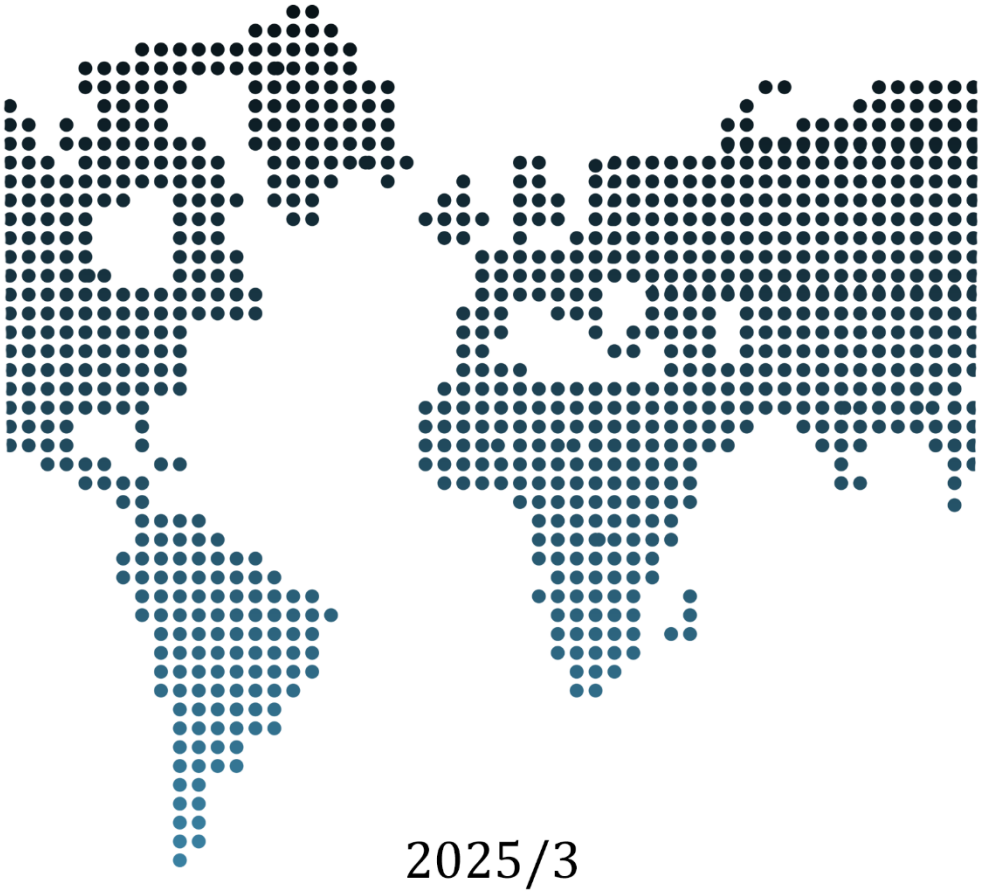
РУСИСТИКА БЕЗ ГРАНИЦИ

Международно научно списание

РУСИСТИКА БЕЗ ГРАНИЦ
Международный научный журнал

RUSSIAN STUDIES WITHOUT
BORDERS
International scientific journal



2025/3
ISSN 2535-0390

РУСИСТИКА БЕЗ ГРАНИЦИ

Международно научно списание

РУСИСТИКА БЕЗ ГРАНИЦ
Международный научный журнал

RUSSIAN STUDIES WITHOUT
BORDERS
International scientific journal

Том IX Книжка 3 2025
Volume IX Issue 3 2025

ISSN 2535-0390

София – Sofia
2025

Международный редакционный совет:
доц. к.ф.н. Галия Бадагулова (Алматы, Казахстан)
доц. к.ф.н. Нина Баско (Москва, Россия)
проф. д.ф.н. Наталия Голубева-Монаткина (Москва, Россия)
член-корреспондент Российской Академии Образования Любовь Клобукова (Москва, Россия)
проф. д.ф.н. Геннадий Ковалев (Воронеж, Россия)
доктор филологии Наталья Кононова (Рига, Латвия)
доц. к.ф.н. Светлана Коростова (Ростов-на-Дону, Россия)
проф. д.ф.н. Мария Котюрова (Пермь, Россия)
проф. д.п.н. Ольга Левушкина (Москва, Россия)
проф. д.ф.н. Биляна Марич (Белград, Сербия)
проф. д.ф.н. Елена Маркова (Москва, Россия; Трнава, Словакия)
проф. д.п.н. Виктория Сафонова (Москва, Россия)
доц. д.ф.н. Ольга Сологуб (Тайбэй, Тайвань)
проф. д.п.н. Елена Тарева (Москва, Россия)
проф. д.п.н. Людмила Федоряк (Тюмень, Россия)
проф. д.ф.н. Клара Штайн (Ставрополь, Россия)
проф. д.ф.н. Нэлли Щедрина (Москва, Россия)
Действительный член АНУРС, д.ф.н. Срето Танасич (Белград, Сербия)

Редакционная коллегия:
Главный редактор: доц. д-р Димитрина Лесневска
Зам. гл. редактора: Ян Лесневский
Ответственный секретарь: Радослава Лесневска

Рецензенты:
д.ф.н., проф. Мария Павловна Котюрова, Пермский государственный национальный исследовательский университет (ПГНИУ), Пермь, Россия
д.ф.н., проф. Людмила Вениаминовна Кушнина, Пермский национальный исследовательский политехнический университет (ПНИПУ), Пермь, Россия
д.ф.н., проф. Петр Буняк, Белградский университет, Филологический факультет, Белград, Сербия
д.ф.н., проф. Биляна Марич, Белградский университет, Филологический факультет, Белград, Сербия
к.п.н., преподаватель Валентина Владимировна Звягина, Пермский национальный исследовательский политехнический университет (ПНИПУ), Пермь, Россия;
д.ф.н., проф. Дмитрий Владимирович Поль, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет» (ФГБО ВО «МПГУ»), Москва, Россия
к.ф.н., доцент Надежда Майеровна Перельгут, ФГБОУ ВО «Нижневартовский государственный университет» (ФГБО ВО «НВГУ»),Нижневартовск, Россия
д.ист.н., доцент Максим Валерьевич Кирчанов, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет» (ФГБОУ ВО «ВГУ»), Воронеж, Россия

Журнал выходит четыре раза в год: 30 марта, 30 июня, 30 сентября и 30 декабря. Материалы принимаются до 15 числа марта, июня, сентября и декабря. К публикации принимаются оригинальные, неопубликованные ранее в других печатных изданиях материалы на **русском, болгарском** или **английском** языке.
Адрес редакции: София, Болгария, e-mail: rusistikabg@gmail.com,
http://www.rusistikabg.com/

ISSN 2535-0390 (online)
Индексируется в **RSCI/РИНЦ (http://www.eLibrary.ru)**
ERIH PLUS (Европейский индекс гуманитарных и социальных наук)
© Все права защищены

International editorial Board:
Ass.Prof., Ph.D. in Philology Galia Badalova (Almaty, Kazakhstan)
Ass.Prof., Ph.D. in Philology Nina Basco (Moscow, Russia)
Professor, Dr. Sc. (Philology) Natalia Golubeva-Mohnatkina (Moscow, Russia)
Corresponding Member of the Russian Academy of Education Lubov Klobukova (Moscow, Russia)
Professor, Dr. Sc. (Philology) Gennady Kovalyov (Russia)
Ph.D. in Philology Natalia Kononova (Riga, Latvia)
Ass.Prof., Ph.D. in Philology Svetlana Korostova (Rostov-on-Don, Russia)
Professor, Dr. Sc. (Philology) Maria Kotyurova (Perm, Russia)
Professor, Dr. Sc. (Pedagogy) Olga Levushkina (Moscow, Russia)
Professor, Dr. Sc. (Philology) Biljana Maric (Belgrade, Serbia)
Professor, Dr. Sc. (Philology) Elena Markova (Moscow, Russia; Trnava, Slovakia)
Professor, Dr. Sc. (Pedagogy) Victoria Safonova (Moscow, Russia)
Ass.Prof. Dr. Sc. (Philology) Olga Sologub (Taipei, Taiwan)
Professor, Dr. Sc. (Pedagogy) Elena Tareva (Moscow, Russia)
Professor, Dr. Sc. (Pedagogy) Ludmila Fedoryak (Tyumen, Russia)
Professor, Dr. Sc. (Philology) Clara Stein (Stavropol, Russia)
Professor, Dr. Sc. (Philology) Nelly Shchedrina (Moscow, Russia)
Full member ANURS, Dr.Sc. (Philology) SretoTanasić (Belgrade, Serbia)

Editorial Board:
Editor-in-Chief: Ass. Prof. Ph.D. in Philology Dimitrina Lesnevska
Deputy Editor-in-Chief: Ian Lesnevski
Executive Secretary: Radoslava Lesnevska

Reviewers:
Professor, Dr. Sc. (Philology) Maria Pavlovna Kotyurova, Perm State National Research University (Perm, Russia)
Professor, Dr. Sc. (Philology) Lyudmila Veniaminovna Kushnina, Perm National Research Polytechnic University (Perm, Russia)
Professor, Dr. Sc. (Philology) Petar Bunjak, University of Belgrade, Faculty of Philology (Belgrade, Serbia)
Professor, Dr. Sc. (Philology) Biljana Maric, University of Belgrade, Faculty of Philology (Belgrade, Serbia)
Teacher, Ph.D. (Pedagogy) Valentina Vladimirovna Zvjagina, Perm National Research Polytechnic University (Perm, Russia)
Professor, Dr. Sc. (Philology) Dmitrij Vladimirovich Pol, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia)
Ass.Prof., Ph.D.(Philology) Nadezhda Mayerovna Perelgut, Nizhnevartovsk State University, (Nizhnevartovsk, Russia)
Ass.Prof., Dr.Sc. (History) Maksym Walerevich Kyrchanoff, Voronezh State University
(Russia, Voronezh)

The journal is published four times per year: March 30, June 30, September 30 and December 30. The papers are accepted until the 15th of March, June, September and December. The papers submitted for publication should be original, previously unpublished work not currently under review by other publications. The papers can be presented in **Russian**, **Bulgarian** or **English**.

Contact address: Sofia, Bulgaria, e-mail: rusistikabg@gmail.com
http://www.rusistikabg.com/

2535-0390 ISSN (online)
Indexed in RSCI/РИНЦ (http://www.eLibrary.ru)
ERIH PLUS (The European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences)
© All rights reserved

СОДЕРЖАНИЕ:

ЛИНГВИСТИКА

Л.В. Недоступова
КРЕАТИВНОСТЬ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА УРОЖЕНКИ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ .7

М. Зулумбекова, О.В. Гергель
РОЛЬ СУФФИКСАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ ПОПУЛЯРНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ 16

М.С. Агафонцев
РАСШИРЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО ОБЪЕМА ЛЕКСЕМЫ «ПРОЕКТ» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ 23

Л.А. Гамаева, В.О. Павлова
ФЕНОМЕН ЭМОДЗИ: ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕНИИ.....30

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

А.А. Семхгун
РОЛЬ ПУШКИНА В РАЗВИТИИ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ 40

И. А. Киселева
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ПРОГРАММНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ НАУЧНОГО ПРОЕКТА «ЛИРИКА М. Ю. ЛЕРМОНТОВА 1840 ГОДА: ТЕКСТОЛОГИЯ, АКСИОЛОГИЯ, ПОЭТИКА».....51

К. А. Поташова
СВОБОДА И ВОЛЯ КАК СМЫСЛОВЫЕ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ДОМИНАНТЫ СТИХОТВОРЕНИЙ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА 1840 ГОДА 58

В.В. Буйлов
ПУТИ ПОСТИЖЕНИЯ ИСТИНЫ, СМЫСЛА СУЩЕСТВОВАНИЯ И СЧАСТЬЯ В ПОВЕСТИ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА «КОТЛОВАН».....69

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

С.Г. Воркачев
ПАРАЛИЧ ДУШИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ СМЫСЛ «УНЫНИЕ» В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ.....80

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

С. Чихорич
ПЕРЕВОД КАК МЕТОД ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ НОСИТЕЛЕЙ СЕРБСКОГО ЯЗЫКА 91

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА

Я. О. Милосердова
ОСОБЕННОСТИ РЕЦЕПЦИИ СТИХОТВОРЕНИЯ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «И СКУЧНО И ГРУСТНО» В ПЕРЕВОДЕ ЛЮДМИЛА СТОЯНОВА 100

ХРОНИКА

А.А. Перескокова, А.М. Клюшина
СТУДЕНЧЕСКОЕ НАСТАВНИЧЕСТВО КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ СТУДЕНТОВ.....107

К.С. Симеонова
ПОЛИСЛАВ XXIX 2025 – ВАЖНЫЙ НАУЧНЫЙ ФОРУМ.....115

Д.С. Лесневска
XVII МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД СЛАВИСТОВ – ПАРИЖ, АВГУСТ 2025.....120

IN MEMORIAM

Е.М Маркова

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОФЕССОРА ЭВЫ КОЛЛАРОВОЙ 124

ИЗИСКВАНИЯ ЗА ОФОРМЯНЕ НА МАТЕРИАЛИТЕ 130
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ 132
ВИМОГИ ДО ОФОРМЛЕННЯ МАТЕРІАЛІВ 134
GUIDELINES FOR AUTHORS 136
АДРЕС РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА 138

CONTENTS:

LINGUISTICS

L.V. Nedostupova

CREATIVITY OF THE SPEECH PORTRAIT OF A NATIVE OF THE VORONEZH REGION

M. Zulumbekova, O.V. Gergel

THE FUNCTION OF SUFFIXATION IN THE DEVELOPMENT OF THE LEXICAL COMPOSITION OF THE LANGUAGE ON THE EXAMPLE OF CONTEMPORARY SOCIAL NETWORKING PLATFORMS

M.S. Agafontsev

EXPANDING THE SEMANTIC SCOPE OF THE LEXEME «PROJECT» IN MODERN RUSSIAN

L.A. Gamaeva, V.O. Pavlova

THE PHENOMENON OF EMOJIS: USAGE FEATURES IN DIGITAL COMMUNICATION

LITERARY STUDIES

A.A. Semghoun

THE ROLE OF PUSHKIN IN THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN LANGUAGE AND LITERATURE

I. A. Kiseleva

METHODOLOGICAL FOUNDATIONS AND PROGRAMMATIC IMPLEMENTATION OF THE SCIENTIFIC PROJECT «THE LYRICS OF M. Y. LERMONTOV IN 1840: TEXTUAL CRITICISM, AXIOLOGY, POETICS»

K. A. Potashova

FREEDOM AND WILL AS SEMANTIC AND EMOTIONAL DOMINANTS OF M.Y. LERMONTOV'S 1840 POEMS

V.V. Bouilov

WAYS OF COMPREHENDING AN ETERNAL VERITY, AN ESSENCE OF EXISTENCE AND A HAPPINESS IN ANDREI PLATONOV'S SHORT NOVEL «THE FOUNDATION PIT»

LINGUOCULTURULOGY

S.G. Vorkachev

PARALYSIS OF THE SOUL: LINGUOCULTURAL MEANING OF DESPONDENCE IN A SCIENTIFIC DISCOURSE

METHODS OF TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE

S. Cihori

TRANSLATION AS A METHOD IN TEACHING RUSSIAN TO SERBIAN SPEAKERS

ISSUES OF TRANSLATION

Y.O. Miloserdova
FEATURES OF THE RECEPTION OF M.Y. LERMONTOV'S POEM «BOTH BORING AND SAD» TRANSLATED BY LYUDMIL STOYANOV

CHRONICLES

A.A. Pereskokova, A.M. Klyushina
STUDENT MENTORING AS AN EFFECTIVE TOOL FOR STUDENTS' PERSONAL DEVELOPMENT

K. S. Simeonova
POLISLAV XXIX 2025 IS AN IMPORTANT SCIENTIFIC FORUM

D.S. Lesnevska
XVII INTERNATIONAL CONGRESS OF SLAVISTS – PARIS, AUGUST 2025

IN MEMORIAM

Markova E.M.
THE SCIENTIFIC, METHODOLOGICAL, PROFESSIONAL AND PERSONAL LEGACY OF PROFESSOR EVA KOLLAROVA

PUBLICATION REQUIREMENTS IN BULGARIAN
PUBLICATION REQUIREMENTS IN RUSSIAN
PUBLICATION REQUIREMENTS IN UKRAINIAN
PUBLICATION REQUIREMENTS IN ENGLISH
CONTACT ADDRESS

Л И Н Г В И С Т И К А

УДК 81’282.2

Недоступова Любовь Виниаминовна
кандидат филологических наук, доцент
Воронежский государственный
технический университет
Россия, г. Воронеж
e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru

Nedostupova Lubov Viniaminovna
Assistant Professor, Ph.D. in Philology
Voronezh State Technical University
Russia, Voronezh
e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru

Л.В. Недоступова

КРЕАТИВНОСТЬ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА УРОЖЕНКИ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В настоящей статье анализируется речь сельского жителя России. Актуальность работы основывается на интересе автора к изучению говоров Центрального Черноземья как языкового явления. Целью исследования выступает определение креативных черт портрета речи старокурлакской селянки Аннинского района Воронежской области посредством репрезентации его выделяющихся фонетических и грамматических характеристик. В изыскании использован метод интервьюирования, наблюдения, описания и анализа. Результатом научного сочинения стало описание признаков говора респондента. Они создают нестандартный речевой портрет. Сделан вывод о том, что креативность деревенской долгожительницы является качеством её речи, творческим продуктом, плодом естественного функционирования языка носителя диалекта. В нём своеобразный ключ к ответам на разные вопросы, связанные с историей страны и отдельного человека.

Ключевые слова: речевой портрет, уроженка, носитель диалекта, говор, фонетические черты, грамматические характеристики, креативность

Для цитирования: Недоступова Л.В. Креативность речевого портрета уроженки Воронежской области. *Русистика без границы. Международно научно списание,* 2025, Том IX, кн. 3, С. 7 – 15.

L.V. Nedostupova

CREATIVITY OF THE SPEECH PORTRAIT OF A NATIVE OF THE VORONEZH REGION

Abstract. This article analyzes the speech of a rural resident of Russia. The relevance of the work is based on the author's interest in studying the dialects of the Central Black Earth Region as a linguistic phenomenon. The purpose of the study is to determine the creative features of the speech portrait of a Starokurlak peasant woman from the Anninsky District of the Voronezh Region by representing its prominent phonetic and grammatical characteristics. The study used the method of interviewing, observation, description and analysis. The result of the scientific essay was a description of the features of the respondent's speech. They create a non-standard speech portrait. It is concluded that the creativity of a village long-liver is the quality of her speech, a creative product, the fruit of the natural functioning of the language of a dialect speaker. It contains a kind of key to answers to various questions related to the history of the country and an individual.

Keywords: speech portrait, native, dialect speaker, speech, phonetic features, grammatical characteristics, creativity

For citation: Nedostupova L.V. Creativity of the speech portrait of a native of the Voronezh region. *Russian Studies without Borders. International scientific Journal*, 2025, Vol. IX, Iss. 3, pp. 7 – 15.

…

Речь жителей разных регионов России имеет некоторые отличительные характеристики. Они сложились под воздействием определённых факторов, обусловленных территориально-социальным взаимодействием, и нашли отражение в речевом поведении сельских людей.

Известно, что «речевая деятельность современных русских говоров является предметом различного рода междисциплинарных исследований: лингвокультурологии, психолингвистики, этнолингвистики, социолингвистики и др. Такой интерес к функционированию национального языка связан с проявлением двух основных тенденций в современной диалектной речи: с одной стороны, – она максимально стремится к сохранению языковой (диалектной) традиции, с другой, – активно «впитывает» в себя «языковые инновации», отражающие «дух времени» (по выражению Костомарова «вкус эпохи»)» [3, с. 170].

Понятие «креативности» в настоящее время имеет широкое толкование, однако наш интерес обращён к креативности в речи.

Вопросы лингвистической креативности освещены в работах О.К. Ирисхановой [9], В.Н. Фещенко [14], Е.С. Кубряковой [11], Н.А. Воробьёвой [3], В.З. Демьянкова [5], Зыковой и Киосе [8], В.З. Дубровиной [6], В.И. Заботкиной [7], Е.Г. Белявской [2], Л.И. Гришаевой [4], Л.В. Недоступовой [13] и мн. др.

Учёные считают, что «можно трактовать креативность как субъективное решение носителями языка и культуры, обладающими разнородными характеристиками, некоторой когнитивной и коммуникативной задачи в конкретных коммуникативных условиях» [4, с. 19]. Заметим, «лингвокреативность позволяет построить прагматически ориентированный дискурс, и это означает, что она проявляется, прежде всего, в речевой (т.е. в дискурсивной) деятельности человека. Следовательно, искать креативность следует в сфере номинации и в сфере текстоформирования (в широком смысле), т.е. там, где осуществляется пользование языком в процессе коммуникации и где говорящий сталкивается с необходимостью выражения новых смыслов. <…> креативное использование языковых средств выглядит необычно и неожиданно, и, соответственно, именно эти факторы привлекают внимание получателя информации и обеспечивают более сильное прагматическое воздействие» [2, с. 63].

Данная работа продолжает серию статей по теме «Человек» в контексте антропоцентрической парадигмы.

Актуальность настоящего исследования основывается на интересе автора к изучению говоров сельских жителей Воронежской области как языкового явления.

Постановка задачи.

Объектом работы служит речевой портрет диалектоносительницы.

Предметом научного сочинения выступают черты говора респондента.

Целью статьи оказывается определение креативных черт портрета речи старокурлакской селянки Аннинского района Воронежской области посредством репрезентации его выделяющихся фонетических и грамматических характеристик.

Лингвистическим материалом являются записи речи Ащеуловой Александры Алексеевны, сделанные в ходе бесед в полевых условиях в рамках диалектологической экспедиции. Они хранятся в Центре региональных лингвистических исследований Воронежского государственного педагогического университета.

В исследовании использован метод интервьюирования, наблюдения, описания и анализа.

Важность изучения народного слова в современных условиях не подлежит сомнению. Поэтому неслучайно наше обращение к речи представителя российского села.

Итак, прибегнем к значению понятия «уроженка». В лингвистическом словаре находим следующее толкование: «уроженка – женск. Человек, родившийся в каком-л. месте, родом из какой-л. страны, города, деревни и т. п.»[1].

Под понятием «речевой портрет» подразумевают «представленную в определённой форме лингвистическую (языковую) манеру, предназначенную для образования какого-либо образа (модели) языковой личности» [10, с. 106].

Результаты и обсуждение.

Обратимся к историческим сведениям: «Старинное русское село Старый Курлак расположено в северной части Воронежской области, в лесостепной зоне, в пределах Окско-Донской равнины на левом берегу реки Курлака (левый приток реки Битюга). Село входит в состав Новокурлакского сельского поселения. Согласно данным, представленным в паспорте сельского поселения (по состоянию на 01.01.2019 года), в селе Старом Курлаке численность постоянного населения составляла 321 человек.

Наиболее вероятная дата появления села – 1701 год. Именно в этот год сюда были переселены дворцовые крестьяне из северных уездов России. Обосновались здесь и однодворцы – потомки служилых людей. Свое название село получило по одноименной речке Курлак. Слово "курлак" тюркского происхождения, оно переводится как "маленькая речка" или "ручей". Первоначально село называлось Курлацкая слобода (которая, возможно, была основана на месте ранее возникшего и позже разрушенного поселения; существуют источники, указывающие на основание Курлацкой слободы в 1659 году).

<…> Свое современное название село получит чуть позже, во второй половине XVIII века»[2].

Интересно, что «в настоящее время на территории села расположены следующие социально значимые объекты: фельдшерско-акушерский пункт (с 2006 года), отделение почты, сельский клуб, библиотека с книжным фондом более 4 тысяч экземпляров, магазин товаров повседневного спроса. К 2020 было газифицировано 56 домовладений. Из действующих хозяйств остались два КФХ»[3].

Языковой материал, полученный из уст диалектоносительницы 1930 года рождения, диалектно-современные сведения позволяют представить фрагментарные особенности портрета её речи.

Фонетические характеристики.

В системе гласных звуков:

- ассимиляция: [*уарч**а**во́зка, да́ж**а**, ничаво́, то́ж**а**, ш**а**сна́цать*[4]] – горючевозка, даже, ничего, тоже, шестнадцать и др.;
- аканье: [***а**дни́м, **а**ддаю́, **а**ди᾽я́ла, **а**дява́я, **а**ко́пы, **А**ксáна, **а**ла́ди, **а**на́, **а**ста́вили, **а**ста́лись, **а**та**б**ра́ли, **а**те́ц, **а**тку́да, **а**тпа́ивала, **а**тправля́ли, **а**трабо́тала, **а**тстро́или, **а**тра́ва, **а**тхажу́, **а**ха́пками, б**а**бы́шки, б**а**у́атый, б**а**ле́ла, б**а**льши́е, б**а**ти́нки, в**а**да́, в**а**ди́ли,*

[1] Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999; (электронная версия). URL: Фундаментальная электронная библиотека (дата обращения: 10.08.2025).

[2] Село Старый Курлак Аннинский район Воронежской области. URL: http://online-anna.ru/anna10/selo-staryj-kurlak.php (дата обращения: 10.08.2025).

[3] Село Старый Курлак Аннинского района. URL: http://online-anna.ru/anna10/selo-staryj-kurlak.php (дата обращения: 10.08.2025).

[4] В статье используется русская упрощённая транскрипция.

*ва**д**и́лись, ва**з**и́л, ва**й**на́, ва**л**ы́, ва**р**ава́ли, Ва**р**о́ниш, ва**с**кре́сник, вина**у**ра́т, Ника**л**а́й, па**б**иᵊра́лись, па**в**ида́ла, па**у**аре́ла, па**д**а**б**ра́ли, па**у**нала́, па**у**ри́п, па**д**ниᵊсёшь, па**ж**а́р, па**з**нако́милися, па**и**́ла, па**л**а**м**а́ли, Па**л**и́нка, па**л**та**р**ы́, па**л**уча́ла, па**м**але́ньку, па**п**а́л, па**р**а**с**ёнка, па**р**а**с**я́, па**р**а**с**и́лись, па**т**о́м, па**т**рави́ли, па**т**со́лнух, па**т**со́лнешный, па**ч**аму́, па**ч**ти́, па**ш**ла́, па**я**ви́лси, сна**п**ы́, со́ра**к**, ста**я**́л, та**л**кли́, та**п**и́ли, тракта**р**а́, у́та**к**, у́тра**м**, ха**д**и́ла, ха**з**я́йства, ха**л**о́дная, ха**л**сты́*] и др.;

- яканье: [*Ал**я**ксáндр, вы**у**р**я**бáли, в**я**зáла, в**я**зáнка, в**я**снá, в л**я**сý, д**я**рýги, д**я**ти́шки, з**я**мля́нки, з**я**рнó, л**я́**жишь, л**я́**тить, м**я**дáль, н**я** жил, н**я** знáю, н**я**мáя, н**я** нóсют, н**я** пóмню, пир**я**éхали, пир**я**шли́, п**я**кли́, п**я**тнáцать, св**я**зáлась, св**я**клы́*] и др. – характерная особенность южнорусских диалектов;

- в первом предударном слоге после мягких согласных на месте [э] зафиксирован [иᵊ]: [*з**и**ᵊлёная, з**и**ᵊмлé, й**и**ᵊгó, й**и**ᵊщё, л**и**ᵊжáла, л**и**ᵊтéла, мат**и**ᵊрьял, м**и**ᵊня́, м**и**ᵊшки́, н**и**ᵊвéсты, у м**и**ᵊня́, фс**и**ᵊгдá*] и др. Это качество речи респондента отвечает требованиям орфоэпической нормы русского языка.

- Отличное от литературного языка ударение: [*видáла*] – ви́дела, [*лашадя́*] – лóшади, [*па диᵊтя́м*] – по дéтям, [*нá пичь*] – на пéчь и др.

В системе согласных звуков:

- звук [*в*] используется как [*в*] губно-зубной и [*у*] неслоговой: [***в**ы́рыли, **в**язáла, **у**арчав**о**́зка, д**в**óя, ничав**о**́, расска́**з**вать, цéрк**в**а*]; [***у**сё*] – всё;

- ***γ*** – фрикативного образования: [***γ**рибы́, дара**γ**и́я, дарóγа, диᵊвя́таγа, дóлγа, друγóй, дяру́γи, заγаня́ют, зажγли́, иγрáли, йиᵊγó, круγи́, кру́γлая, маγази́н, ни маγу́, ничиᵊγó, паγарéла, паγналá*] и др. – признак южнорусских говоров;

- замена [*ф*] на [*к*] в начале слова: [***к**ухвáйки*] – фуфайки.

Вместе с тем нельзя не отметить случаи упрощения гласных и / или согласных, их групп / или отдельных букв: [*алáди, бóли, вишь, дáли, звéними, кадá, каки́-та, наслáли, ничё, пися́т, рáни, сви́ни, скок, тадá, тош, ш, щас*] – алá**д**и, боль**ш**е, ви**д**ишь, даль**ш**е, звен**ь**ями, когда, каки**е**-то, нас**т**лали, ничe**го**, п**ять**десят, ран**ь**ше, свин**ь**и, ско**лько**, то**г**да, тож**е**, ещё, сейчас и др.

Грамматические характеристики речи информатора.

Морфологические особенности:

- У существительного 1-го склонения женского рода в родительном падеже в форме единственного числа обнаружена флексия *-у* на месте *-и:* [*Хади́ли кусты́ жави́к**у** сабирáли*].

- У существительного 2-го склонения мужского рода в родительном падеже в форме единственного числа наблюдается флексия *-у* на месте *-а:* [*Кадýшка цéлая прям твóраγ**у***].

- У существительных 2-го склонения среднего рода в именительном и винительном падеже в форме единственного числа функционирует флексия *-я* на месте -е – наблюдается изменение в склонении (1 скл.): [*Плáть**я** аднá былá. Я γóр**я** видáла*]. В винительном падеже в форме множественного числа – флексия *-и* на месте *-я*: [*Стáли плáтьй**и** шить*].

- У существительного 2-го склонения среднего рода в предложном падеже в форме единственного числа на месте *-е* отмечены флексии *-ю* и *-и*: [*На пóл**ю** хади́ли. Рабóтали́ на пóл**и***].

- У существительных 3-го склонения женского рода в именительном падеже в форме множественного числа отмечена флексия *-я* на месте *-и* – зафиксировано изменение в склонении (1 скл.): [*Лашад**я́** бы́ли*].

- У существительного в именительном падеже в форме множественного числа обнаруживается флексия *-и* на месте *-е*: [*Цыга́н**и** хади́ли*].
- У существительного в родительном падеже в форме множественного числа зарегистрирована флексия *-ов* на месте нулевой: [*Бы́ла дяло́**в**. Да гадо́**в** де́сить. Из вёдр**ав** паи́ли. Вази́л ско́лька гадо́**в**? Да гадо́**в** пять наве́рная*].
- У существительного в дательном падеже в форме множественного числа на месте *-ям* наблюдается флексия *-ей*: [*Ма́ма вяза́ла там на люд**е́й***].
- Прилагательные среднего рода в форме единственного числа в родительном падеже имеет окончание *-аго* вместо *-его*: [*Не́ту ничё харо́ш**ага***].
- Прилагательные в именительном падеже в форме множественного числа зафиксированы с окончанием *-ыя* /*-ия* вместо *-ые*: [*Платки́ вяза́ли пухо́в**ыя**. Платки́ дараг**и́я** бы́ли*].
- Прилагательные в винительном падеже в форме множественного числа зафиксированы с окончанием *-ых*/*-их* вместо *-ые/-ие*: [*Атправля́ли пра́вильн**ых** бальш**и́х** гало́ф*].
- Личное местоимение 1-го лица в родительном падеже оканчивается на *-е*: [*Пашли́ у ми^{э}н**е́** де́ти. У ми^{э}н**е́** их пя́тира бы́ла. Мн**е** мяда́ль я зараба́тывала*]. – Пошли у меня дети. У меня их пятеро было. У меня медаль, я заработала.
- В ряду глаголов 3-го лица единственного и множественного числа выявлена флексия *-ть* на месте *-т*: [*Вон вирхаво́й лятí**ть**. Во́лки во́ю**ть**. Щас хо́дю**ть**. Он лятí**ть** в агаро́т. Да малако́ пиряганя́ю**ть**. Э́та слі́фки быва́ю**ть**. Быва́ла нальё**ть** каду́шку*] – черта южнорусских говоров.
- У глагола 3-го лица настоящего времени во множественном числе обнаружена флексия *-ют* на месте *-ят*: [*Их ня но́с**ют***].
- В части глаголов 3-го лица единственного и множественного числа отсутствует конечный согласный: [*Ана́ аддава́**я**. Капа́**я** карто́шку*] – признак южнорусских диалектов.
- В возвратных глаголах постфикс *-си* отмечен на месте *-ся*: [*На кирпича́х **г**ре́йишь**си**. Шта́пиль ади́н паяви́л**си**. Настано́вишь**с**и – абра́т вази́ли. Он кида́л**си** на няго́*].
- Постфикс *-ся* зафиксирован на месте *-сь*: [*Аства́ла**ся** в зи^{э}мле́. Пазнако́мили**ся** мы*].
- Употребление междометий в речи: [***Ух**, Го́спади! **О**, каро́вы да тяли́лись ани́!*].
- Наблюдается разрушение категории среднего рода и его переход в женский: [*Пла́ть**я** адна́ был**а́**. Павида́ла я го́р**я**. Усё пагаре́л**а**. Про́с**а** был**а́**. Ра́див**а** был**а́** на у́лицы. У на́с хазя́йств**а** был**а́***]. – Платье одно было. Повидала я горе. Всё погорело. Просо было. Радио было на улице. У нас хозяйство было.

Синтаксические явления в речи:

- Использование слова «*там*» в роли частицы в сочетании с местоимением «какой»: [*Како́й **там** кисе́ль, вада́. **Там** дяло́ф-та*] и в роли указательного местоимения: [*Бы́ла дяло́ф **там**. Всё развали́ли **там**. Жи́ли гот **там**. Радила́сь де́вачка **там**. **Там** с адни́м связа́лась*].
- Слово «*вот*» в роли указательного местоимения: [*Зе́млю **вот** вы́рыли*] и указательной частицы: [***Вот** во́лки вади́лись. Был я **вот** по́мню. Сажа́ли **вот**. Патсо́лнухи **вот** бы́ли. Таскать прям **вот**. Как **вот** васкре́сник был. А **вот** щас трава растёт. Я **вот** прие́хала с Си^{э}руе́ем. Када́ **вот** за́муш вы́шла. Э́ти **вот** аста́лись. **Вот** та́к-та **вот** бы́ла. Мы и каси́ли **вот**. **Вот** к зиме́ корм гато́вили*].

- Слово «*да*» как утвердительная частица: [***Да**, са́ми, **да**! **Да**, миˀшки́ бы́ли. **Да**, я по́мню!*] и «*да*» в роли союза: [***Да** раска́звать фсё тут. **Да** с вайны пришёл. **Да** ра́зве э́та фсё по́мнишь?*].
- Частотное употребление усилительной частицы «*уж*»: [*Мне **уж** два́цать пять лет. Я **уж** выхади́ла за́муш. Я **уж** тут за́мужам. Я **уж** и ня по́мню! Я **уж** выхади́ла за́муш*].
- Предлоги *«с» / «со»* функционируют в значении *«из»* и употребляются с существительным в родительном падеже: [***С** ма́рли платки́. Я приˀду́ **са** шко́лы-т. Квас де́лали **са** свяклы́*]. – Из марли платки. Я приду из школы. Квас делали из свёклы.
- Предлог *«у»* замечен на месте *«в»* и употребляется с существительным в предложном падеже: [***У** де́тях была́. Жила́ **у** ня́ньких. **У** Твирдыша́х был калхо́с*]. – В детях была. Жила в няньках. В Твердышах был колхоз.
- Порядок слов в говоре свободный: [*Вяза́ла там на люде́й ма́ма. Пу́хлый был я вот по́мню. Шта́пиль был э́та са́мый харо́ший. Хахлы́ там бы́ли. Ну жи́ли нас пя́тира бы́ла. Да рабо́ты мне я пашла́ па диˀтя́м. И чё я там два кла́са ко́нчила. Жила́ с ни́ми то́жа. Скати́на, а как жа. Каро́вы да тяли́лись ани́. Карми́ли у́так э́тих. Со́рак γало́в бы́ла их. Прадава́ли там фсё у них там. Ана́ с ма́май так астава́лась. С Васи́лим пазнако́милися мы. Ско́тникам был он. Да хади́ли в савхо́с мы*] и др.

Таким образом, в речи диалектоносительницы ярко выражены следующие фонетические явления: ассимиляция гласного, аканье, яканье, отличное от литературного языка ударение, звук [*в*] как [*в*] губно-зубной и как [*у*] неслоговой, ***γ*** – фрикативный, замена [ф] на [к] в начале слова, упрощение гласных или согласных и др.

Как показывает анализ, грамматические (морфологические и синтаксические) черты проявляются посредством использования в речи респондента существительных, прилагательных, местоимений, глаголов, предлогов, союзов, междометий, частиц, а также порядком слов в предложениях и др.

Проиллюстрируем морфологические особенности: *существительное* 1-го склонения женского рода и 2-го склонения мужского рода в родительном падеже в форме единственного числа на конце имеет флексию *-у*; 2-го склонения среднего рода в именительном и винительном падеже в форме единственного числа содержит изменение в склонении (1 скл.), в винительном падеже в форме множественного числа – флексия *-и*; 2-го склонения среднего рода в предложном падеже в форме единственного числа флексии *-ю* и *-и;* 3-го склонения женского рода в именительном падеже в форме множественного числа – флексию *-я* на месте *-и* – зафиксировано изменение в склонении (1 скл.); в именительном падеже в форме множественного числа флексия *-и;* в родительном падеже в форме множественного числа флексия *-ов*; в дательном падеже в форме множественного числа флексия *-ей. Прилагательное* среднего рода в форме единственного числа в родительном падеже имеет окончание *-аγо*; в именительном падеже в форме множественного числа – окончание *-ыя* /*-ия*; в винительном падеже в форме множественного числа – окончание *-ых*/*-их*. *Личное местоимение* 1-го лица в родительном падеже оканчивается на *-е*. *Глаголы* 3-го лица единственного и множественного числа имеют флексию *-ть* или отсутствующий конечный согласный; 3-го лица настоящего времени во множественном числе – флексию *-ют*; в возвратных глаголах постфикс *-си* на месте -ся и *-ся* на месте -сь. Добавим, что мы зафиксировали разрушение категории среднего рода в говоре селянки.

Синтаксические явления в речи: слово «там» в роли частицы и в роли указательного местоимения; «вот» в роли указательного местоимения и указательной частицы; «да» как утвердительная частица, «уж» как усилительная частица; предлоги «с»

/ «со» употребляются с существительным в родительном падеже; предлог «у» – с существительным в предложном падеже; свободный порядок слов в предложениях и др.

По нашим наблюдениям, в сельском дискурсе функционируют несколько отличительные модели, называющие те или иные явления действительности, служащие удовлетворять коммуникативные задачи в коллективе. И у каждого человека они свои.

Выводы.

Итак, особенности речи Ащеуловой А.А. демонстрируют определённую систему с южнорусскими диалектными чертами.

Считаем, что репрезентируемый в научном сочинении фрагментарный речевой портрет представляет собой плод естественного функционирования языка человека, проживающего в условиях сельского социума, ненормированный речетворческий продукт, являющийся результатом деятельности жителя деревни. В нём своеобразный ключ к ответам на разные вопросы, связанные с историей страны и отдельного человека. Безусловно, «все грани человеческой жизни и сферы деятельности, начиная с детства и заканчивая преклонными годами, отражены в картине мира диалектоносителей старшей возрастной группы» [12, с. 87].

Лингвистический материал, представленный в научном сочинении, позволяет заключить, что креативность долгожительницы является качеством её речи. Она выражается в способности эмоционально и образно в течение длительного времени просто, ясно и понятно передавать носителем диалекта информацию о жизнедеятельности, с одной стороны; в своеобразном комплексе речевых особенностей, отсутствующих в литературном языке, с другой стороны.

Именно поэтому речь жителей деревень и в XXI веке привлекает лингвистов, поскольку они транслируют то самое оригинальное народное слово, которое хранит сведения о прошлом в настоящем. В новых реалиях такая речь звучит необычно, являясь бесценной, интересной для науки и крайне важной для диалектологов.

Завершая, отметим, новизна исследования заключается в том, что в нём впервые определены черты, составляющие нестандартный портрет языковой личности уроженки Аннинского района Центрального Черноземья. Лексикон диалектоносительницы свидетельствует о словаре говорящего, в котором проявляется ряд фонетических и грамматических признаков говора.

Полагаем, что практическая значимость работы состоит в том, что её данные вносят определённый вклад в имеющиеся результаты исследований воронежских диалектологов новыми материалами по лингвокреативности. Неудивительно, что «креативность начинает рассматриваться как признаваемая обществом ценность» [1, с. 38].

Библиографический список

1. Азарова Н.М. Уйдите, нет, останьтесь: динамика взаимодействия концептов…// Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2016. № 1 (**7**). – С. 35-48.
2. Беляевская Е.Г. Лингвистическая креативность: нарушение нормы? // Вопросы психолингвистики. 2022. № 3(53). – С. 62-73. DOI: https://doi.org/10.30982/2077-5911-2022-53-3-62-73.
3. Воробьёва Н.А. Фразеологические варианты в свете креативной речевой деятельности диалектоносителей // Уральский филологический вестник. 2012. № 3. – С. 170-174.
4. Гришаева Л.И. Креативность как сущностное и неотъемлемое свойство носителей языка и культуры // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 1. – С. 17–27. DOI: https://doi.org/10.17308/lic.2022.1/8992
5. Демьянков В.З. Языковая креативность в художественном творчестве // Труды Ин-та

русского языка им. В.В. Виноградова. 2016. № 7. - С. 29–45.
6. Дубровина С.Ю. Словообразовательная креативность лексики, эксплицирующей религиозные представления в русских говорах // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2020. № 3 (68). – С. 84–91. DOI: https://doi.org/10.37724/RSU.2020.68.3.009.
7. Заботкина В.И. Креативность личности в языке и коммуникации // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 8. Ч. 2. – С. 182–192. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-182-192.
8. Зыкова И.В, Киосе М.И. Параметризация лингвистической креативности в междискурсивном аспекте: кинодискурс vs. дискурс детской литературы // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. Вып. 2. – С. 26–40.
9. Ирисханова О.К. О лингвокреативной деятельности человека: отглагольные имена. – М.: Изд-во ВТИИ, 2004. 352 с.
10. Крысин Л.П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. 2001. No 1. – С. 90–106.
11. Кубрякова Е.С. Основные направления концептуального анализа: вместо введения. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2009. – С. 11–21.
12. Недоступова Л.В. Портрет колещатовцев Воронежской области в диалектной картине мира //Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2024. Вып. 2 (66). – С. 73–92. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-66-2-73-92.
13. Недоступова Л.В. Креативность в живой народной речи Воронежской области XXI века // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2025. № 2. – С. 59–73. DOI: https://doi.org/10.29025/2079-6021-2025-2-59-73.
14. Фещенко В.В. Семиотика творчества и лингвистика креативности // Общественные науки и современность. 2008. № 6. – С. 143–150.

References in Roman script

1. Azarova N.M. Uydite, net, ostan'tes': dinamika vzaimodeystviya kontseptov…// Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. 2016. № 1 (7). – S. 35-48.
2. Belyayevskaya Ye.G. Lingvisticheskaya kreativnost': narusheniye normy? // Voprosy psikholingvistiki. 2022. № 3(53). – S. 62-73. DOI: https://doi.org/10.30982/2077-5911-2022-53-3-62-73.
3. Vorob'yova N.A. Frazeologicheskiye varianty v svete kreativnoy rechevoy deyatel'nosti dialektonositeley // Ural'skiy filologicheskiy vestnik. 2012. № 3. – S. 170-174.
4. Grishayeva L.I. Kreativnost' kak sushchnostnoye i neot"yemlemoye svoystvo nositeley yazyka i kul'tury // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2022. № 1. – S. 17–27. DOI: https://doi.org/10.17308/lic.2022.1/8992
5. Dem'yankov V.Z. YAzykovaya kreativnost' v khudozhestvennom tvorchestve // Trudy In-ta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. 2016. № 7. – S. 29–45.
6. Dubrovina S.YU. Slovoobrazovatel'naya kreativnost' leksiki, eksplitsiruyushchey religioznyye predstavleniya v russkikh govorakh // Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Yesenina. 2020. № 3 (68). – S. 84–91. DOI: https://doi.org/10.37724/RSU.2020.68.3.009.
7. Zabotkina V.I. Kreativnost' lichnosti v yazyke i kommunikatsii // Vestnik RGGU. Seriya «Literaturovedeniye. YAzykoznaniye. Kul'turologiya». 2022. № 8. CH. 2. – S. 182–192. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-182-192.
8. Zykova I.V, Kiose M.I. Parametrizatsiya lingvisticheskoy kreativnosti v mezhdiskursivnom aspekte: kinodiskurs vs. diskurs detskoy literatury // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2020. Vyp. 2. – S. 26–40.
9. Iriskhanova O.K. O lingvokreativnoy deyatel'nosti cheloveka: otglagol'nyye imena. – M.: Izd-vo VTII, 2004. 352 s.
10. Krysin L.P. Sovremennyy russkiy intelligent: popytka rechevogo portreta // Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii. 2001. No 1. – S. 90–106.
11. Kubryakova Ye.S. Osnovnyye napravleniya kontseptual'nogo analiza: vmesto vvedeniya. – M.: In-

t yazykoznaniya RAN, 2009. – S. 11–21.
12. Nedostupova L.V. Portret koleshchatovtsev Voronezhskoy oblasti v dialektnoy kartine mira // Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A. Dobrolyubova. 2024. Vyp. 2 (66). – S. 73–92. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-66-2-73-92.
13. Nedostupova L.V. Kreativnost' v zhivoy narodnoy rechi Voronezhskoy oblasti XXI veka // Aktual'nyye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. 2025. № 2. – S. 59–73. DOI: https://doi.org/10.29025/2079-6021-2025-2-59-73.
14. Feshchenko V.V. Semiotika tvorchestva i lingvistika kreativnosti // Obshchestvennyye nauki i sovremennost'. 2008. № 6. – S. 143–150.

References

1. Azarova N.M. Go away, no, stay: the dynamics of interaction of concepts ... // Transactions of the Vinogradov Russian Language Institute. 2016. No. 1 (7). - P. 35-48. (In Russian).
2. Belyaevskaya E.G. Linguistic creativity: violation of the norm? // Questions of psycholinguistics. 2022. No. 3 (53). - P. 62-73. DOI: https://doi.org/10.30982/2077-5911-2022-53-3-62-73. (In Russian).
3. Vorobyova N.A. Phraseological variants in light of the creative speech activity of dialect speakers // Ural Philological Bulletin. 2012. No. 3. - P. 170-174. (In Russian).
4. Grishaeva L.I. Creativity as an essential and integral property of native speakers of language and culture // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2022. No. 1. - P. 17-27. DOI: https://doi.org/10.17308/lic.2022.1/8992. (In Russian).
5. Demyankov V.Z. Language creativity in artistic creation // Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute. 2016. No. 7. - P. 29-45. (In Russian).
6. Dubrovina S.Yu. Word-formation creativity of vocabulary explicating religious ideas in Russian dialects // Bulletin of the Ryazan State University named after S.A. Yesenin. 2020. No. 3 (68). – P. 84–91. DOI: https://doi.org/10.37724/RSU.2020.68.3.009. (In Russian).
7. Zabotkina V. I. Personal creativity in language and communication // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series “Literary criticism. Linguistics. Cultural studies”. 2022. No. 8. Part 2. – P. 182–192. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-182-192. (In Russian).
8. Zykova I. V., Kiose M. I. Parametrization of linguistic creativity in the interdiscursive aspect: film discourse vs. children's literature discourse // Issues of cognitive linguistics. 2020. Issue 2. – P. 26–40.(In Russian).
9. Iriskhanova O.K. On the linguocreative activity of man: verbal names. - M.: Publishing house of VTII, 2004. 352 p. (In Russian).
10. Krysin L.P. Modern Russian intellectual: an attempt at a speech portrait // Russian language in scientific coverage. 2001. No. 1. - P. 90-106. (In Russian).
11. Kubryakova E.S. Main directions of conceptual analysis: instead of an introduction. - M.: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2009. - P. 11-21. (In Russian).
12. Nedostupova L.V. Portrait of Koleshchatovites of the Voronezh Region in the Dialectal Picture of the World // Bulletin of the Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov. 2024. Issue. 2 (66). - P. 73-92. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-66-2-73-92. (In Russian).
13. Nedostupova L.V. Creativity in the Living Folk Speech of the Voronezh Region of the 21st Century // Actual Problems of Philology and Pedagogical Linguistics. 2025. No. 2. – P. 59–73. DOI: https://doi.org/10.29025/2079-6021-2025-2-59-73. (In Russian).
14. Feshchenko V.V. Semiotics of Creativity and Linguistics of Creativity // Social Sciences and Modernity. 2008. No. 6. – P. 143–150. (In Russian).

УДК 811.111

Зулумбекова Махабат
магистрант
Башкирский государственный
педагогический университет имени
М. Акмуллы
Россия, г. Уфа
email: zulumbekovam@mail.ru

Zulumbekova Mahabat
Master's student
Akmulla Bashkir
Pedagogical University
Russia, Ufa
email: zulumbekovam@mail.ru

Гергель Ольга Викторовна
кандидат филоллогических наук, доцент
Башкирский государственный
педагогический университет имени
М. Акмуллы
Россия, г. Уфа
email: airy2008@yandex.ru

Gergel Olga Viktorovna
Associate Professor, Ph.D. in Philology
Akmulla Bashkir Pedagogical University
Russia, Ufa
email: airy2008@yandex.ru

М. Зулумбекова, О.В. Гергель

РОЛЬ СУФФИКСАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ ПОПУЛЯРНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Аннотация. В настоящей статье проводится анализ функционирования суффиксации как одного из ключевых механизмов словообразования в английском языке на материале публикаций аутентичных социальных сетей. Исследование сосредоточено на изучении суффиксальных морфем, которые активно используются для создания новых лексических единиц или модификации их грамматических и семантических характеристик в контексте социального медиадискурса. Особое внимание уделяется выявлению и систематизации продуктивных суффиксов, а также анализу их влияния на формирование новых значений и стилистических оттенков в современном английском языке. В результате проведенного анализа формулируются выводы о роли и значимости суффиксации в процессах лексического обогащения и адаптации языка к условиям цифровой коммуникации.

Ключевые слова: словообразование, аффиксация, префиксация, суффиксация, часть речи, пост в социальной сети

Для цитирования: Зулумбекова М., Гергель О.В. Роль суффиксации в формировании лексического состава языка в контексте популярных социальных сетей. *Русистика без граници. Международно научно списание.* – София, 2025, Том IX, кн. 3, С. 16 – 22.

M. Zulumbekova, O.V. Gergel

THE FUNCTION OF SUFFIXATION IN THE DEVELOPMENT OF THE LEXICAL COMPOSITION OF THE LANGUAGE ON THE EXAMPLE OF CONTEMPORARY SOCIAL NETWORKING PLATFORMS

Abstract: This article provides the analysis of the functioning of suffixation as a key mechanism of word formation in the English language based on the publications of the social network. The research focuses on the study of suffix morphemes, which are actively used to create new lexical units or modify their grammatical and semantic characteristics in the context of social media discourse. Special attention is paid to identifying and systematizing productive suffixes, as well as analyzing their influence on the formation of new meanings and stylistic shades in modern English. As a result of the analysis, conclusions are formulated about the role and significance of suffixation in the processes of lexical enrichment and language adaptation to the conditions of digital communication.

Keywords: word formation, affixation, prefixation, suffixation, part of speech, social network post

For citation: Zulumbekova M., Gergel O.V. The function of suffixation in the development of the lexical composition of the language on the example of contemporary social networking platforms. *Russian Studies without Borders. International scientific Journal*. – Sofia, 2025, Vol. IX, Iss. 3, pp. 16 – 22.

Английский язык характеризуется постоянным изменением своей структуры. Этот процесс обеспечивает его лексическое богатство и разнообразие в области словообразования. Важную роль в изучении и описании данных процессов сыграли отечественные и зарубежные лингвисты, такие как В.В. Виноградов, О. Есперсен, Е.А. Земская, А.Н. Тихонов, Г. Маршан, И.С. Улуханов, Н.М. Шанский [3]. Термин «словообразование» обозначает процесс формирования новых лексических единиц в языке, основной задачей которого является анализ формальных, семантических и исторических закономерностей, лежащих в основе возникновения новых слов [2]. Современный английский язык использует различные способы словообразования, включая деривацию, сложение основ, конверсию, аббревиацию, субстантивацию, адъективацию, лексико-семантический способ, чередование фонем и перемещение ударения. Однако не все из перечисленных методов обладают одинаковой продуктивностью [5].

В данной статье мы представляем анализ одного из основных продуктивных способов словообразования – **аффиксации,** активно функционирующей в современном английском языке. **Аффиксация** представляет собой процесс формирования новых слов посредством присоединения аффиксов (префиксов и суффиксов) к корневой морфеме [1]. Как писал В.В. Виноградов, данный способ позволяет создавать лексические единицы с различными семантическими и функциональными характеристиками. Так, *префиксация* функционирует посредством присоединения префиксов, которые, как правило, имеют семантически контрастные или антонимичные значения по отношению к исходному корню [2].

Некоторые лингвисты считают, что ключевым аспектом аффиксации является *суффиксация*, так как суффиксы выполняют функцию маркеров, определяющих частеречную принадлежность производного слова [5]. Для анализа суффиксальной системы английского языка О.Д. Мешков предлагает классификацию, включающую суффиксальные схемы и модели, которые описывают морфологическую структуру словообразовательного процесса, указывая на используемые части речи, их синтаксические функции и взаимоотношения между производящей и производной основами: V + Suf = N *(to perform — performance),* Adj + Suf = N *(competitive + ness = competitiveness),* N + Suf = Adj *(faith — faithless)* и т.д. О.Д. Мешков в своих научных трудах также классифицирует суффиксы, выделяя среди них терминальные и нетерминальные. Терминальные суффиксы занимают исключительно конечное положение в структуре слова*: -hood, -ship, -let, -ness, -al.* Например: *membership, darkness, childhood.* Нетерминальные суффиксы способны присоединять после себя другие суффиксы, например, *leader – leadership* [4].

С другой стороны, в настоящее время социальные сети являются ключевой платформой для межличностной коммуникации и самовыражения. Данный феномен обусловливает их высокую значимость в качестве объекта лингвистических исследований, направленных на изучение языковых тенденций, характерных для пользователей в цифровой среде. В данной статье мы акцентируем внимание на медиадискурс аутентичных социальных сетей, основным жанром которых выступают пост и комментарии [6].

Для исследования на основе комментариев к публикациям в социальных сетях нами были отобраны примеры использования наиболее распространенных продуктивных суффиксов, обладающих высокой степенью функциональной гибкости, играющих важную роль в развитии и обогащении лексического состава языка.

В соответствии с выраженной частью речи приоритет принадлежит **именам существительным.** Данная часть речи в большей степени представлена суффиксами «-TION» И «-SION», которые служат для обозначения действия, процесса, результата или абстрактного понятия [5]. Как, например, в следующих примерах: «*Would need landmark legislation to threaten my job. Not sure the public are ready to delegate decisions to a «machine». Yet».* В данном комментарии суффикс *«-tion»* при присоединении к глаголу *«to legislate»* формирует существительное «*legislation*», которое приобретает номинативную категорию и новый семантический оттенок, фиксирующий завершенность процесса законотворчества в юридическом контексте: *«to legislate»* (закладывать законы, законодательно регулировать) → *«legislation»* (акты законодательства, нормативные акты, правовые меры, процессы принятия норм). Аналогичным способом образовано существительное *«decisions»: «to decide»* → *«decision»* (решать — решение).

Известная мебельная фирма представила пост с рекламой, демонстрирующий инновационные подходы к привлечению клиентов с участием известных и влиятельных персон, что привело не только к значительному увеличению числа новых покупателей, но и к повышению рейтинга удовлетворенности клиентов. Один из пользователей выражает свое восхищение используемым стратегиям продвижения: «*I was really impressed with the company's promotion strategies. They pulled off attracting new folks and keeping the old ones happy with some cool ideas. Nice job!».* Глагол «*to promote»* (продвигать, способствовать) в результате присоединения суффикса «-TION» СУБСТАНТИВИРОВАЛСЯ В СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ «*promotion»,* семантически трансформировавшись в уже сам процесс организации маркетинговых мероприятий. В дополнении к этому были выявлены следующие лексические единицы, образованные данным суффиксальном способом: *information, discussion, communication, production, explosion, permission.*

Таким образом, использование суффиксов *«-tion»* и *«-sion»* в рамках социальных сетей позволяет пользователям компактно и лаконично выражать сложные понятия, что способствует быстрой передаче информации в рамках онлайн-коммуникации. Более того, производные с данными суффиксами ассоциируются с профессиональностью, организованностью и технологичностью, что влияет на восприятие контента пользователями, повышает авторитет брендов и организаций.

В ходе анализа была отмечена высокая распространенность суффиксов «-ER» И «-OR», содержащих в себе обозначение людей, которые выполняют определённую работу или занимаются какой-либо деятельностью [5]. Так, в одном из комментариев к посту президента США пользователь выражает своё мнение, считая, что на данный момент действия и политика лидера не вызывают у людей оптимизма и уверенности в будущем. Это связано с экономической ситуацией, уровнем жизни и другими аспектами управления страной: «The leaders of the country not bringing much hope to the people, maybe they can start giving more hope and opportunities to people who live here…but i doubt that». В ответ на данное сообщение был получен комментарий от другого пользователя, который отметил, что ситуация с условиями труда может быть еще более неблагоприятной. В качестве примера было приведено сравнение с другой страной: «you haven’t been a worker in Mexico, ha-ha». Данные примеры свидетельствуют о том, что при образовании существительных «leader» и «worker»

от глаголов «to lead» и «to work» посредством суффикса «-er» произошло не только изменение грамматической формы, но и модификация лексического значения. А именно, трансформация глагола «to lead» (вести, руководить, управлять) в существительное «leader», которое характеризует лицо, осуществляющее руководство; ведущее за собой других. Изменение семантического поля глагола «to work» при переходе в существительное «worker» привело к образованию лексемы, обозначающей лицо, занимающееся трудовой деятельностью, выполняющее работу.

Такие же изменения в плане лексического **значения** представлены и в следующем примере: *«man, i'm super bummed about this blogger's stuff! The info is way out of date and just plain wrong. It's so annoying that there are bloggers out there who lie to their readers like that».* В данном комментарии присутствует производное существительное «*bloggers»* (блогеры), которое возникло путем присоединения суффикса *«-er»* к морфемной основе термина «*blog*» (веб-сайт, блог) и расширило свое СМЫСЛОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ до субъекта, осуществляющего ведение сетевого дневника. Аналогичным же способом образовано и существительное *«readers»* (читатели) от глагола *«to read»* (читать). В дополнении к этому нами были выявлены и другие примеры использования производных с суффиксом «*-er*»: *«follower», «gamers», «vlogger», «uploader», «streamer»*.

Суффикс *«*-IST» также используется для формирования существительных, наделяя их новой семантической наполненностью – обозначают профессионалов или специалистов в различных областях [7]. Представленные ниже единицы возникли согласно словообразовательной модели *N1 + Suf = N2*: *«As a tourist, I expected better treatment and attention to detail, but all I got was poor customer service and negligence. Shame on you for not valuing your guests! Disgusting attitude towards tourists!».* В другом примере слово ***«journalist»*** происходит от существительного ***«journal»:*** *«This is why I respect Louis as a journalist. He's always managed to get his subjects to incriminate themselves with a strangely innocent seeming demeanor».* Благодаря присоединению суффикса ***«-ist»*** образовалось существительное *«journalist»,* применяемое для обозначения специалиста в области журналистики, в сфере передачи информации в печатных и электронных СМИ.

Таким образом, производные суффиксы *«-er»* и *«-ist»* являются важным инструментом для обозначения исполнителей действия или представителей определённой профессии, группы лиц. Их специфика в контексте социальных сетей заключается в обозначении принадлежности к определённой группе или сообществу, что способствует формированию идентичности и налаживанию контактов в рамках онлайн-коммуникации.

Дополнительным средством продуктивной деривации выступает суффикс *«*-MENT», имеющий латинские корни и формирующий отглагольные существительные с оттенком абстрактности, сообщая о различных аспектах деятельности или состоянии [7]. *«I was very disappointed with the service at this restaurant. The food took too long to arrive, and it wasn't what I expected. Overall, it was a big disappointment».* Комментарий другого пользователя содержит описание состояния эмоционального возбуждения: *«I had a great time at the concert! The music was amazing, and the atmosphere was full of excitement. I can't wait to go again».* Оно передается через существительное «*excitement»,* которое возникло от глагола *«to excite»,* имеющего корни в **латинском и старофранцузском языках**, и означающего *«возбуждать, пробуждать».* Производные существительные *«disappointment»* и *«excitement»* под влиянием продуктивного суффикса *«-ment»* описывают человеческие переживания и реакции, указывая на эмоциональное состояние, возникшее вследствие определенных действий или событий [7].

Среди **имен прилагательных особо распространены** суффиксы *«*-FUL» и латино-французский «-OUS», свидетельствующие о наличии какого-либо качества или

характеристики [5]. Данная семантическая трансформация проявляется в следующих примерах: *«The situation became dangerous, threatening the safety and security of everyone involved, and urgent measures had to be taken to prevent any harm».* В комментарии к одной из публикаций, посвященной последствиям природного стихийного бедствия на побережье штата Калифорния, пользователь выразил озабоченность сложившейся ситуацией, что передается через использование соответствующих прилагательных «*urgent», «threatening»,* а также *«dangerous»,* в контексте которого суффикс «-OUS» указывает на высокую степень выраженности опасности, присущей явлению, обозначаемому этим прилагательным.

В другом примере: *«I recently watched a movie with one of the most famous actor, and I must say, that this one was outstanding. He truly deserves all the awards he's received for his role»* прилагательное *«famous»* (известный) было образовано в результате присоединения суффикса *«-ous»* к базовому элементу – существительному *«fame»*, с лексическим значением «слава», «известность». Таким образом, данный пример продуктивного механизма деривации позволяет создать новую лексическую единицу путем комбинации существующих морфем.

Следовательно, специфика функционирования суффиксов *«-ful»* и *«-ous»* в социальных сетях может проявляться в создании эмоционально окрашенных выражений, что придает сообщениям более выразительный и эмоциональный характер и влияет на восприятие информации в посте. Более того, суффиксы *«-ful»* и *«-ous»* позволяют создать краткие, ёмкие описания, которые легко воспринимаются и запоминаются пользователями.

В ходе анализа социальных сетей были выявлены имена прилагательные, образованные от глаголов с помощью суффикса *«-ing».* Они описывают свойства или состояния, связанные с действием, от которого они образованы [7]. *«Dude, your speech was so boring, I nodded off in like 10 minutes. Maybe you should try a different editor or something».* В рамках данного примера изменение глагола *«to bore»* (надоедать, вызывать скуку), привело к формированию его адъективной формы *«boring».* Семантический анализ данного прилагательного демонстрирует его трансформацию, в результате которой оно приобрело более широкий спектр значений, включив в себя характеристику объектов, способных вызывать чувство скуки или раздражения. Таким образом, прилагательное *«boring»* можно определить как лексему, семантически обозначающую «скучный» или «наводящий состояние скуки», что позволяет классифицировать его как средство вербального выражения субъективного восприятия монотонности или раздражительности.

Суффиксы *«-able», «-ible» и «*-IVE» применяются для образования прилагательных, которые обозначают возможность или способность к выполнению определенного действия или состояния [5]. Они играют ключевую роль в формировании лексического состава, относящегося к качественным и оценочным характеристикам объектов и явлений: *«Are new political solutions possible? The government has totally taken over, they're living it up, and regular folks are getting screwed». «Finally, she is wearing a nice outfit. Thanks to the stylists, at least today they are* CREATIVE. *Wow, she looks amazing!».* Прилагательные «*possible*» и «CREATIVE» являются результатом морфологического процесса аффиксации, в частности, добавления суффикса *«-ible»/ «*-IVE» к основе слова. Данный лингвистический феномен представляет собой типичный пример продуктивного словообразования в английском языке.

Таким образом, мы можем сказать, что использование вышеуказанных суффиксов имен п**рилагательных** способствует формированию более точного и выразительного языка в сфере онлайн-коммуникации, обеспечивая гибкость и разнообразие в передаче

информации. Это, в свою очередь, помогает детализировать и конкретизировать описание и выражение своего мнения, что в свою очередь повышает эффективность коммуникации.

В английском языке **глагольная** морфология также позволяет создавать новые формы посредством присоединения различных суффиксов**. Например**, *«*-IZE», «-ISE». ОНИ вошли в лексикон английского языка от греческих и латинских *«-izein»* и *«-izare»* и используются для описания определённого состояния или условия. Сформированные глаголы обозначают действия, которые приводят к достижению этого состояния [5]: *«These people are constantly inclined to criticize Trump. Well, mind your own business. The dude is trying to change something. But you're still mad, huh?».*

В ходе анализа нами был также отмечен суффикс *«-ate»,* который активно используется в английском языке для образования глаголов, обозначающих действия, процессы или изменения. Так, аккаунт одной из новостных газет публикует пост о массовых забастовках населения, не признающих серьезных последствий кори и не согласных прививаться. В комментарии к данному посту один из пользователей проявляет категоричное и резкое недовольство системой вакцинации: *«I'd rather take a bullet than to be mandatory vaccinated..».* Глагол «*to vaccinate*» (вакцинировать) представляет собой дериватив от существительного «*vaccine*» (вакцина), образованный посредством присоединения суффикса *«-ate».* Семантическая трансформация данной лексемы обусловлена приобретением значения «подвергать воздействию с использованием объекта, обозначенного производящей основой», в данном случае — вакцины.

Таким образом, суффиксы *«-ize/-ise», «-ate»* играют значительную роль в дискурсе социальных сетей, выступая важным инструментом для выражения точной и емкой терминологии, необходимой для описания действий, процессов и нововведений. Это обеспечивает удобство и доступность информации для пользователей.

Итак, проведенный лингвистический анализ лексем, образованных посредством суффиксации, свидетельствуют о высокой продуктивности и универсальности данного морфологического способа. Представленные примеры использования производных форм в постах и комментариях аутентичной социальной сети способствуют усилению их выразительности и эмоциональной насыщенности, что, в свою очередь, оказывает значительное влияние на восприятие информации пользователями. Указанные свойства обусловливают широкое распространение суффиксальных словообразовательных моделей в медиадискурсе социальных сетей.

Библиографический список

1. Дубенец Э.М., Лексикология современного английского языка М.: «Знание», 2022. - 198 с.
2. Виноградов В.В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии. - М., 1952. - 243 с.
3. Каращук П.М. Словообразование английского языка. - М., 2021. 310 с.
4. Мешков О.Д. Словообразование современного английского языка. М.,1976. - 248 с.
5. Стрельцова А.Д. Особенности словообразования в английском языке // Форум молодых ученых. 2019. №1-3 (29). С. 466-470.
6. Щурина Ю.В. Жанровое своеобразие социальной сети. Жанры речи, 2016. – С. 156 – 168.
7. Артикова А.А. Influence of suffixes and prefixes on word meaning in English // ORIENSS. 2022. №11. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/influence-of-suffixes-and-prefixes-on-word-meaning-in-english (дата обращения: 05.07.2025).

References in Roman script

1. Dubenetz E.M., Leksikologiya sovremennogo anglijskogo yazy`ka M.: «Znanie», 2022. - 198 s.

2. Vinogradov V.V. Slovoobrazovanie v ego otnoshenii k grammatike i leksikologii. - M., 1952. - 243 s.
3. Karashhuk P.M. Slovoobrazovanie anglijskogo yazy`ka. - M., 2021. 310 s.
4. Meshkov O.D. Slovoobrazovanie sovremennogo anglijskogo yazy`ka. M.,1976. - 248 s.
5. Strel`czova A.D. Osobennosti slovoobrazovaniya v anglijskom yazy`ke // Forum molody`x ucheny`x. 2019. №1-3 (29). S. 466-470.
6. Shurina Yu.V. Zhanrovoe svoeobrazie social`noj seti. Zhanry` rechi, 2016. – S. 156 – 168.
7. Artikova A.A. Influence of suffixes and prefixes on word meaning in English // ORIENSS. 2022. №11. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/influence-of-suffixes-and-prefixes-on-word-meaning-in-english (data obrashcheniya: 05.07.2025).

References

1. Dubenets E.M., Lexicology of modern English M.: "Knowledge", 2022. - 198 p. (In Russian).
2. Vinogradov V.V. Word formation in its relation to grammar and lexicology. \ - M., 1952. – 243 p. (In Russian).
3. Karashchuk P.M. Word formation in English language. - M., 2021. 310 p. (In Russian).
4. Meshkov O.D. Word formation of modern English. M., 1976. - 248 p. (In Russian).
5. Streltsova A.D. Features of word formation in the English language. 2019. №1-3 (29). P. 466-470. (In Russian).
6. Shurina Yu.V. Genre-specific features of the social network. Parts of Speech, 2016. - P. 156-168. (In Russian).
7. Artikova A.A. Influence of suffixes and prefixes on word meaning in English // ORIENSS. 2022. №11. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/influence-of-suffixes-and-prefixes-on-word-meaning-in-english (accessed: 05.07.2025).

УДК 81

Агафонцев Максим Сергеевич,
ассистент
Самарский государственный
социально-педагогический университет
Россия, г. Самара
e-mail: agafontsev.m@psga.ru

Agafontsev Maksim Sergeevich,
Assistant
Samara State University of Social Sciences and Education
Russia, Samara
e-mail: agafontsev.m@psga.ru

М.С. Агафонцев

РАСШИРЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО ОБЪЕМА ЛЕКСЕМЫ «ПРОЕКТ» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье предпринимается попытка описать явление расширения семантического объема лексемы «проект» в современном русском языке. Устанавливается, что денотативное значение лексемы «проект» в настоящее время дополняется, что напрямую связано с экстралингвистическими факторами, среди которых развитие деловой индустрии, медиакоммуникаций, появление грантовой поддержки в различных сферах деятельности человека. Определяется, что значительную роль играет возможность носителя языка уместить объем информации, касающийся создания какого-либо продукта, в одну лексему «проект», не прибегая к необходимости составлять описательные обороты и иные языковые конструкции, что позволяет экономить речевые усилия. На основе имеющихся в лингвистической русистике определений лексемы «проект» устанавливается связь новых значений с денотативными.

Ключевые слова: лексема, проект, узуальное значение, семантика, семантическое расширение, денотативное значение, деловая картина мира

Для цитирования: Агафонцев М.С. Расширение семантического объема лексемы «проект» в современном русском языке. *Русистика без граници. Международно научно списание.* – София, 2025, Том IX, кн. 3, С. 23 – 29.

M.S. Agafontsev

EXPANDING THE SEMANTIC SCOPE OF THE LEXEME «PROJECT» IN MODERN RUSSIAN

Abstract. The article describes the phenomenon of expanding the semantic scope of the lexeme «project» in modern Russian. It is established that the denotative meaning of the lexeme «project» is currently being supplemented, which is directly related to extralinguistic factors, including the development of the business industry, media communications, and the emergence of grant support in various fields of human activity. It is determined that a significant role is played by the ability of a native speaker to fit the amount of information related to the creation of a product into one lexeme «project», without having to make descriptive phrases and other language constructions, which saves speech effort. Based on the definitions of the lexeme «project» available in linguistic Russian studies, the connection of new meanings with denotative ones is established.

Keywords: lexeme, project, usual meaning, semantics, semantic extension, denotative meaning, business picture of the world

For citation: Agafontsev M.S. Expanding the semantic scope of the lexeme «project» in modern Russian. *Russian Studies without Borders. International scientific Journal.* – Sofia, 2025, Vol. IX, Iss. 3, pp. 23 – 29.

В современном мире каждый человек имеет множество возможностей для самореализации в различных сферах деятельности. Этому во многом способствует и поддержка со стороны государства в вопросе решения общественно значимых проблем.

В России вот уже почти три десятка лет успешно реализуются национальные проекты, оказывается помощь малому и среднему бизнесу, находят поддержку гражданские инициативы. Все это приводит к появлению новых событий, мероприятий, продуктов различного масштаба и количества. Вместе с тем общество все чаще стало называть подобные продукты и события проектами, подразумевая при этом совершенно разные по своему характеру и природе вещи. Обратим внимание на некоторые тенденции, наблюдаемые в русском языке, которые сопровождают подобного рода события, мероприятия, продукты, которые мы отнесем к деловой картине мира.

Опишем понятие *деловая картина мира* с опорой на лингвистическое понимание данного термина. Российский исследователь О. В. Ширяева отмечает, что деловая картина мира носителей русского языка стала формироваться в 1990-2000-е гг. В данный период наиболее активно развиваются рыночные отношения во всех сферах жизни государства, чему способствовали соответствующие политические, экономические и социальные явления в России, а также в странах бывшего Советского Союза. По мнению исследователя, деловая картина мира – это явление, включающее в себя как повседневную обыденность, так и экономическую, политическую, профессиональную и научную картины мира как векторов деловой жизни носителей русского языка [9]. Таким образом, деловая картина мира не ограничивается лишь предпринимательством как явлением, а представляет собой расширенную категорию, в которой неотъемлемой чертой является взаимодействие человека с другими сферами.

Деловую картину мира как лингвистическую категорию характеризовали в научных трудах такие отечественные исследователи, как А.В. Кокова [3], И. А. Крюков [5], Т. А. Островская [7], О.В. Фельде, А.Э. Мезит [8] и др.

Одним из маркеров деловой картины мира является лексема *проект*. Дадим ей определение. Проект, согласно «Большому академическому словарю русского языка», – это «1. Разработанный план создания чего-либо, включающий в себя описание, чертежи, макеты и т. п. 2. Предварительный текст какого-либо документа, представляемый на обсуждение, утверждение. 3. Замысел, план действий» [1, с. 34]. Согласно представленному определению, проект представляет собой план создания какого-либо сооружения или документа, по которому впоследствии будет осуществляться их реализация. Помимо этого, проектом также именуется план действий, не связанный с созданием чего-либо материального.

Обратимся к «Словарю современной экономической науки», в котором под проектом подразумевается в дополнение к указанным значениям «Деятельность, мероприятие, предполагающие осуществление комплекса каких-то действий, обеспечивающих достижение определенных целей» [6, с. 347]. Данное определение расширяет рамки понятия *проект* и относит его к экономической, деловой сфере. Однако подобное понимание проекта не характеризует в полной мере современного потенциала понятия, которым в настоящее время обозначается значительное число явлений, присутствующих как в деловой, так и в бытовой сфере.

Опишем случаи расширения денотативного значения лексемы *проект* на примере делового и публицистического дискурсов. Некоторые отечественные исследователи обращают внимание на то, что проектирование как способ организации окружающей среды, ее планирования набирает популярность с каждым годом. Ю. В. Громыко отмечает, что проектное мышление современного человека стало ассоциироваться с архитектурно-строительным образом мысли и действий и выходит далеко за рамки делового замысла [2].

О. В. Ширяева и З. Р. Хачмафова определяют, что при всем расширении контекстуального объема слова *проект* в нем сохраняется семантическое ядро – планирование, расчет, рациональность [10].

Российский ученый М. А. Кронгауз, описывая процессы абстракции в языке, отмечает повышение популярности слова *проект* не только в бизнес-дискурсе, но и в повседневном, бытовом общении. Исследователь связывает данный факт как со стремлением значительного числа носителей языка вывести деловой дискурс на ведущие позиции общения, так и с тенденцией к обобщению того или иного дела. Это позволяет, с одной стороны, придать делу определенную значительность, а с другой стороны, – неопределенность, лишив собеседника подробностей и нежелательных рассуждений [4].

Опираясь на приведенные научные взгляды, опишем некоторые примеры употребления лексемы *проект* с расширенным семантическим объемом. Одна из наиболее частотных сфер употребления данной лексемы – сфера строительства и архитектуры. Отметим, что денотативное значение слова *проект* восходит в том числе к обозначению плана будущего здания, строения, территории. Однако в настоящее время наблюдается расширение объема данного значения. Проектом именуется в целом планируемый к строительству или уже строящийся жилой комплекс, напр.: ***Проект** «Level Звенигородская» строится в престижном районе Хорошёво-Мнёвники на границе с ЦАО* (ЖК «Level Звенигородская» // ЦИАН).

В указанном примере лексема *проект* находится в синонимических отношениях с такими языковыми единицами, как *дом*, *жилой комплекс*. На это указывают предикативные связи предложения, ср.: *проект строится – дом строится – жилой комплекс строится*. Употребление в данном примере лексемы *проект* в значении плана создания какого-либо строения не может соотноситься с глагольным компонентом *строится*, поскольку проект предполагает лишь план действий, отраженный на бумаге. В данном случае наблюдается расширение значения слова.

Обратим внимание и на такие примеры:

1) *Выбирая локацию для жилых башен «Баланс Towers», создатели **проекта** старались сохранить баланс между историческим значением района и его значимостью для современной Самары* (История места // «Баланс Towers»)

2) ***Проект** расположится в знаковом районе Самары: по адресу улица Ново-Садовая, 106, напротив филиала Третьяковской галереи* (Локация // «ЗИМ Галерея).

В обоих случаях под *проектом* подразумевается не только план действий по строительству сооружений, но и сами эти сооружения. Наблюдается тенденция отхода от стилистически нейтральных лексем *дом*, *жилой комплекс*. При этом отметим, что бытование лексемы *проект* в архитектурно-строительном контексте наблюдается при обозначении еще не принятого в эксплуатацию жилого дома. Это подтверждает отсутствие зафиксированных примеров употребления лексемы *проект* по отношению к заселенному дому, из уст жильцов и др.

Таким образом, бытование лексемы *проект* в отношении планируемого к возведению жилого комплекса или уже возводимого позволяет носителям языка из числа представителей застройщиков, рекламы одновременно обобщить представление о будущем доме у потенциальных покупателей, а также «ввести» их в деловой дискурс. Подобные конструкции, вероятно, повышают престижность дома, компании и всего делового дискурса в целом.

Однако расширение семантического объема лексемы *проект* не сводится лишь к обозначению архитектурно-строительных процессов. Бытование лексемы также находит свое отражение в медиадискурсе. Приведем пример: *На ее* [компании Comedy Club Production] *счету, помимо Comedy Club, такие* ***проекты****, как скетчком «Наша Russia», сериалы «Универ», «Интерны», «Домашний арест», «Жуки», шоу «Танцы» и др*. (Н. Корнацкий. В «Газпром-медиа» сообщили о закрытии Comedy Club // Ведомости, 19.09.2024).

В указанном случае под проектом понимаются юмористические шоу, телесериалы, которые выходят на определенном канале и подчиняются определенному медиахолдингу. Каждая из указанных в примере позиций медиаконтента характеризуется собственной темой, целевой аудиторией, актерским и режиссерским составом, съемочной площадкой, бюджетом и т. д. При этом лексема *проект* обобщает жанры каждой из названных передач, сериалов.

Соотнося приведенный пример с денотативным значением слова *проект*, отметим, что все три значения, закрепленных в «Большом академическом словаре русского языка», не отражают самой сути представленных медиапродуктов. Это позволяет говорить о расширении семантического объема лексемы *проект*, реализующейся в медиадискурсе.

Попутно отметим, что, в отличие от темы архитектуры и строительства, *проект* в медиадискурсе представляет собой уже реализующееся мероприятие. В данном случае речь не идет о планировании и подготовке какого-либо продукта, а указывается на существующий. В отдельных случаях проектом может быть обозначено завершенное шоу, сериал, напр.: ***Проект*** *«Дом-2» перестал приносить прибыль, в связи с этим телеканал «ТНТ» решил закрыть шоу, сообщил руководитель «Газпром-Медиа Холдинга» Александр Жаров в эфире «России-24»* (Названа причина закрытия «Дома-2» // Бизнес Online, 29.12.2020).

Расширение семантического объема лексемы *проект* в медиадискурсе основано на обозначении телевизионных шоу, сериалов и других программ как комплекса финансовых, идейных, человеческих ресурсов для создания того или иного вида медиаконтента. При этом планирование подобного контента или его завершение не играет значительной роли при выборе носителями языка *проекта* как языковой единицы для его обозначения.

Еще одной сферой деятельности, в которой наблюдается активное использование лексемы *проект*, является социальное проектирование. За последнее десятилетие социальное проектирование как явление получило в Российской Федерации стремительное развитие и государственную поддержку. Суть данного мероприятия заключается в возможности каждого гражданина представить проект по решению социально значимой проблемы села, города, области, вуза, школы, производства и т. д. за счет привлечения грантовых средств. В данном случае лексема проект тесно соотносится с ее определением, представленным в «Словаре современной экономической науки» и в настоящем исследовании. Однако и в данном случае наблюдается расширение ее семантики.

Приведем пример: *Флагманские* ***проекты*** *Движения Первых – это крупные и значимые* ***проекты****, которые позволяют ребятам получить новые навыки, знания и знакомства* (Флагманские проекты // Проекты и события Движения Первых). В данном случае под словом *проект* подразумевается план, комплекс действий по достижению какой-либо цели. Однако подобный комплекс действий может включать в себя неоднородные по своей форме, содержанию мероприятия, проведение которых будет призвано в итоге решить определенную социальную проблему за счет привлеченных грантовых средств.

Еще одной чертой, характерной для подобных проектов, является их ограниченность во времени. Это означает, что употребление носителями языка лексемы *проект* характерно как для начала подобного комплекса мероприятий, так и для периода их завершения.

Таким образом, в современном русском языке наблюдается расширение денотативного значения лексемы *проект* в различных сферах деятельности носителей языка. Включение в семантику слова не только плана по созданию архитектурного сооружения, но и само это сооружение позволяет распространить деловой дискурс на повседневное, бытовое общение. За счет увеличения числа явлений, обозначаемых в настоящее время словом *проект*, говорящий избегает необходимости конкретизировать называемые вещи, создавая при этом «поле» для интерпретации смысла реципиентом.

В качестве готового продукта лексема *проект* предстает и в медиадискурсе, обозначая конкретную единицу создаваемого контента. То же наблюдается и в сфере социального проектирования, где цель, а также средства ее достижения обозначаются словом *проект* как всеобъемлющим.

Указанные в настоящем исследовании положения подчеркивают тенденцию, наблюдаемую в русском языке, об обобщении называемых явлений, что, вероятно, в скором времени отразится и на определении лексемы *проект* в лексикографических источниках, в будущем планируемых к выпуску.

Библиографический список

1. Большой академический словарь русского языка / под ред. А. С. Герда. – М., СПб., 2012. – Т. 21. – 632 с.
2. Громыко Ю.В. Проектное сознание: руководство по программированию и проектированию в образовании для систем стратегического управления. – М.: Институт учебника Paideia, 1997. – 560 с.
3. Кокова А.В. Социолингвистический аспект концептуализации деловой женщины в русской языковой картине мира // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики, 2017. № 2. С. 107–111.
4. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. – М.: АСТ: CORPUS, 2018. – 512 с.
5. Крюков И.А. Смысловое наполнение концепта «бизнес» и его репрезентация в русском языке на современном этапе: автореф. дис. … канд. филол. наук. Н. Новгород, 2012. – 24 с.
6. Лопатников Л.И. Экономико-математический словарь. Словарь современной экономической науки. – М.: Дело, 2003. – 520 с.
7. Островская Т.А. Дискурсообразующие концепты элиты // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение, 2013. – № 3. – С. 76–82.

8. Фельде О.В., Мезит А.Э. Профессиональная языковая картина мира как объект исследования в терминоведении и в лингвистике LSP // Вестник Томского государственного университета, 2023. – № 488. – С. 120–126
9. Ширяева О.В. Русская деловая картина мира: национальная идентичность и современный глобальный медиадискурс // Национальная идентичность сквозь призму диалога культур. Исследования в области гуманитарных наук в ибероамериканском и российском научном пространстве: материалы III Международного конгресса, Ростов-на-Дону – Кадис, 28–30 сентября 2017 года, 2020. – С. 357–361.
10. Ширяева О.В., Хачмафова З.Р. Концепт «Проект» в деловой картине мира (на материале дискурса деловых СМИ) // Вестник Адыгейского государственного университета, 2014. – №4. С. 90–96.

References in Roman script

1. Bol'shoj akademicheskij slovar' russkogo yazyka / pod red. A. S. Gerda. – M., SPb., 2012. – T. 21. – 632 s.
2. Gromyko Y.V. Proektnoe soznanie: rukovodstvo po programmirovaniyu i proektirovaniyu v obrazovanii dlya sistem strategicheskogo upravleniya. – M.: Institut uchebnika Paideia, 1997. – 560 s.
3. Kokova A.V. Sociolingvisticheskij aspekt konceptualizacii delovoj zhenshchiny v russkoj yazykovoj kartine mira // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoj lingvistiki, 2017. № 2. S. 107–111.
4. Krongauz M.A. Russkij yazyk na grani nervnogo sryva. – M.: AST: CORPUS, 2018. – 512 s.
5. Kryukov I.A. Smyslovoe napolnenie koncepta «biznes» i ego reprezentaciya v russkom yazyke na sovremennom etape: avtoref. dis. … kand. filol. nauk. N. Novgorod, 2012. – 24 s.
6. Lopatnikov L.I. Ekonomiko-matematicheskij slovar'. Slovar' sovremennoj ekonomicheskoj nauki. – M.: Delo, 2003. – 520 s.
7. Ostrovskaya T.A. Diskursoobrazuyushchie koncepty elity // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filologiya i iskusstvovedenie, 2013. – № 3. – S. 76–82.
8. Fel'de O.V., Mezit A.E. Professional'naya yazykovaya kartina mira kak ob"ekt issledovaniya v terminovedenii i v lingvistike LSP // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2023. – № 488. – S. 120–126
9. Shiryaeva O.V. Russkaya delovaya kartina mira: nacional'naya identichnost' i sovremennyj global'nyj mediadiskurs // Nacional'naya identichnost' skvoz' prizmu dialoga kul'tur. Issledovaniya v oblasti gumanitarnyh nauk v iberoamerikanskom i rossijskom nauchnom prostranstve: materialy III Mezhdunarodnogo kongressa, Rostov-na-Donu – Kadis, 28–30 sentyabrya 2017 goda, 2020. – S. 357–361.
10. Shiryaeva O.V., Hachmafova Z.R. Koncept «Proekt» v delovoj kartine mira (na materiale diskursa delovyh SMI) // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta, 2014. – №4. S. 90–96.

References

1. The Great Academic Dictionary of the Russian language / edited by A. S. Gerd. Moscow, St. Petersburg, 2012. Vol. 21. – 632 p. (In Russian).
2. Gromyko Yu.V. Project consciousness: a guide to programming and design in education for strategic management systems. Moscow: Paideia Textbook Institute, 1997. – 560 p. (In Russian).
3. Kokova A.V. Sociolinguistic aspect of conceptualization of a businesswoman in the Russian linguistic picture of the world // Actual problems of philology and pedagogical linguistics, 2017. № 2. pp. 107-111. (In Russian).
4. Krongauz M.A. The Russian language is on the verge of a nervous breakdown. Moscow: AST: CORPUS, 2018. 512 p. (In Russian).
5. Kryukov I.A. Semantic content of the concept "business" and its representation in Russian at the present stage: abstract of the dissertation. ... Candidate of Philological Sciences. N. Novgorod, 2012. – 24 p. (In Russian).
6. Lopatnikov L.I. Economic and mathematical dictionary. Dictionary of Modern Economics, Moscow: Delo, 2003, 520 p. (In Russian).

7. Ostrovskaya T.A. Discourse-forming concepts of the elite // Bulletin of the Adygea State University. Ser. Philology and Art Criticism, 2013, No. 3, pp. 76-82. (In Russian).
8. Felde O.V., Mezit A.E. The professional linguistic picture of the world as an object of research in terminology and linguistics LSP // Bulletin of Tomsk State University, 2023, No. 488, pp. 120-126. (In Russian).
9. Shiryaeva O.V. The Russian business worldview: national identity and modern global media discourse // National identity through the prism of a dialogue of cultures. Research in the field of humanities in the Ibero-American and Russian Scientific space: proceedings of the III International Congress, Rostov-on-Don–Cadiz, September 28-30, 2017, 2020. pp. 357-361. (In Russian).
10. Shiryaeva O.V., Khachmafova Z.R. The concept of "Project" in the business picture of the world (based on the discourse of business media) // Bulletin of the Adygea State University, 2014, No. 4, pp. 90-96. (In Russian).

УДК 124.5

Гамаева Людмила Анатольевна
старший преподаватель
Кубанский государственный
технологический университет
Россия, г. Краснодар
e-mail: lgamaeva@yandex.ru

Gamaeva Lyudmila Anatolyevna
Senior Lecturer
Kuban State Technological University
Russia, Krasnodar
e-mail: lgamaeva@yandex.ru

Павлова Вера Олеговна
студентка
Кубанский государственный
технологический университет
Россия, г. Краснодар
e-mail: p.vera192005@gmail.com

Pavlova Vera Olegovna
Student
Kuban State Technological University
Russia, Krasnodar
e-mail: p.vera192005@gmail.com

Л.А. Гамаева, В.О. Павлова

ФЕНОМЕН ЭМОДЗИ: ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕНИИ

Аннотация. Статья посвящена изучению феномена эмодзи как средства цифровой коммуникации. Авторы раскрывают исторические предпосылки появления эмодзи, их первоначальное предназначение, так же как и современное значение в социальной коммуникации. В статье анализируются функциональные возможности эмодзи в бизнес-процессах, подчеркивается их способность акцентировать внимание и дополнять текст, облегчая поиск и распознавание информации. Особое внимание уделяется использованию эмодзи в маркетинге. Статья рассматривает проблемы восприятия и использования эмодзи представителями разных поколений и представителями разных культур. Авторы исследования делают вывод о том, что эмодзи выступают ценным инструментом для людей, которые стремятся наладить личное общение, улучшить эмоциональную атмосферу на рабочем месте, а также для тех, кто развивает международные связи. Эволюция эмодзи отражает изменения, происходящие в обществе и культуре, делая их важным инструментом современной цифровой культуры.

Ключевые слова: эмодзи, цифровые коммуникации, общение, смайл, эмоциональная выразительность

Для цитирования: Гамаева Л.А., Павлова В.О. Феномен эмодзи: особенности использования в цифровом общении. *Русистика без граници. Международно научно списание.* – София, 2025, Том IX, кн. 3, С. 30 – 39.

L.A. Gamaeva, V.O. Pavlova

THE PHENOMENON OF EMOJIS: USAGE FEATURES IN DIGITAL COMMUNICATION

Abstract. The article is devoted to the study of the phenomenon of emojis as one of means of digital communication. The authors reveal the historical background of the emergence of emojis, their original purpose, as well as their current significance in social communication. The article analyzes the functional capabilities of emojis in business processes, highlighting their ability to draw attention and supplement text, making it easier to find out information and recognize it. Special attention is given to the use of emojis in marketing. The article explores the challenges of perception and use of emojis by different generations and cultures. The authors of the study conclude that emojis have already become a valuable tool for people who want to establish personal communication, to improve the emotional atmosphere in the workplace, and to develop international connections. The evolution of emojis reflects the changes taking place in society and culture, making them an important tool of modern digital culture.

Keywords: emoji, digital communication, communication, smiley, emotional expressiveness

For citation: Gamaeva L.A., Pavlova V.O. The phenomenon of emojis: usage features in digital communication. *Russian Studies without Borders. International scientific Journal.* – Sofia, 2025, Vol. IX, Iss. 3, pp. 30 – 39.

Эмодзи, маленькие картинки, которые передают чувства пользователя во время переписки, уже давно стали неотъемлемой частью коммуникации в современном цифровом мире. Ученые всех стран, изучающие проблемы лингвистики, психологии и социологии, уже долгое время исследуют феномен эмодзи, который за считанные годы захватил огромное пространство в цифровом общении людей. На данный момент научное сообщество уже определило суть эмодзи: эмодзи – это цифровое изображение, которое добавляется к сообщению в электронной коммуникации для выражения определенной идеи или чувства. Зачастую эмодзи называют графическим языком или отдельным языком идеограмм и смайликов, используемых в электронных сообщениях и на веб-страницах. В данном исследовании хотелось бы отметить еще одно определение, которое мы нашли в кембриджском словаре английского языка. Оно дает красочное и полное понимание феномена эмодзи, а именно, эмодзи – «это своего рода пунктуация, которая даёт подсказки, как понимать важные слова, которые были перед ними. Можно сказать, что это восклицательные знаки следующего поколения, используемый как финальный аккорд повествования» [3].

Актуальность исследования заключается в изменении тенденций мира, цифровизации коммуникации и ускорении всех общественных процессов, в том числе и общения, что влияет на формирование новых способов взаимодействия между людьми. Эмодзи и стали тем самым новым способом выражать эмоции, настроение и отношение к информации, сокращая расстояние и формируя ощущение близости, в том числе и эмоциональной, даже в виртуальном пространстве.

Цель статьи заключается в изучении феномена эмодзи, его особенностей в цифровом общении. Задачи исследования включают изучение исторического развития эмодзи, анализ эффективности эмодзи в бизнес-коммуникации, изучение особенностей использования эмодзи людьми, принадлежащими к разным возрастным группам, а также выявление влияния культурных различий на применение и понимание значений эмодзи разными группами населения.

Если рассматривать эмодзи в исторической ретроспективе достижений человеческой цивилизации и связывать их появление с изобретением иероглифов, которыми расписаны египетские пирамиды, и ещё более ранней китайской письменностью, а также проводить аналогии между эмодзи и пиктографическим письмом, то непременно следует отметить, что и иероглифы, и пиктографическое письмо являлись основным языком, созданным для передачи информации. Эмодзи же в своём ядре имеют цель передать эмоции. Именно для передачи сарказма в текстовом формате 19 сентября 1982 году учёный из университета Карнеги-Меллон Скотт Эллиот Фалман предложил использовать в групповых чатах группу символов из ASCII «: -)», так как его коллеги постоянно шутили друг над другом [4]. Японцам идея пришлась по душе, и 8 января 1987 года мир увидел первый улыбающийся эмодзи (^_^), созданный Вакабаяси Ясуси, а в 2010 эмодзи включаются в стандарт Unicode, становясь доступными для всех устройств. На данный момент обществу доступна новая версия стандарта Unicode — 16.0.0, которая вышла в 2024 году. Она включает в себя набор дополнительных символов, таблиц кодов и эмодзи [5].

В эпоху технологического прогресса и цифрового общения, когда личное общение все больше и больше сводится к минимуму, передача чувств и эмоций в текстовых сообщениях становится все более актуальной. Сплошной текст зачастую воспринимается как сухой, безличный, лишенный эмоций и плохо способствует эффективной коммуникации, так как не имеет подтверждений искренности участвующих в коммуникации людей. Чтобы отразить свои чувства и наполнить текст эмоциями, люди используют эмодзи, которые помимо того, что придают эмоциональную окраску словам, через визуальные образы привносят еще дополнительную информацию и контекст. Они фактически визуализируют ощущения и впечатления, которые испытывает собеседник.

Изначально использование эмодзи осуществлялось только на неформальном уровне, между близкими людьми. Однако со временем этот визуальный язык проник и в культуру делового общения. Причиной широкого применения эмодзи в бизнес-коммуникации является популярность социальных сетей, которые стали лучшими сподвижниками в деле продвижения и развития бизнеса, поэтому многие компании активно используют их для привлечения аудитории. Если в личной переписке они добавляют эмоции и чувства, то в коммерческих сообщениях они являются дополнительным элементом привлечения внимания потенциальных клиентов. Текст, дополненный эмодзи, непроизвольно цепляет взгляд и идеально подходит для подчеркивания ключевых моментов или для структурирования информации. Правильное и уместное использование эмодзи делает публикацию не только более привлекательной, но и более информативной, человек может быстро ознакомиться с основными выделенными моментами и сутью предложения. Более того, эмодзи дает такой эффективный инструмент воздействия на клиентов, как формирование доверительной среды, когда клиент может чувствовать себя важным для компании. Приведем пример роли эмодзи в формировании доверия между клиентом и компанией:

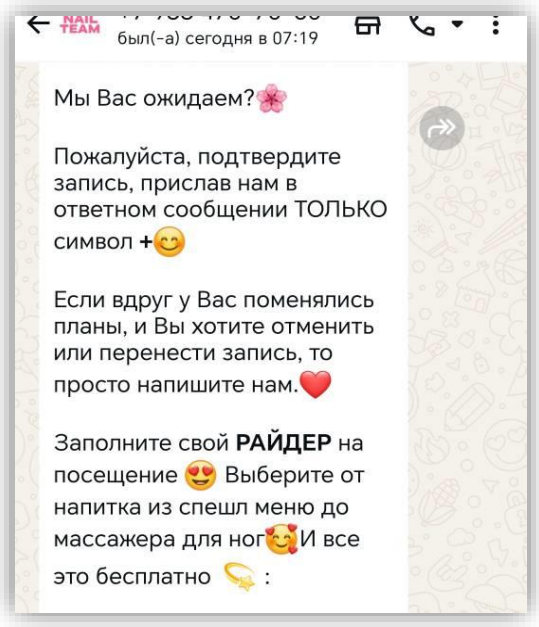
Пример. SMM-коммуникация клиентки с ветеринарной клиникой «Добрые руки» в г. Краснодаре

Как видно из примера, администратор ветеринарной клиники при помощи эмодзи оказывает эмоциональную поддержку клиентке, избавляя ее от необходимости чувствовать эмоциональный дискомфорт из-за отмены визита в последнюю минуту.

Еще одним примером усиления влияний эмодзи в бизнес-сообществе является признание Арбитражным судом Краснодарского края эмодзи палец вверх, как выражение согласия с условиями сделки. Судебные органы отметили, что в общепринятой практике онлайн-коммуникации символ 👍 «большой палец вверх» служит эквивалентом одобрения, что и послужило основанием для принятия такого доказательства. «В дальнейшей переписке бизнесмен не уточнил значение ответа, а значит, ему не нужны были какие-то дополнительные объяснения для исполнения договора. И раз в оговоренный срок фургон истцу не поставили, то и удовлетворение иска было оправданным», отметил 15-й ААС и отклонил жалобу ответчика [7].

Конечно, в официально-деловой переписке не рекомендуется применять эмодзи, особенно между начальством и подчиненными или между разными организациями, так как в данном случае общение должно сохранять ясность и точность, избегая излишней эмоциональности, в некоторых организациях четко регламентированы правила общения и использования эмодзи в рабочих перепсках, что позволяет определить в каких ситуациях допустимо их применение [1].

Что касается других бизнес-процессов, связанных с продвижением услуг и товаров, то следует отметить, что эмодзи настолько внедрились в эти бизнес-процессы, что даже появилось такое понятие как Emoji-маркетинг [9]. Emoji-маркетинг позволяет компаниям выделиться на фоне конкурентов и привнести творчества в свои маркетинговые кампании. Несмотря на это, важно соблюдать осторожность при использовании эмодзи, чтобы не переполнить сообщение и не нарушить его профессиональный тон. Неправильное использование эмодзи может привести к негативному восприятию бренда и снижению доверия со стороны потребителей. Приведем пример не совсем удачного использования эмодзи в маркетинге:



Пример. SMM-коммуникация салона красоты «Nail Team» в г. Краснодаре с клиентами

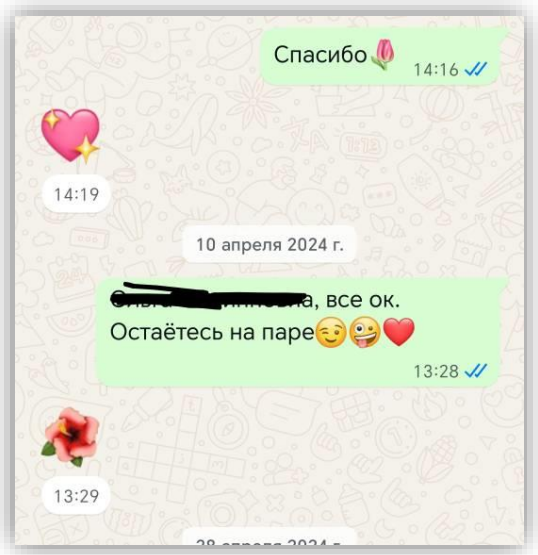
Внимательно рассмотрим данный пример. После вопроса «Мы вас ожидаем?», с нашей точки зрения было бы более уместно использовать эмодзи 😊, что согласно электронному ресурсу «Энциклопедия Эмодзи: значения всех 1427 смайликов iOS 10.3», обозначает «счастье». Смайлик 🌸 означает «цветок вишни», применяют его в переписке, чтобы сделать комплимент (например, после фразы «Ты хорошо выглядишь»), передать свое дружелюбие [8]. Во втором случае вместо 😊, было бы правильнее использовать смайлики 😍 👌, что означает «с нетерпением ждем», а вместо эмодзи «звезды вокруг – головокружение», можно предложить использовать 🎁 («подарок»), так как не все клиенты готовы испытывать головокружение от предлагаемых бонусов. При этом часто случается, что предложенные бонусы разочаровывают клиента, и тогда смайлик со звездой может вызвать отрицательные эмоции.

Применение Emoji-маркетинга требует глубокого анализа и понимания контекста, чтобы избежать недоразумений и обеспечить эффективное взаимодействие с аудиторией. Эмодзи, использованные уместно и продуманно, могут стать сильным инструментом для усиления маркетинговых сообщений и повышения интереса у потребителей. Примером успешного эмодзи маркетинга можно считать внедрение некоторыми платформами для общения платных расширений, предлагающих новые

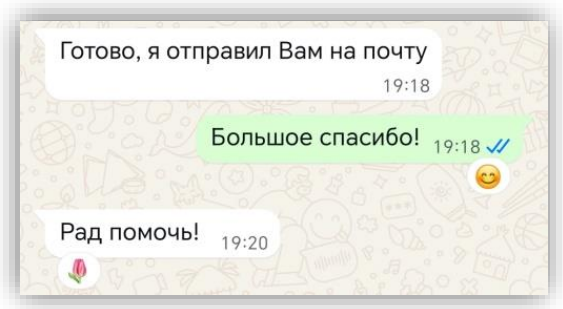
виды и форматы эмодзи, что позволило увеличить популярность приложений, а также стимулировать рост доходов.

Эмодзи одновременно упрощают и усложняют общение, требуя осторожности, внимательности и понимания индивидуальных особенностей в интерпретации символов. Эффективность их использования напрямую зависит от контекста и целей взаимодействия. С одной стороны, они облегчают коммуникацию, поскольку визуальная информация воспринимается людьми намного быстрее и легче. И зачастую людям проще выразить свои чувства картинкой, показывающие эмоции, особенно когда сложно подобрать нужные слова, что делает общение более искренним и эмоциональным. Но, с другой стороны, люди могут воспринимать эмодзи по-разному, что требует осторожности и знания культурных и психологических различий в восприятии символов, множество людей сталкивались с ситуациями, когда неправильно понятый эмодзи приводил к недоразумениям и недопониманиям.

Эта проблема часто связана с разницей между поколениями, поскольку первые символы для обозначения эмоции начали использовать люди, родившиеся примерно между 1965 и 1980 гг. С увеличением количества эмодзи у каждого нового поколения появлялось свое видение их применения. В поисках подтверждения данного утверждения нами был проведен небольшой опрос в отношении эмодзи, изображающих цветы, такие как 🌸, 🌻 и пр. В опросе приняли участие 50 студентов первого и второго курсов КубГТУ (возрастная группа 17-20 лет) и 30 преподавателей (возрастная группа 39-50 лет). Первым был задан вопрос «Как часто Вы пользуетесь эмодзи с изображением цветов?». Анализ результатов показал, что старшее поколение использует эмодзи-цветы на постоянной основе (Пример 1), в то время как молодые люди не пользуются ими в переписке со сверстниками совсем, но 35% подростков используют их в переписке с родителями, учителями и преподавателями (Пример 2):



Пример 1. Частная переписка в What’ар между представителями старшего поколения



Пример 2. Частная переписка в What'ap между студентом и его преподавателем

Как видно из Примера 1, символы-цветы используют оба участника акта коммуникации. В Примере 2 студент использует символ-цветок, но по его собственному признанию, в переписке с друзьями подобными эмодзи он не пользуется.

Интерпретация значений рассматриваемых эмодзи не отличалась у представителей разных возрастных групп (все понимали их как способ сделать комплимент и передать свое дружелюбие).

Многие могут вспомнить случаи, когда кто-то, из старшего поколения использовал эмодзи неверно. Например, пожилые люди часто путают плачущие от горя и от смеха смайлики или просто не различают мелкие значки на экране, что приводит к неловким ситуациям. Впрочем, и молодые люди не всегда правильно интерпретирует эмодзи. В 2021 году компания Perspectus Global провела опрос среди 2000 людей в возрасте от 16 до 29 лет относительно курьезов, связанных с использованием эмодзи. Выяснилось, что 78% респондентов сами оказывались в ситуациях, когда они случайно или по незнанию использовали смайлики не в том значении, которое те имели на самом деле [2]. В результате между собеседниками устанавливалось недопонимание, в таких случаях, вместо того чтобы облегчить коммуникацию, эмодзи ее усложняли.

При этом современная молодежь любит придавать новые значения стандартным эмодзи из-за чего более старшее поколения может запутаться и не понимать, что подразумевал человек. Например, эмодзи с плачущим лицом 😭 теперь не всегда означает печальные эмоции, все чаще молодежь использует его для выражения восторга. Например, когда видят что-то невероятно забавное или трогательное, что хочется плакать. Эмодзи черепа ☠️ также приобрел новое значение «умираю от смеха», подобно обычному смеющемуся смайлику со слезами – 😂. Эмодзи с изображением лака для ногтей 💅, в свою очередь, символизирует не просто косметическую процедуру, а уверенность в себе, придавая более дерзкий тон или поддержку. Даже такие примеры демонстрируют сложность в восприятии эмодзи и при дальнейшем взаимодействии разных поколений могут препятствовать общению.

Значение визуальных символов, несмотря на свою универсальность, сильно зависят культурного контекста. В разных регионах мира одно и то же изображение может вызывать совершенно разные ассоциации. Например, символ, выражающий позитивные эмоции в одном обществе, может вызывать противоположные чувства в другом. Это заставляет задуматься о значении культурного контекста при общении.

Во многих европейских странах символы, такие как сердечки и смайлы, активно применяются в неформальной переписке, выражая эмоции и настроение. Благодаря технологическим компаниям, продвигающим свои проекты на мировой арене, различные версии одного и того же символа могут варьироваться в деталях, отражая местные традиции и предпочтения пользователей [6].

В каждой стране социальные нормы и культурные особенности влияют на то, как графические иконки воспринимаются и понимаются. К примеру, эмодзи, который вызывает множества разногласий во всем мире – знак 🙏, в Японии этот жест означает «Спасибо» или «Пожалуйста», во многих западных странах обычно интерпретируется как «дай пять». В Индии же он означает то, что он означает на самом деле: молитвенно сложенные руки, а в Индонезии это знак благодарности [10]. Хотя ни одна из этих интерпретаций не является оскорбительной, они достаточно сильно отличаются друг от друга, чтобы вызывать недопонимание в межкультурных беседах – и даже между людьми из одной страны, которые по-разному интерпретируют этот эмодзи. В социальных сетях часто можно увидеть этот эмодзи в постах, посвящённых памяти умерших знаменитостей, или в пожеланиях скорейшего выздоровления. И ещё чаще можно увидеть реакцию недоумения у людей, которые не понимают, почему кто-то даёт «пять» в знак поддержки в связи со смертью или болезнью человека. Поэтому важно с осторожностью использовать эмодзи в международных коммуникациях, так как от правильной интерпретации визуальных символов будет зависеть взаимопонимание между представителями разных национальностей. В этой связи эмодзи выступают ценным инструментом для людей, которые стремятся наладить международные связи.

Таким образом, эмодзи являются важной составляющей современного общения, способствуя передачи чувств и облегчая взаимодействие между людьми. Они делают коммуникацию живой и динамичной, позволяя пользователям быстро выразить настроение, отношение или реакцию на сообщение. Эмодзи действительно помогают сделать общение эффективнее, придавая диалогам дополнительную искренность и душевность, которые часто теряются в тексте. Конечно, использование эмодзи вызывает некоторые проблемы, особенно среди представителей разных поколений. Более того, эмодзи постоянно развиваются: появляются новые символы, меняется их дизайн и смысловая нагрузка, что также отчасти усложняет понимание и общение. Эволюция эмодзи отражает изменения, происходящие в обществе и культуре, делая их важным инструментом современной цифровой культуры. Однако их правильное понимание требует учета культурных особенностей и различий поколений, что создает дополнительные сложности для эффективной коммуникации.

Библиографический список

1. Богачева Е. Эксперт рассказала, можно ли использовать эмодзи в рабочей переписке [Электронный ресурс]. – 2025. – URL: https://www.m24.ru/news/obshchestvo/10072025/812794?utm_source=CopyBuf (дата обращения: 18.08.2025).
2. Максимова Е. Эмодзи в переписке разных поколений: особенности и курьезы [Электронный ресурс]. – 2024. – URL: https://sibmama.ru/emodzi-pokoleniya.htm (дата обращения: 19.08.2025).
3. Определение emoji в кембриджском словаре английского языка [Электронный ресурс]. – 2021. – URL: https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/emoji (дата обращения: 18.08.2025).
4. Откуда появились смайлики и эмодзи от самых первых до современных. Не поверите, но им больше 300 лет [Электронный ресурс]. – 2024. – URL: https://www.iphones.ru/iNotes/kak-menyalis-emodzi-za-vsyu-istoriyu-tak-vyglyadel-pervyy- (дата обращения: 18.08.2025).
5. От сердца к авокадо, или история эмодзи [Электронный ресурс]. – 2025. – URL: https://dtf.ru/flood/3687442-istoriya-emodzi-ot-drevnikh-ieroglifov-do-sovremennykh-smaylov (дата обращения: 18.08.2025).
6. Сергеев И. Как работают эмодзи и их влияние на общение [Электронный ресурс]. – 2025. – URL: https://skyeng.ru/it-industry/career/kak-rabotayut-emodzi-i-ih-vliyanie-na-obshchenie/ (дата обращения: 20.08.2025).

7. Ткаченко Е. Суд признал эмодзи согласованием условия договора [Электронный ресурс]. – 2023. – URL:https://pravo.ru/news/248563/ (дата обращения: 19.08.2025).
8. Энциклопедия Эмодзи: значения всех 1427 смайликов iOS 10.3 [Электронный ресурс]. – 2017. – URL: https://www.iphones.ru/iNotes/all-about-emoji-ios-10?ysclid=mf29naqkix556272654 (дата обращения: 20.08.2025).
9. Emoji Marketing и как с ним сотрудничает реклама [Электронный ресурс]. – 2025. – URL: https://infomult.ru/blog/emoji-marketing-i-kak-s-nim-sotrudnichaet-infografika,-reklama-i-marketing/ (дата обращения: 18.08.2025).
10. Kalaba J. How Different Cultures Perceive Emojis in Workplace Communication [Электронный ресурс]. – 2021. – URL: https://pumble.com/blog/culture-emoji/ (дата обращения: 20.08.2025).

References in Roman script

1. Bogacheva E. Ekspert rasskazala, mozhno li ispol'zovat' emodzi v rabochej perepiske [Elektronnyj resurs]. – 2025. URL: https://www.m24.ru/news/obshchestvo/10072025/812794?utm_source=CopyBuf (data obrashcheniya: 18.08.2025).
2. Maksimova E. Emodzi v perepiske raznykh pokoleniy: osobennosti i kuryozy [Elektronnyi resurs]. – 2024. – URL: https://sibmama.ru/emodzi-pokoleniya.htm (data obrashcheniya: 19.08.2025).
3. Opredelenie emoji v kembridzhskom slovare angliyskogo yazyka [Elektronnyi resurs]. – 2021. – URL: https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/emoji (data obrashcheniya: 18.08.2025).
4. Otkuda poyavilis smayliki i emodzi ot samykh pervykh do sovremennykh. Ne poverite, no im bol'she 300 let [Elektronnyi resurs]. – 2024. – URL: https://www.iphones.ru/iNotes/kak-menyalis-emodzi-za-vsyu-istoriyu-tak-vyglyadel-pervyy- (data obrashcheniya: 18.08.2025).
5. Ot serdtsa k avokado, ili istoriya emodzi [Elektronnyi resurs]. – 2025. – URL: https://dtf.ru/flood/3687442-istoriya-emodzi-ot-drevnikh-ieroglifov-do-sovremennykh-smaylov (data obrashcheniya: 18.08.2025).
6. Sergeev I. Kak rabotayut emodzi i ikh vliyanie na obscheniye [Elektronnyi resurs]. – 2025. – URL: https://skyeng.ru/it-industry/career/kak-rabotayut-emodzi-i-ih-vliyanie-na-obshchenie/ (data obrashcheniya: 20.08.2025).
7. Tkachenko E. Sud priznal emodzi soglasovaniem usloviya dogovora [Elektronnyi resurs]. – 2023. – URL: https://pravo.ru/news/248563/ (data obrashcheniya: 29.08.2025).
8. Enciklopediya Emodzi: znacheniya vsekh 1427 smajlikov iOS 10.3 [Elektronnyj resurs]. – 2017. – URL: https://www.iphones.ru/iNotes/all-about-emoji-ios-10?ysclid=mf29naqkix556272654 (data obrashcheniya: 20.08.2025).
9. Emoji Marketing i kak s nim sotrudnichayet reklama [Elektronnyi resurs]. – 2025. – URL: https://infomult.ru/blog/emoji-marketing-i-kak-s-nim-sotrudnichaet-infografika,-reklama-i-marketing/ (data obrashcheniya: 18.08.2025).
10. Kalaba J. How Different Cultures Perceive Emojis in Workplace Communication [Elektronnyi resurs]. – 2021. – URL: https://pumble.com/blog/culture-emoji (data obrashcheniya: 20.08.2025).

References

1. Bogacheva E. The expert explained whether it is possible to use emojis in work correspondence – 2025. – URL: https://www.m24.ru/news/obshchestvo/10072025/812794?utm_source=CopyBuf (accessed: 18.08.2025). (In Russian).
2. Maksimova E. Emoji in correspondence between different generations: features and curiosities [Electronic resource]. – 2024. – URL: https://sibmama.ru/emodzi-pokoleniya.htm (accessed: 19.08.2025). (In Russian).
3. Definition of emoji in the Cambridge English Dictionary [Electronic resource]. – 2021. – URL: https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/emoji (accessed: 18.08.2025). (In Russian).
4. Where did emoticons and emojis come from? From the very first to the modern ones. You won't believe it, but they are over 300 years old [Electronic resource]. – 2024. – URL:

https://www.iphones.ru/iNotes/kak-menyalis-emodzi-za-vsyu-istoriyu-tak-vyglyadel-pervyy- (accessed: 18.08.2025). (In Russian).
5. From the Heart to the Avocado, or the History of Emojis [Electronic resource]. – 2025. – URL: https://dtf.ru/flood/3687442-istoriya-emodzi-ot-drevnikh-ieroglifov-do-sovremennykh-smaylov (accessed: 18.08.2025). (In Russian).
6. Sergeev I. How Emojis Work and Their Impact on Communication [Electronic resource]. – 2025. – URL: https://skyeng.ru/it-industry/career/kak-rabotayut-emodzi-i-ih-vliy (In Russian).
7. Tkachenko E. The court recognized emoji as an agreement on the terms of the contract [Electronic resource]. – 2023. – URL: https://pravo.ru/news/248563/ (accessed: 19.08.2025). (In Russian).
8. Emoji Encyclopedia: The meanings of all 1427 emojis in iOS 10.3 [Electronic resource]. – 2017. – URL: https://www.iphones.ru/iNotes/all-about-emoji-ios-10?ysclid=mf29naqkix556272654 (accessed: 20.08.2025). (In Russian).
9. Emoji Marketing and how advertising cooperates with it [Electronic resource]. – 2025. – URL: https://infomult.ru/blog/emoji-marketing-i-kak-s-nim-sotrudnichaet-infografika,-reklama-i-marketing/ (accessed: 18.08.2025). (In Russian).
10. Kalaba J. How Different Cultures Perceive Emojis in Workplace Communication [Электронный ресурс]. – 2021. – URL: https://pumble.com/blog/culture-emoji/ (accessed: 20.08.2025). (In English).

Л И Т Е Р А Т У Р О В Е Д Е Н И Е

УДК 821.161.1.

Семгхун Амина Абделькадеровна
преподаватель
Университет Оран 2 имени Мохамед Бен Ахмед
Алжир, г. Оран
e-mail : lingvamina@mail.ru

Semghoun Amina Abdelkaderovna
Teacher
University of Oran 2 Mohamed Ben Ahmed
Algeria, Oran
e-mail : lingvamina@mail.ru

А.А. Семхгун

РОЛЬ ПУШКИНА В РАЗВИТИИ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Аннотация. Статья посвящена значению и роли Александра Сергеевича Пушкина в развитии русского литературного языка и становлении русской литературы. Актуальность темы определяется тем, что творчество Пушкина является фундаментом национальной словесности и культуры. Цель исследования — выявить влияние его произведений на формирование единого литературного языка и развитие русской литературы, а также проследить их актуальность в современности. Материалом исследования послужили художественные произведения Пушкина, его письма, а также работы литературных критиков. Применены методы анализа, наблюдения, сопоставления и сравнения. В результате систематизированы сведения о лексических и стилистических новациях Пушкина, использовании народной речи, заимствований и жанровых новшеств. Показано, что его творческое наследие вдохновляло и продолжает вдохновлять писателей разных эпох, от Гоголя и Толстого до современных авторов. Сделан вывод о непреходящем значении Пушкина для развития русского языка, литературы и культуры.

Ключевые слова: Пушкин, творческое наследие, русский язык, русская литература

Для цитирования: Семхгун А.А. Роль Пушкина в развитии русского языка и литературы. *Русистика без границы. Международно научно списание,* 2025, Том IX, кн. 3, С. 40 – 50.

A.A. Semghoun

THE ROLE OF PUSHKIN IN THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN LANGUAGE AND LITERATURE

Abstract. The article examines the significance and role of Alexander Sergeyevich Pushkin in the development of the Russian literary language and the formation of Russian literature. The relevance of the topic is determined by the fact that Pushkin's works form the foundation of national literature and culture. The aim of the study is to identify the influence of his works on the creation of a unified literary language and the development of Russian literature, as well as to trace their relevance in the modern era. The material for the research includes Pushkin's literary works, his letters, and the writings of literary critics. The methods used are analysis, observation, comparison, and contrast. The study systematizes information about Pushkin's lexical and stylistic innovations, his use of folk speech, borrowings, and genre innovations. It demonstrates that his creative legacy has inspired and continues to inspire writers of different eras, from Gogol and Tolstoy to contemporary authors. The conclusion emphasizes the enduring importance of Pushkin for the development of the Russian language, literature, and culture.

Keywords : Pushkin, literary heritage, Russian language, Russian literature

For citation: Semghoun A. A. The role of Pushkin in the development of the Russian language and literature. *Russian Studies without Borders. International scientific Journal*, 2025, Vol. IX, Iss. 3, pp. 40 – 50.

…

Введение

Изучая русскую классическую литературу, невозможно не обратить внимание на колоссальную роль творчества Александра Сергеевича Пушкина на её становление и развитие. Этому поистине гениальному русскому поэту и писателю удалось развить русский литературный язык, подняв его на современную высоту, тем самым оказав огромное влияние на литературу и культуру России. Его творчество отражает не только эпоху, в которой он жил, но и уникальный талант писателя. После двухсотлетней истории его наследие все еще остается актуальным в современном мире. В данной научной работе мы рассмотрим, как творчество Пушкина повлияло на становление и развитие русского языка и литературы.

Методология исследования.

Объект и предмет исследования. В настоящей статье объектом исследования являются творческое литературное наследие А. С. Пушкина. Предметом исследования является изучение роли Пушкина в развитии русского языка и литературы, влияния его творчества на работы последующих поколений российских писателей и поэтов.

Материал исследования. Материалом исследования послужили художественные произведения и записки писателя, работы русских литературных критиков, писателей и поэтов.

Методы исследования. При работе над материалами использовались методы анализа, наблюдения, сопоставления и сравнения.

6 июня 1799 года, 224 года назад, родился один из самых известных писателей России – Александр Сергеевич Пушкин, интерес к творчеству и личности которого не ослабевает по сей день. Александр Сергеевич Пушкин – это выдающийся поэт, прозаик и драматург, которого называют основоположником современной русской литературы. Его творчество до сих пор вдохновляет поколения читателей и писателей по всему миру, а его стиль и манера написания являются классическим эталоном для многих авторов.

Его произведения, написанные в различных жанрах, не имеют аналогов в мировой литературе. Кроме того, Пушкин – это один из первых русских классиков, который внес значительный вклад в развитие русской литературы и культуры. Александр Сергеевич Пушкин, несомненно, основоположник современной русской литературы, русский первооткрыватель, чьи произведения изменили не только ландшафт литературы, но и литературный русский язык. Литературный гений Пушкина открыл будущим поколениям писателей и поэтов новый мир возможностей.

Прежде чем разобрать, насколько значительным является вклад Пушкина в становление и развитие русской литературы, необходимо отметить, что великий гений писателя коренным образом преобразовал и сам русский литературный язык. Чтобы понять роль Пушкина в преобразование языка, следует отметить, что Пушкин явился в России в то время, когда она еще не определилась, какое мироустройство для нее лучше и полезнее – собственное, глубинно русское или европейское, что из исконно родного нужно сохранить, а от чего отказаться, что принять нового, а отчего дистанцироваться. Богатая противоречивыми событиями историческая эпоха, в которую творил Пушкин, вошла в историю России как эпоха золотого века. Это было сложное время - время революций и войн в Европе, время борьбы российского народа за свою свободу, за

отмену крепостного права, за национальное возрождение. И на этой почве повсеместной нелегкой борьбы взросли лучшие люди века, среди которых явился гений Пушкина, как образец таланта и прогрессивной общественной мысли. Русский язык допушкинской поры, как одна из форм национальной культуры, нуждался в серьезном преобразовании, поскольку в русском обществе того времени существовало серьезное различие между языком простого народа и языком знати. Для создания общенациональной нормы языка требовались классические образцы русского литературного языка в самых различных жанрах. Эту глобальную историческую задачу в полной мере удалось решить в своем творчестве Александру Сергеевичу.

Значимую роль Пушкина в становлении литературного языка признавали и его прогрессивные современники. Так, Николай Гоголь писал: «При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте… В нем, как будто в лексиконе, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. … Он далее раздвинул ему границы и более показал всё его пространство» [5, с. 294].

В произведениях Пушкина консолидация русского языка как формы национальной культуры нашла наиболее полное отражение за счёт слияния всех наиболее выразительных и жизнеспособных элементов народной речи и литературного языка.

Пушкин ввёл в русскую литературу русский характер. В своих произведениях он продемонстрировал культуру России.

В своём творческом труде Пушкин обращал особое внимание на язык, используемый в литературе, и стремился усовершенствовать его. Для этого он вводил новые лексические и стилистические приемы, внедрял иностранные слова и обращался к народной речи. Так, например, он активно использовал различные языковые рисунки, метафоры и аллегории в своих произведениях.

С одной стороны, Пушкин стремился создать язык, который мог бы выразить глубину русской души, ее духовное богатство и красоту. С другой стороны, он также обращал внимание на языковые нормы, тщательно выбирая слова и выражения, чтобы создать литературный язык, который был бы грамматически правильным и логически последовательным.

Пушкин был пионером в использовании иронии и сатиры в литературе. Он часто использовал необычные конструкции и юмористические эпизоды для создания образов и сюжетов в своих произведениях. Это не только придавало им особый живой характер, но и помогало развивать и совершенствовать литературный язык. Колоссально по значимости и влияние писателя на лексику русского языка. Его литературное наследие содержит огромное количество новых слов, которые с подачи автора стали частью литературного русского языка, среди них множество иностранных слов, обогативших русский язык, которые до сих пор используются в литературе и разговорной речи.

В целом, можно сказать, что вклад Александра Сергеевича Пушкина в развитие русского языка огромен. Без его вклада русский язык вероятно остался бы в гораздо более ограниченном виде. Его произведения стали важным источником новой лексики, которая была внедрена в литературный и речевой язык и стала частью русской культуры. Своим вкладом в развитие русского языка Александр Сергеевич Пушкин оказал значительное влияние не только на развитие русской литературы, но и на общенациональную культуру России.

Пушкину удалось не только хорошо понять русский народ, его характер и устремления, но и выкристаллизовать и воплотить в своем творчестве всё лучшее, что было в народе – язык, нрав, душу. Восторгаясь огромной духовной и жизненной силой русского народа, Пушкину удалось разглядеть и «отшлифовать» величие и красоту русского языка, обогатив его народной речью, которую писатель называл «живым и

кипящим источником» [10, с. 159], достойным пристального внимания и глубочайшего исследования. Он внёс громадный вклад в становление русской литературы и создал, «выковал» великий национальный русский язык. Язык простой, доступный для понимания разными слоями общества. Для его создания Пушкин за основу взял народный язык с его песнями. И в этот язык он ввёл большое разнообразие эпитетов, метафор, сравнений, эпиграмм. Пушкин не делил средства языка на «низкие» и «высокие», устраняя изолированность письменной литературной речи и речи разговорной, и создал единый язык для всех людей русских. Он вывел русский язык на новый литературный уровень, гениально используя для этого элементы устного народного творчества, такие как русские народные поговорки, сказки, придания.

Именно Пушкину впервые удалось устранить разрыв между народным и литературным языком, исключив из последнего архаические элементы и обогатив его лексикой, почерпнутой из живой речи. О внимательном отношении Пушкина к народной речи Владимир Даль писал: «… Пушкин ценил народную речь нашу, с каким жаром и усладою он к ней прислушивался, как одно только кипучее нетерпение заставляло его в то же время прерывать созерцания свои шумным взрывом одобрения и острых замечаний и сравнений.» [5, с. 160] Народная речь явилась для Пушкина наиболее ярким выражением духа русского народа, его характера и национальных традиций, а потому достойной обрести право литературности. Вслед за Николаем Карамзиным, Пушкин считал совершенно необходимым для дальнейшего успешного развития русской литературы сближение книжного языка с разговорным языком образованного русского общества, вплоть до их полного слияния. Так же Пушкину пришлось решать проблему заимствований русским языком иностранных слов, которая была весьма актуальна, поскольку для русской дворянской культуры того времени было характерно повсеместное общение на французском языке. При этом он решительно выступает против загромождения русского литературного языка иностранными словами, одобряет только те заимствования, которые не стесняют свободу развития русского языка, а способствуют его обогащению жизненно необходимыми речевыми средствами. Деятельность Пушкина в этом направлении, благодаря его писательскому гению, стала весьма успешной и явилась определяющей для дальнейшего развития русского литературного языка. Благодаря Пушкину «русское слово» в мире нашло путь к жизни и приобрело способность выражать действительность в её внутренних источниках.

Он вывел русский язык на уровень мирового языка, языка ООН. И до сих пор русский язык был и остается одним из широко распространённых языков в мире. Он является родным для 280 миллионов человек.

При создании своих произведений Пушкин никогда не ограничивал себе рамками одного жанра. Нормы одного жанра он мастерски переносит в пределы другого, в его творчестве присутствуют абсолютно разные по стилистической окраске произведения: это классическая ода, романтические стихи, политические и любовные произведения, поэтические романсы, исторические драмы, реалистическая проза, рассказы, легенды, былины, сказки, дневники путешествий.

Виссарион Белинский сравнивал творчество Пушкина с полноводной, величавой русской рекой Волгой [2]. Всеволод Миллер восхищался умением Пушкина пользоваться народным материалом. Он писал: «комбинация народных материалов … в воспроизведениях поэтом народных сюжетов навсегда останется для нас тайной, как работа творческой мысли гения, но самые материалы – сюжеты, язык – были почерпнуты художником в самом народе, которые он изучал с любовью и вниманием этнографа» [12]. Николай Чернышевский считал, что Пушкин «… первый возвёл у нас литературу в достоинство национального дела» [16, с. 187].

Александр Куприн в своей статье «Солнце русской поэзии» писал: «Пушкин взял этот великолепный язык у народа и отдал его народу очищенным от плевел, прекрасным и выразительным, светлым чистым и прозрачным, как горный источник, упругим как сталь, звонким, как золото, бодрящим и ароматным, как старое доброе вино» [11, с. 45] Этим языком возможно выразить весь спектр человеческих чувств: сурового гнева, пророческого восторга, крепкой дружбы, нежной любви, глубокой ненависти и презрения. «Нет сомнения, – писал Иван Тургенев, – что Пушкин создал наш поэтический русский язык и что нашим потомкам остается только идти по пути, проложенным его гением» [15, с. 427]

Неизменно развиваясь, творчество Пушкина подходит к освещению назревших в современном ему русском обществе социальных вопросов: о положении дворянства и крестьян, о долге и чести дворянина, о русской аристократии, об особой роли женщины в русском обществе, о нравственности и морали, о справедливости и свободе и пр. При этом он далек от идеализации действительности, напротив, готов открыто обсуждать присущие ей проблемы и недостатки, о чем писал: «Я далеко не восторгаюсь тем, что вижу вокруг себя; как литератора – меня раздражает, как человека с предрассудками – я оскорблён, но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, какой нам Бог её дал» [14, т.10, с.210]

До Пушкина русская литература 18-го века была содержательно не богата, классово и сословно ограничена, то есть направлена на избранного читателя, ориентирована главным образом на человека светского – аристократию. Среди выдающихся литераторов и популяризаторов русского языка выделяются такие выдающиеся личности, как Михаил Ломоносов, Александр Радищев и Денис Фонвизин, Гавриил Державин, Николай Карамзин, Василий Жуковский, Иван Крылов. Достойным их преемником, во многом превзошедшим своих предшественников, стал Александр Пушкин, явившийся для своего времени самым ярким и полным выразителем устремлений русского народа к самосознанию, самоопределению, возрождению.

По убеждению Пушкина, литература должна быть доступна, близка и понятна всему народу, вне зависимости от его сословной принадлежности, служить развитию, возрастанию и процветанию нации в целом. Более того, он предвидел, что читать его произведения будут не только русские, но и люди других национальностей: «… и гордый внук славян, и финн, и ныне дикий тунгус, и друг степей – калмык»[13, т.2, с.315].Именно Пушкину впервые в русской литературе удалось вывести её на новый уровень, который позволил ей стать истинным общим народным достоянием.

В богатом творческом наследии Пушкина каждый найдёт произведение по душе: от драматических романов, которые меняют жизни, до захватывающих историй и лирических стихов. Сегодня пушкинская проза и лирика продолжают по-прежнему вдохновлять современных авторов, поскольку темы большинства его произведений по-прежнему являются живыми и актуальными. Пушкин не только описывал жизнь и общество своего времени, но и вводил новые формы и жанры в прозу и поэзию, которые легли в основу современной русской литературы.

По мнению Александра Куприна Пушкин явился «первооткрывателем» российской поэзии, поскольку «одним из первых открыл богатство чужой поэзии, … он целиком проникся поэзией великих мастеров, впитал в себя её аромат и сохранил это в новом творении, так же прекрасном, как и то, что послужило прообразом…» [11, с.46].

Иван Гончаров, талантливый продолжатель пушкинских традиций, писал: «В Пушкине кроются все семена и зачатки, из которых развились потом все роды и виды искусства во всех наших художниках» [6, с.77].

Мастерское использование народных мотивов и народного творчества в своих произведениях позволило Пушкину быть близким и понятным простому народу, но и создать собственную уникальную систему написания, а позднее и стать национальным символом России. Использование народных мотивов особенно заметно в «Евгении Онегине», где автор вкладывал народные песни и пословицы в речь своих персонажей, что послужило моделью для многих писателей, в том числе и для современных авторов. Пушкин также был одним из представителей романтизма. Он часто использовал фантастические элементы в своей поэзии и прозе, что в значительной степени повлияло на поздние романтические авангардные движения, такие как символизм и фантастика.

Всё творческое наследие Пушкина выделяется своей точностью, ясностью, глубиной и красотой, и в настоящее время считается классическим литературным стандартом, идеалом классической литературы.

Таким образом, усовершенствовав и преобразовав литературный язык и создав эталонный образец классического стиля, Пушкин подготовил благодатную почву для творчества последующих русских писателей и поэтов.

Современная русская литература продолжает использовать и развивать стандарты, идеи и темы, заданные Пушкиным. Например, тема любви и страдания часто присутствует в современных романах и повестях, только современные авторы более часто описывают более современные формы отношений, такие как онлайн-знакомства или кризисы в семейных отношениях, что отражает изменения в общественных нормах и ценностях.

Также в современной русской литературе присутствует тема национальной идентичности и истории России, которой Пушкин также посвятил много произведений. В современных произведениях часто рассматриваются различные исторические периоды, а также проблемы национальных меньшинств и национальных отношений в России.

Однако, существует и отличие между творчеством Пушкина и современной русской литературой – это стиль. Современные авторы часто используют более сленговые и живые формы языка, что отражает произошедшие изменения в языковых нормах и популяризацию ненормативной речи в медиа и литературе.

Можно назвать множество примеров пушкинского влияния в произведениях современных авторов. Например, роман «Пикник на обочине» братьев Стругацких содержит множество отсылок к стихотворению Пушкина «К Чаадаеву», написанному в период Пушкинского смутного времени, которое отображает мнение автора о своей эпохе и происходящих в ней событиях. Братья Стругацкие использовали эту творческую традицию для создания своего произведения. Еще одним примером является творчество писателя Владимира Набокова, который считал Пушкина одним из своих главных литературных вдохновителей. В своих произведениях Набоков часто использовал мотивы и образы из творчества Пушкина. Например, в романе «Король, дама, валет», где действуют исключительно немецкие герои в германском контексте, они разыгрывают одну из сцен пушкинского «Каменного гостя». Главный герой другого романа Набокова «Отчаянье» – Герман, как и пушкинский Евгений, безумец и, как и пушкинский герой, считает себя великим творцом. Он хочет изменить свою жизнь и, когда думает об этом, цитирует Пушкина: «Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит … Давно, усталый раб, замыслил я побег в обитель дальнюю трудов и чистых нег». Герман хочет, как и его предшественник из «Пиковой дамы», получить всё сразу без большого труда. Но, как и герой Пушкина, проигрывает и окончательно сходит с ума. В этом же романе мы без труда можем найти отсылки к поэме Пушкина «Медный всадник».

В «Бедных людях» Фёдора Достоевского Пушкин и его «Станционный смотритель» явно прослеживаются в критических рассуждениях о литературе главного героя – Макара Девушкина. Вслед за Пушкиным Достоевский в своих произведениях обращается к тем же проблемам, к поиску тех же жизненных смыслов. Например, тему молодого человека и его поиска места в жизни – в романе «Бесы», тему маленького человека – в романе «Униженные и оскорбленные». Сам Достоевский утверждал, что вся последующая великая русская литература «вышла из Пушкина» [9, т.25, с.199]. После него к этим же пушкинским темам обратятся в своих произведениях Иван Тургенев («Отцы и дети»), Иван Гончаров («Обломов») и другие русские писатели.

Пушкинские «Рославлев» и «Капитанская дочка» вдохновили Льва Толстого на написание знаменитого романа «Война и мир». У Пушкина учился драматургии Александр Островский, так же вслед за ним искавший истоки русского начала в старине, сказаниях, древних обычаях. Последовав примеру Пушкина, ему удалось соединить в своих пьесах быт с народным творчеством: с остроумием поговорок и пословиц, обрядами, и народными песнями. Очень ярко пушкинское присутствие ощущается в романе современной российской писательницы Татьяны Толстой «Кысь» и в её рассказе «Любишь– не любишь». Писательница Людмила Улицкая использует приём переосмыслениянроизведения писателя «Пиковая дама» и даёт своему рассказу одноимённое название.

Творчество Пушкина, его гений были одним из источников вдохновения российских поэтов «серебряного века», сумевших вобрать в своё творчество всё лучшее, что привнес в русскую поэтическую традицию Александр Сергеевич.Пушкин живёт в стихах Николая Некрасова, Михаила Лермонтова, Алексея Кольцова, Фёдора Тютчева, Эдуарда Багрицкого и других русских поэтов. Многие поэты, такие как Иосиф Бродский, Борис Пастернак, открыто признают влияние творчества Пушкина на свои произведения. Одним из ярких примеров такого влияния является и поэт Андрей Вознесенский, который называл Пушкина своим учителем и ментором. Андрей Вознесенский создал множество поэтических произведений, в которых прослеживается влияние Пушкина, например, в его знаменитой поэме «Антипарадокс». Творческие традиции Пушкина явно присутствуют в стихах Беллы Ахмадулиной. Тёплая любовь к поэту звучит в её стихотворении «Свеча», а в своей поэме «Моя родословная» поэтесса так же, как и её великий предшественник в одноименном стихотворении, «погружается» в глубь веков и находит там своих предков. Белла Ахмадулина так же известна своими эссе о Пушкине, в которых есть прекрасные слова: «А может быть, дело просто в том, что Пушкина достанет на всех людей и на все времена, он один у всех нас и свой у каждого, и каждый волен обращаться с ним по своему доброму и любовному усмотрению, соотносить с ним воображение, чувства и поступки» [1, с.461]. Явное сюжетное сходство с пушкинской поэмой «Евгений Онегин» мы найдём и в «Анне Снегиной» Сергея Есенина, а в «Скифах» Александра Блока – с пушкинским «Клеветникам России». В творчестве Анны Ахматовой также улавливаются тональность и символы пушкинской лирики, а в горьковском «Буревестнике» легко увидетьпушкинского орла, зовущего узника к свободе.

Наконец, современный поэт Дмитрий Воденников в своих стихах также демонстрирует влияние Пушкина, например, в поэме «Пушкинский дождь».

Творчество Пушкина оказало и оказывает спустя почти 200 лет после смерти поэта огромное влияние на развитие русской литературы и культуры. Он стал центром целой линии литературного направления, представители которого все прошли пушкинскую литературную школу, учились у него языку, манере письма, постигали тайну его стиха. Его последователи подняли русскую литературу на огромную высоту, стали писателями

мирового масштаба, выразителями идей русской национальной культуры. Пушкин был и остается живым участником русской литературной современности. Валерий Брюсов пишет: «и до сих пор наша литература ещё не изжила, до сих пор всем направлениям, куда она прорывается, встречаются вехи, поставленные Пушкиным в знак того, что он знал и видел эту тропу» [4].

Известный русский литературный критик Виссарион Белинский отмечает огромное влияние творчества Пушкина на последующих литераторов: «Онегина» можно назвать энциклопедией русской жизни и в высшей степени народным произведением. Удивительно ли, что эта поэма была принята с таким восторгом публикою и имела такое огромное влияние и на современную ей и на последующую русскую литературу? А ее влияние на нравы общества? Она была актом сознания для русского общества» [2]. Значение поэмы «Евгений Онегин», по словам Белинского, и в том, что от него (равно как и от комедии Александра Грибоедова «Горе от ума») начинается подлинно зрелая, реалистическая русская литература [2]. Свои статьи об «Евгении Онегине», полные тонких наблюдений и размышлений, Белинский заканчивает поистине пророческими словами: «Пусть идет время и приводит с собою новые потребности, новые идеи, пусть растет русское общество и обгоняет «Онегина»; как бы далеко оно ни ушло, но всегда будет оно любить эту поэму, всегда будет останавливать на ней исполненный любви и благодарности взор...» [2].

В целом, можно сказать, что творчество Александра Сергеевича Пушкина не только остается актуальным в наше время, но и по-прежнему вдохновляет новые и новые поколения литераторов на создание своих произведений.

Созданные Пушкиным образы и мотивы передаются из поколения в поколение и влияют на формирование культурных традиций, которые в настоящее время нашли своё отражение во всех направлениях русского искусства – в музыке, кино, изобразительном искусстве, литературе. Причём цитаты из произведений Пушкина используются не только в литературе, театре и кино, но и в повседневной жизни. Например, такие цитаты из пушкинских произведений, как: «А счастье было так возможно!», «и с каждой осенью я расцветаю вновь», «наш долг – не помнить злое», «мы все умрём, а любовь останется», «остаться у разбитого корыта» и многие другие – стали «крылатыми» выражениями и частью национальной русской культуры и традиций.

Сегодня Пушкин является национальным символом России и связан со многими культурными ассоциациями. Рисунки его руки использовались на российских денежных купюрах и марках, а его именем названы многие улицы и площади в городах не только на территории России, но и за ее пределами. Его романтическая и драматическая проза остается вдохновением для многих режиссеров, актеров и музыкантов, которые создают фильмы, спектакли и песни на основе его произведений. А картины, созданные по мотивам его произведений, демонстрируют музеи и галереи многих стран мира.Все это является ярким доказательством того, что творчество Пушкина, его темы и смыслы остаются до сих пор интересны, актуальны и любимы современным обществом.

Александр Сергеевич Пушкин – главный классик русской литературы, чьё творчество продолжает привлекать внимание читателей и исследователей по всему миру. Несмотря на то, что со дня его смерти минуло почти два века, его произведения по-прежнему занимают важное место в современной литературе. Он был не только неподражаемым литератором, но и истинным патриотом своей Родины, а также человеком с очень широким кругозором, чья проза и лирика по сей день пленяет и вдохновляет современных авторов, служит неисчерпаемым источником тем и идей, литературных стилей, приёмов и традиций.

В целом, можно сказать, что творчество Александра Сергеевича Пушкина остается актуальным и интересным в современной русской литературе и культуре. Поднятые им темы продолжают использовать современные литераторы, при этом расширяя их и дополняя, что отражает изменения в общественных и языковых нормах.

Заключение

Александр Сергеевич Пушкин до сих пор является национальным символом России и остается сильной и значимой культурной фигурой в мировой литературе. Его богатое творческое наследие имеет огромное влияние на современную русскую литературу. Его классический стиль, использование народных мотивов и романтические темы продолжают быть моделью для многих современных писателей и поэтов.

Не будет преувеличением утверждать, что без пушкинского фундамента не может существовать и современная русская литература. Заслуга гения Пушкина состоит в том, что именно он преодолел границу между языком литературы и народным языком, обогатил его и сделал доступным, естественным и понятным для каждого русского человека, открыв тем самым свободный путь для его дальнейшего развития. До сих пор ни один русский писатель или поэт не минует стадии осмысления пушкинского литературного наследия и обращения к созданным им образам и приёмам. В Пушкине - начало и цель устремлений, литературных и философских исканий многих поколений российских авторов.

Влияние Пушкина на литературный мир распространилось далеко за пределы России – где были рождающиеся художественные стили, там был и Пушкин, который воспринимался как главный представитель классицизма. Его творчество, богатое романтическими и мистическими мотивами, несёт в себе и колоссальную духовную энергию, которая порождала радость жизни и приводила к целостному пониманию мира. Созданные Пушкиным образы и сюжеты, переживания пушкинских героев по-прежнему откликаются современному поколению авторов, влияют на формирование культурных традиций, находят своё отражение и новое переосмысление в современной литературе, музыке, кино, изобразительном искусстве и т. д.

Таким образом, творчество Пушкина остается актуальным в современном мире. Оно вдохновляет многих писателей, музыкантов и художников. Успех Пушкина состоит в том, что его творчество остается тем самым источником выводов и личностных ценностей, который ориентирует нас на духовную, культурную и экстерриториальную свободу, простирающуюся от эпохи XIX века до настоящего времени и будущего.

Библиографический список

1. Ахмадулина Б.А. Сны о Грузии. — Тбилиси: Мерани, 1979. — 112 с.
2. Белинский В.Г. Белинский о Пушкине / Электронный ресурс. — Режим доступа: http://velikayakultura.ru/russkaya-kritika-2/belinskiy-o-pushkine. — Дата доступа: май 2023.
3. Будагов Р.А. Литературные языки и языковые стили. — М.: Высшая школа, 1967. — 240 с.
4. Брюсов В.Я. Разносторонность Пушкина / статья / 1922 / Электронный ресурс. — Режим доступа: http://az.lib.ru/b/brjusow_w_j/text_1922_raznostoronnost_pushkina.shtml. — Дата доступа: май 2023.
5. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. — М.: Высшая школа, 1982. — 328 с.
6. Гончаров И.А. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 8. — М.: Наука, 1955. — 472 с.
7. Гофман В.А. Язык Пушкина. — М.: Учпедгиз, 1937. — 212 с.
8. Гранин Д. Пушкинист. Сборник Пушкинской комиссии ИМЛИ им. А.М. Горького. Вып. 1 / сост. Красухин Г. — М.: Современник, 1989. — 256 с.
9. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 25 / редкол.: В.Г. Базанов (гл. ред.) и др. — М.: Наука, 1972–1990. — 528 с.

10. Ефимов А.И. История русского литературного языка. — М.: Высшая школа, 1961. — 320 с.
11. Куприн А.И. Солнце русской поэзии // Жизнь и искусство. — Киев, 26 мая 1899. №144. — 2 с.
12. Миллер В.Ф. Пушкин как поэт этнограф / Электронный ресурс. — Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003688873/. — Дата доступа: май 2023.
13. Пушкин А.С. Я памятник себе воздвиг нерукотворный // Собр. соч. в 10 т. Т. 2. Стихотворения 1823–1836. — М.: ГИХЛ, 1959–1962. — 384 с.
14. Пушкин А.С. Письмо П.Я. Чаадаеву 19 октября 1836 г. // Собр. соч. в 10 т. Т. 10. Письма 1831–1837. — М.: Гос. изд-во худ. литературы, 1962. — 520 с.
15. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Т. 10. — М.: Наука, 1982. — 456 с.
16. Чернышевский Н.Г. Литературная критика: в 2 т. Т. 1. — М.: Наука, 1981. — 392 с.

References in Roman script

1. Akhmadulina B.A. Sny o Gruzii. — Tbilisi: Merani, 1979. — 112 s. (In Russian)
2. Belinsky V.G. Belinsky o Pushkine / Elektronnyy resurs. — Rezhim dostupa: http://velikayakultura.ru/russkaya-kritika-2/belinskiy-o-pushkine. — Data dostupa: mai 2023. (In Russian)
3. Budagov R.A. Literaturnye yazyki i yazykovye stili. — Moscow: Vysshaya shkola, 1967. — 240 s. (In Russian)
4. Bryusov V.Ya. Raznostoronnost Pushkina / statya / 1922 / Elektronnyy resurs. — Rezhim dostupa: http://az.lib.ru/b/brjusow_w_j/text_1922_raznostoronnost_pushkina.shtml. — Data dostupa: mai 2023. (In Russian)
5. Vinogradov V.V. Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII–XIX vv. — Moscow: Vysshaya shkola, 1982. — 328 s. (In Russian)
6. Goncharov I.A. Sobranie sochineniy v 10 tomakh. T. 8. — Moscow: Nauka, 1955. — 472 s. (In Russian)
7. Gofman V.A. Yazyk Pushkina. — Moscow: Uchpedgiz, 1937. — 212 s. (In Russian)
8. Granin D. Pushkinist. Sbornik Pushkinskoy komissii IMLI im. A.M. Gorkogo. Vyp. 1 / sost. Krasukhin G. Moscow: Sovremennik, 1989. — 256 s. (In Russian)
9. Dostoevsky F.M. Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t. T. 25 / redkol.: V.G. Bazanov (gl. red.) i dr. — Moscow: Nauka, 1972–1990. — 528 s. (In Russian)
10. Efimov A.I. Istoriya russkogo literaturnogo yazyka. — Moscow: Vysshaya shkola, 1961. — 320 s. (In Russian)
11. Kuprin A.I. Solntse russkoy poezii // Zhizn i iskusstvo. — Kiev, 26 maya 1899. No. 144. — 2 s. (In Russian)
12. Miller V.F. Pushkin kak poet etnograf / Elektronnyy resurs. — Rezhim dostupa: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003688873/. — Data dostupa: mai 2023. (In Russian)
13. Pushkin A.S. Ya pamyatnik sebe vozdvig nerukotvornyy // Sobranie sochineniy v 10 t. T. 2. Stikhotvoreniya 1823–1836. — Moscow: GIKhL, 1959–1962. — 384 s. (In Russian)
14. Pushkin A.S. Pis'mo P.Ya. Chaadaevu 19 oktyabrya 1836 g. // Sobranie sochineniy v 10 t. T. 10. Pis'ma 1831–1837. — Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo Khudozhestvennoy Literatury, 1962. — 520 s. (In Russian)
15. Turgenev I.S. Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 30 t. T. 10. — Moscow: Nauka, 1982. — 456 s. (In Russian)
16. Chernyshevsky N.G. Literaturnaya kritika: v 2 t. T. 1. — Moscow: Nauka, 1981. — 392 s. (In Russian)

References

1. Akhmadulina B.A. Dreams of Georgia. — Tbilisi: Merani, 1979. — 112 p. (In Russian).
2. Belinsky V.G. Belinsky about Pushkin / Electronic resource. — Available at: http://velikayakultura.ru/russkaya-kritika-2/belinskiy-o-pushkine. — Accessed: May 2023. (In Russian).
3. Budagov R.A. Literary Languages and Language Styles. — Moscow: Vysshaya shkola, 1967. — 240 p. (In Russian).
4. Bryusov V.Ya. The Versatility of Pushkin / Article / 1922 / Electronic resource. — Available at: http://az.lib.ru/b/brjusow_w_j/text_1922_raznostoronnost_pushkina.shtml. — Accessed: May 2023. (In Russian).
5. Vinogradov V.V. Essays on the History of the Russian Literary Language of the 17th–19th Centuries. — Moscow: Vysshaya shkola, 1982. — 328 p. (In Russian).
6. Goncharov I.A. Collected Works in 10 Volumes. Vol. 8. — Moscow: Nauka, 1955. — 472 p. (In Russian).
7. Gofman V.A. The Language of Pushkin. — Moscow: Uchpedgiz, 1937. — 212 p. (In Russian).
8. Granin D. Pushkinist. Collection of the Pushkin Commission of the Gorky Institute of World Literature. Issue 1 / compiled by Krasukhin G. Moscow: Sovremennik, 1989. — 256 p. (In Russian).
9. Dostoevsky F.M. Complete Works: in 30 Volumes. Vol. 25 / editorial board: V.G. Bazanov (chief editor) et al. — Moscow: Nauka, 1972–1990. — 528 p. (In Russian).
10. Efimov A.I. History of the Russian Literary Language. — Moscow: Vysshaya shkola, 1961. — 320 p. (In Russian).
11. Kuprin A.I. The Sun of Russian Poetry // Life and Art. — Kiev, May 26, 1899. No. 144. — 2 p. (In Russian).
12. Miller V.F. Pushkin as a Poet Ethnographer / Electronic resource. — Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003688873/. — Accessed: May 2023. (In Russian).
13. Pushkin A.S. I Have Erected a Monument to Myself Not Made by Hands // Collected Works in 10 Volumes. Vol. 2. Poems 1823–1836. — Moscow: GIKhL, 1959–1962. — 384 p. (In Russian).
14. Pushkin A.S. Letter to P.Ya. Chaadaev, October 19, 1836 // Collected Works in 10 Volumes. Vol. 10. Letters 1831–1837. — Moscow: State Publishing House of Fiction, 1962. — 520 p. (In Russian).
15. Turgenev I.S. Complete Works and Letters in 30 Volumes. Vol. 10. — Moscow: Nauka, 1982. — 456 p. (In Russian).
16. Chernyshevsky N.G. Literary Criticism: in 2 Volumes. Vol. 1. — Moscow: Nauka, 1981. — 392 p. (In Russian).

УДК 821.161.1-1.09 «18»

Киселева Ирина Александровна
доктор филологических наук, профессор
Государственный университет просвещения
Россия, г. Москва
e-mail: 79099227849@yandex.ru

Kiseleva Irina Alexandrovna
Professor, Dr.Sc. (Philology)
State University of Education
Russia, Moscow
e-mail: 79099227849@yandex.ru

И. А. Киселева

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ПРОГРАММНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ НАУЧНОГО ПРОЕКТА «ЛИРИКА М. Ю. ЛЕРМОНТОВА 1840 ГОДА: ТЕКСТОЛОГИЯ, АКСИОЛОГИЯ, ПОЭТИКА»

Аннотация. Актуальность информационной статьи связана с необходимостью привлечения внимания к изучению творчества Михаила Юрьевича Лермонтова, обновить научное представление о творческом процессе писателя и уточнить вопросы его мировоззрения. Материалом публикации стал процесс исполнения научного проекта текстологического исследования и комментирования стихотворений, написанных Лермонтовым в 1840 году. В статье обозначена методология исследования, связанная с технологией работы с автографами Лермонтова, выявлением особенностей динамической поэтики его шедевров, восстановлением аутентичного текста. Обозначены достигнутые результаты научного проекта и его перспективы.

Ключевые слова: Михаил Юрьевич Лермонтов, аутентичный текст, методология изучения рукописей, текстология, динамическая поэтика

Благодарность: Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда, проект № 24–28–00207, «Лирика М. Ю. Лермонтова 1840 года: текстология, аксиология, поэтика».

Для цитирования: Киселева И.А. Методологические основания и программная реализация научного проекта «Лирика М. Ю. Лермонтова 1840 года: текстология, аксиология, поэтика**».** *Русистика без границы. Международно научно списание,* 2025, Том IX, кн. 3, С. 51–57.

I. A. Kiseleva

METHODOLOGICAL FOUNDATIONS AND PROGRAMMATIC IMPLEMENTATION OF THE SCIENTIFIC PROJECT «THE LYRICS OF M. Y. LERMONTOV IN 1840: TEXTUAL CRITICISM, AXIOLOGY, POETICS»

Abstract. The relevance of the information article is related to the need to draw attention to the study of Mikhail Yuryevich Lermontov's work, update the scientific understanding of the writer's creative process and clarify the issues of his worldview. The material of the publication was the process of executing a scientific project of textual research and commenting on poems written by Lermontov in 1840. The article outlines the research methodology related to the technology of working with Lermontov's autographs, identifying the features of the dynamic poetics of his masterpieces, and restoring the authentic text. The achieved results of the scientific project and its prospects are outlined.

Keywords: Mikhail Yuryevich Lermontov, authentic text, methodology of studying manuscripts, textual criticism, dynamic poetics

Acknowledgements: The research was carried out within the framework of a grant from the Russian Science Foundation, project No. 24-28-00207, «The lyrics of M. Y. Lermontov in 1840: textual criticism, axiology, poetics».

For citation: Kiseleva I.A. Methodological foundations and programmatic implementation of the scientific project «The lyrics of M. Y. Lermontov in 1840: textual criticism, axiology, poetics». *Russian Studies without Borders. International scientific Journal*, 2025, Vol. IX, Iss. 3, pp. 51 – 57.

Проект «Лирика М.Ю. Лермонтова 1840 года: текстология, аксиология, поэтика» направлен на выявление закономерностей художественного мышления Лермонтова 1840 года, особенностей его миросозерцания, связи с традиционной духовной культурой. Обращение к изучению творческого наследия Михаила Юрьевича Лермонтова 1840 года обусловлено, во-первых, зрелым характером произведений, дающим возможность системно представить ценностную картину мира поэта; во-вторых, самим отношением Лермонтова к стихотворениям этого периода, многие из которых им были включены в состав первого сборника своих произведений. Конечно, нельзя сказать, что лирика Лермонтова 1840-х годов не изучена и в своих аксиологических основаниях, стоит назвать хотя бы фундаментальные исследования Л. Я. Гинзбург [1], Д. Е. Максимова [8], У. Р. Фохта [10], В. М. Марковича [9] и других исследований, достижения которых отражены в словарных статьях Лермонтовской энциклопедии [6] и Лермонтовского словаря [7]. Однако, как показывает анализ научной литературы, многие вопросы мировоззрения Лермонтова остаются дискуссионными, и адекватную методологическую помощь при понимании лермонтовского наследия может оказать как раз текстология в ее технологическом потенциале постижения текста в единстве формы и содержания, в динамике его становления как художественного целого с учетом оттенков значений слов и интонаций, к которым стремится автор и который может постичь читатель через чтение аутентичного текста.

Объектом изучения стали архивные материалы, прежде всего автографы Лермонтова 1840 года из фондов РГАЛИ, НИОР РГБ, ОР ИРЛИ РАН, альманахи и журналы XIX века, содержащие первые публикации лермонтовских произведений и критические суждения о творчестве поэта, обращение к которым позволило проследить практику комментирования произведений Лермонтова, его рукописных материалов, отразивших работу над созданием цельного художественно значимого образа.

Основной состав произведений Лермонтова 1840 года сохранился в беловых и черновых автографах, которые можно систематизировать в три группы:

– автографы, сброшюрованные издателем журнала «Отечественные записки» А. А. Краевским в тетрадь, состоящую из 24 стихотворений 1838, 1840, 1841 года. 1840 год представлен в тетради шестью стихотворениями, это: «На светские цепи…» (л. 10 об.), «Журналист, читатель и писатель (л. 11 – 12 об.), «Благодарность» (л. 13), «Пленный рыцарь» (л. 18), «Соседка» (л. 19), «Есть речи – значенье…» (л. 20);

– записи стихотворений в альбомах современников собственной рукой Лермонтова, как например, в альбом русской поэтессы К. К. Павловой поэтом вписано стихотворение «Посреди небесных тел…»;

– автографы на отдельных листах, хранящиеся в составе фондов рукописей Лермонтова, а именно черновик стихотворения «Валерик», послания М. А. Щербатовой («На светские цепи…»), «Благодарность» («За всё, за всё тебя благодарю я…»);

– автографы на отдельных листах, попавшие в коллекции собирателей; эту группу составляют стихотворения из собрания профессора С. А. Рачинского («Посреди небесных тел…», «И скучно и грустно…», «К портрету»).

Руководствуясь наличием датированного автографа, тематической общности, биографическими сведениями, основанными на известных фактах и свидетельствах современников, однозначно необходимо включать в корпус произведений 1840 года стихотворения «Как часто, пестрою толпою окружен…», «На светские цепи…», «К портрету», «И. П. Мятлеву», «Посреди небесных тел…», «И скучно и грустно…»,

«Отчего», «Благодарность», «Из Гёте», «Воздушный корабль», «Журналист, Читатель и Писатель», «Соседка», «Пленный рыцарь», «М. П. Соломирской», «Тучи», «Валерик», «Завещание», включение иных текстов сомнительно.

Работа с рукописными материалами направлена на установление аутентичного текста для публикации, его объективную интерпретацию, понимание концептуальной насыщенности лермонтовского слова, чем обусловлена следующая программная реализация исследования:

П/П	Этап	Результат исследования
1	Работа в фондах Москвы и Санкт-Петербурга (РГАЛИ, ОР РГБ, ИРЛИ РАН, ОР РНБ)	Уточнения списка автографов (беловых и черновых рукописей) Лермонтова, подготовка дескрипции автографов.
2	Транскрипция автографов М.Ю. Лермонтова	Составление паспортов текстов: «И скучно и грустно» (РГАЛИ. Ф.427. Оп.1. Ед. хр. 986) «Ребенку» (РГАЛИ. Ф.276. Оп.1. Ед. хр. 63) «А.О. Смирновой» (РГАЛИ. Ф.1346. Оп.1. Ед. хр. 35) «К портрету» (РГАЛИ. Ф.427. Оп.1. Ед. хр. 986) «Завещание» (РГАЛИ. Ф.276. Оп.1. Ед. хр. 34) «Тучи» (РГАЛИ. Ф.276, оп.1, №71) «Посреди небесных тел» (РГАЛИ. Ф.276. Оп.1. Ед. хр. 35) «М.А. Щербатовой» (РГАЛИ. Ф.276. Оп.1. Ед. хр. 591) «Валерик» (ОР РГБ. Ф.500. К.1. Ед. хр. 4) «Журналист, читатель и писатель» (ИРЛИ РАН. Лермонтов. Оп.1. №15. Тетрадь XV) «Соседка» (ИРЛИ РАН. Лермонтов. Оп.1. №15. Тетрадь XV) «Воздушный корабль» (ИРЛИ РАН. Лермонтов. Оп.1. №15. Тетрадь XV) «Есть речи — значенье...» (ИРЛИ РАН. Лермонтов. Оп.1. №15. Тетрадь XV) «Благодарность» (ИРЛИ РАН. Лермонтов. Оп.1. №15. Тетрадь XV) «Пленный рыцарь» (ИРЛИ РАН. Лермонтов. Оп.1. №15. Тетрадь XV) «М. П. Соломирской» (ОР РНБ Ф.429 (Лермонтов), Ед.хр. 62)
3	Восстановление аутентичного текста	Сопоставительный анализ расшифрованных рукописей с печатными источниками первыми публикациями стихотворений Лермонтова (прижизненными и посмертными), академическими собраниями сочинений.
4	Историко-литературный, реальный и текстологический комментарий произведений Лермонтова	Реконструкция художественного метода Лермонтова
5	Работа с периодическими изданиями 1840 года	Мониторинг периодических изданий («Отечественные записки», «Литературная газета», «Москвитянин»), сравнение первых публикаций стихотворений с дальнейшими публикациями в академических собраниях сочинений, представление канонического текста.

Конкретный методологический инструментарий исследования составляют литературоведческие методы и подходы, особое место среди которых занимают текстологический и дескриптивный методы, использование которых обусловлено спецификой объекта изучения – работа с рукописями подразумевает полное описание первоисточника. Помимо собственно работы с текстом произведений, отдельного внимания заслуживают бумага, меняющиеся чернила, нажим карандаша, обводка чернилами карандашных записей, характер зачеркиваний, чернильные капли, следы времени, оформительские знаки, сделанные поэтом. Так, автограф стихотворения «Соседка» содержит подчеркнутый заголовок, графический знак отчеркивания имеется после восьмой строфы. В правом нижнем углу листа имеется графическая зарисовка, которая может быть атрибутирована как пейзажный набросок. Эта зарисовка не принималась во внимания исследователями, хотя изображение поля с курганом несет смысловую нагрузку, именно это пространство подразумевается, как желаемое, в которое всеми своими чувствованиями устремлен лирический герой («У окна лишь поутру я сяду, // Волю дам ненасытному взгляду…»), (Рис.1).

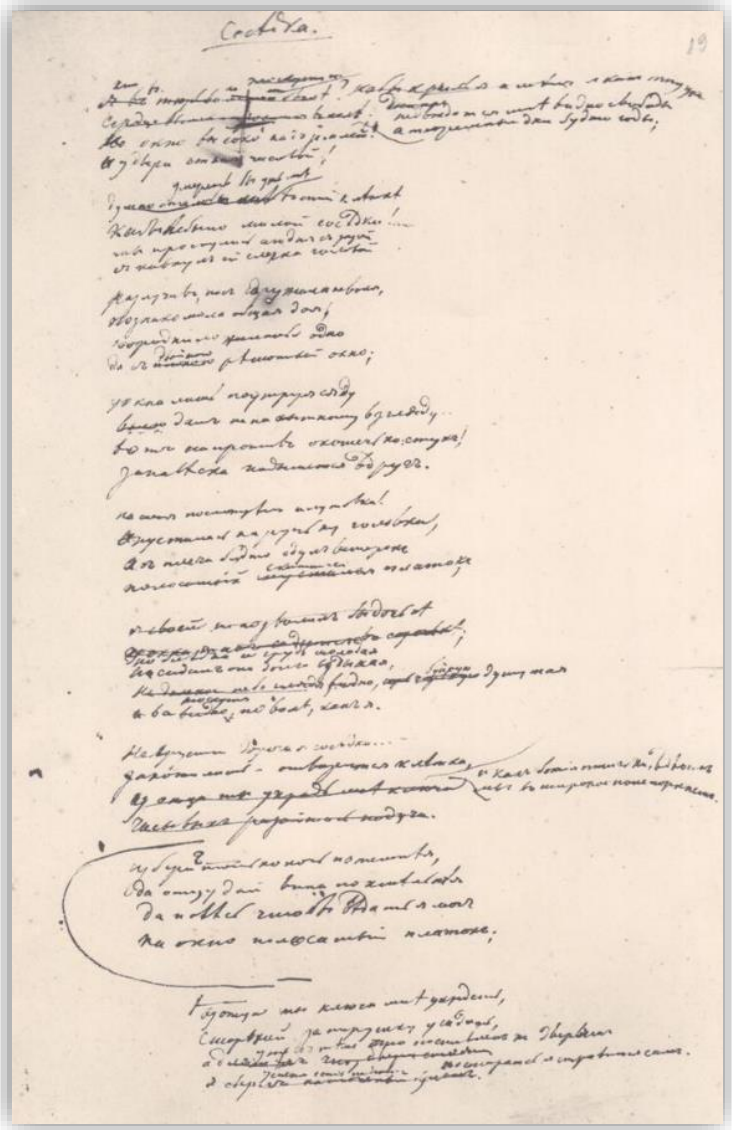


Рис. 1. Автограф стихотворения М. Ю. Лермонтова «Соседка».
РО ИРЛИ. Ф. 524. оп. 1. № 15. л. 19

Важен для исполнения проекта и телеогенетический (от греч. τέλειος – цель, завершение + от греч. греч. γένεσις — происхождение, возникновение) подход, посредством использования которого реконструированы принципы лермонтовского художественного мышления и восприятия мира, отразившие сам процесс движения художественной мысли поэта к выкристаллизовыванию шедевров и дошедшие до нас в рукописной виде. Так, например, посредством обращения к поэтике стихотворения Лермонтова “Валерик”» рассмотрена духовная содержательность эпистолярного жанра в творчестве поэта. Определено, что специфической особенностью «Валерика» является местоименная организация текста. Посредством местоименных конструкций Лермонтов расставляет в стихотворении смысловые акценты. Ключевой для стихотворения оказывается интроспекция героя: лирический субъект испытывает сильнейшие ощущения и эмоции, размышляет над ними, постигает через события прошлого и настоящего свою сущность. Форма обращенного монолога в «Валерике» [5] подразумевает разговор с адресатом, чему способствует речевая прозаизация текста. Документализм стихотворения сближает его с традицией письма как публицистического жанра и выводит за пределы изящной словесности в область литературы как опыта реальной жизни.

Телеогенетический подход оказывается связанным как с собственно текстологическим методом, так и с академическими герменевтическим и культурно-историческим методами исследования. Произведения Лермонтова подразумевает не только буквальные, но и скрытые смыслы, так как аллегоризм и символизм являются знаковыми приемами его поэтики. В ходе исполнения проекта были даны герменевтические интерпретации стихотворений Лермонтова «К портрету» [4] и «На светские цепи…» [3], в которых за портретами светских красавиц открывается человек в его онтологическом понимании. При изучении текста мы исходим из установки, что само рождение этих стихотворений Лермонтова было оформление идея о человеке как творении Бога, как феномене, соединяющем трансцендентный, явленный через Слово мир с миром тварно-чувственным — в его многообразии, жизненности, диалектической непротиворечивости противоречий.

Культурно-исторический метод позволил рассмотреть аксиологию Лермонтова в контексте оформившихся в первой трети XIX века общественных идей и настроений, что обуславливает необходимость изучения материалов периодических изданий, фиксирующих общественную жизнь 1830–х гг. Выявлено, что для произведений 1840 г. значимым явилось усвоение пушкинского наследия [2], происходящее как на речевом, так и на ценностно-смысловом уровнях текста. От прямых заимствований, свидетельствующих о приятии мировоззренческой позиции Пушкина как безусловно верной, Лермонтов переходит на уровень равноправного диалога, в котором пушкинское слово не только функционирует в качестве смысловой опоры, но и раскрывается в своей духовной перспективе. Этот исследовательский вектор позволил сделать ряд наблюдений, ранее не высказанных в лермонтоведении. Пушкинская традиция рассмотрена и в связи с созданием женского образа в лирике 1840 г., и в связи с векторами исторического мышления поэта.

На данном этапе выполнения исследования проводится реконструкция дефинитивных текстов лермонтовской лирики 1840 года, включающей восстановление авторской пунктуации, не противоречащей нормам современного русского языка, указание на необходимость исправления неоправданных конъектур, допущенных издателями сочинений Лермонтова, а также уточнение закономерностей мышления Лермонтова и его принципов поэтической репрезентации мировоззренческой парадигмы. Уточняется историко-культурной генезис лирики Лермонтова 1840-х годов

и значение исторического и собственно литературного контекста для понимания замысла лермонтовских текстов. В процессе исследования проводится сопоставительный анализ рукописей стихотворений «Журналист, читатель и писатель», «Соседка», «Воздушный корабль», «Есть речи — значенье...», «Благодарность», «Пленный рыцарь», «Сосна», «Любовь мертвеца», «Последнее новоселье», «М. П. Соломирской» с первыми публикациями и дальнейшими академическими изданиями в собраниях сочинений с целью уточнения канонического текста, связанного с выверкой неточностей, допущенных при публикации стихотворений. На основе работы с автографами Лермонтова делаются палеографические наблюдения над рукописями, идет конкретизация слоев текста, составляются транскрипции, отражающей все визуальные особенности документа.

Проводимый историко-литературный, реальный, текстологический комментарии лирики Лермонтова 1840 года является базой аналитического рассмотрения особенностей творческого метода писателя. Исследование позволит дополнить современное научное представление о специфике мироощущения поэта, обретающего ценностные основания своей личности как в сложных биографических перипетиях, так и в фактах рождения художественных текстов, которые явились квинтэссенцией его душевного опыта. Текстологический анализ осуществляется в тесном контакте с изучением мотивной структуры лермонтовской лирики 1840-х годов, раскрытием идейных, и собственно литературных влияний, определивших ее образный строй. Главенствующей методологической установкой является единство формы и содержания художественного текста и исходящей из этого положения необходимости реконструкции аутентичного текста для верного понимания духовного мира поэта.

Библиографический список

1. Гинзбург Л. Творческий путь Лермонтова. Л.: Худож. лит., 1940. 223 с.
2. Киселева, И. А. М. Ю. Лермонтов как духовный преемник А.С. Пушкина // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2024. № 2(117). С. 45-58. DOI 10.22204/2587-8956-2024-117-02-45-58.
3. Киселева И. А., Поташова К. А. Отзвуки поэмы А. С. Пушкина "Бахчисарайский фонтан" в художественном мире М. Ю. Лермонтова // Отечественная филология. 2024. Т. 2, № 3. С. 66-76. DOI 10.18384/2949-5008-2024-3-2-66-76.
4. Киселева И. А., Поташова К. А. Стихотворение М. Ю. Лермонтова «К портрету» (1840): поэтика текста и образа // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22, № 2. С. 25-49. DOI 10.15393/j9.art.2024.13463.
5. Киселева И. А., Поташова К. А. Текстологическая критика стихотворения М. Ю. Лермонтова «Валерик» (1840) // Научный диалог. 2024. Т. 13, № 7. С. 276-292. DOI 10.24224/2227-1295-2024-13-7-276-292.
6. Лермонтовская энциклопедия / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Науч.-ред. совет изд-ва "Сов. Энцикл." М.: Сов. Энцикл., 1981. 784 с.
7. М.Ю. Лермонтов. Энциклопедический словарь. Гл. ред. и сост. И. А. Киселева. М.: Издательство "Индрик", 2014. 940 с.
8. Максимов Д. Е. Поэзия Лермонтова / Отв. ред. Г. М. Фридлендер. М.; Л.: Наука, 1964. 266 с.
9. Маркович В.М. Пушкин и Лермонтов в истории русской литературы. СПбГУ.: Издательство СПбГУ, 1997. 216 с.
10. Фохт У. Р. Лермонтов: Логика творчества. М.: Наука, 1975. 189 с.

References in Roman script

1. Ginzburg L. Tvorcheskij put` Lermontova. L.: Xudozh. lit., 1940. 223 p.
2. Kiseleva, I. A. M. Yu. Lermontov kak duxovny`j preemnik A.S. Pushkina // Vestnik Rossijskogo fonda fundamental`ny`x issledovanij. Gumanitarny`e i obshhestvenny`e nauki. 2024. № 2(117). Pp. 45-58. DOI 10.22204/2587-8956-2024-117-02-45-58.

3. Kiseleva I. A., Potashova K. A. Otzvuki poe`my` A. S. Pushkina Baxchisarajskij fontan v xudozhestvennom mire M. Yu. Lermontova // Otechestvennaya filologiya. 2024. T. 2, № 3. Pp. 66-76. DOI 10.18384/2949-5008-2024-3-2-66-76.
4. Kiseleva I. A., Potashova K. A. Stixotvorenie M. Yu. Lermontova «K portretu» (1840): poe`tika teksta i obraza // Problemy` istoricheskoj poe`tiki. 2024. T. 22, № 2. Pp. 25-49. DOI 10.15393/j9.art.2024.13463.
5. Kiseleva I. A., Potashova K. A. Tekstologicheskaya kritika stixotvoreniya M. Yu. Lermontova «Valerik» (1840) // Nauchny`j dialog. 2024. T. 13, № 7. Pp. 276-292. DOI 10.24224/2227-1295-2024-13-7-276-292.
6. Lermontovskaya e`nciklopediya / AN SSSR. In-t rus. lit. (Pushkin. Dom); Nauch.-red. sovet izd-va Sov. E`ncikl. M.: Sov. E`ncikl., 1981. 784 p.
7. M.Yu. Lermontov. E`nciklopedicheskij slovar`. Gl. red. i sost. I. A. Kiseleva. M.: Izdatel`stvo Indrik, 2014. 940 p.
8. Maksimov D. E. Poe`ziya Lermontova / Otv. red. G. M. Fridlender. M.; L.: Nauka, 1964. 266 p.
9. Markovich V.M. Pushkin i Lermontov v istorii russkoj literatury`. SPbGU.: Izdatel`stvo SPbGU, 1997. 216 p.
10. Foxt U. R. Lermontov: Logika tvorchestva. M.: Nauka, 1975. 189 p.

References

1. Ginzburg L. Lermontov's creative path. L.: Art. lit., 1940. 223 p. (In Russian).
2. Kiseleva, I. A. M. Y. Lermontov as the spiritual successor of A.S. Pushkin // Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research. Humanities and social sciences. 2024. No. 2(117). pp. 45-58. DOI 10.22204/2587-8956-2024-117-02-45-58. (In Russian).
3. Kiseleva I. A., Potashova K. A. Echoes of A. S. Pushkin's poem "The Bakhchisarai Fountain" in the artistic world of M. Y. Lermontov // Russian philology. 2024. Vol. 2, No. 3. pp. 66-76. DOI 10.18384/2949-5008-2024-3-2-66-76. (In Russian).
4. Kiseleva I. A., Potashova K. A. M. Y. Lermontov's poem "To the portrait" (1840): poetics of text and image // Problems of historical poetics. 2024. Vol. 22, No. 2. pp. 25-49. DOI 10.15393/j9.art.2024.13463. (In Russian).
5. Kiseleva I. A., Potashova K. A. Textual criticism of M. Y. Lermontov's poem "Valerik" (1840) // Scientific Dialogue. 2024. Vol. 13, No. 7. pp. 276-292. DOI 10.24224/2227-1295-2024-13-7-276-292. (In Russian).
6. Lermontov Encyclopedia / USSR Academy of Sciences. In-t rus. lit. (Pushkin. House); Scientific-ed. The Council of the publishing house "Sov. The encyclopedia." Moscow: Sov. The Encyclopedia, 1981. 784 p. (In Russian).
7. M.Y. Lermontov. The Encyclopedic dictionary. Gl. ed. and comp. by I. A. Kiselyov. Moscow: Indrik Publishing House, 2014. 940 p. (In Russian).
8. Maksimov D. E. Poetry of Lermontov / Ed. by G. M. Friedlander, M.; L.: Nauka, 1964. 266 p. (In Russian).
9. Markovich V.M. Pushkin and Lermontov in the history of Russian literature. St. Petersburg State University: St. Petersburg State University Publishing House, 1997. 216 p. (In Russian).
10. Focht, U. R. Lermontov: The Logic of creativity. Moscow: Nauka, 1975. 189 p. (In Russian).

УДК 821.161.1-1.09 «18»

Поташова Ксения Алексеевна
доктор филологических наук, доцент
Государственный университет просвещения
Россия, г. Москва
e-mail: kseniaslovo@yandex.ru

Potashova Kseniya Alekseevna
Associate Professor, Dr. Sc. (Philology)
State University of Education
Russia, Moscow
e-mail: kseniaslovo@yandex.ru

К. А. Поташова

СВОБОДА И ВОЛЯ КАК СМЫСЛОВЫЕ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ДОМИНАНТЫ СТИХОТВОРЕНИЙ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА 1840 ГОДА

Аннотация. Целью исследования является реконструкция концепция свободы и воли в поэзии Михаила Юрьевича Лермонтова 1840 г. На материале стихотворений «Воздушный корабль», «Журналист, Читатель и Писатель», «Соседка», «Пленный рыцарь», «М. П. Соломирской», «Тучи» доказывается, что мечтательность о свободе и воле становится у Лермонтова средством преодоления душевного одиночества. Выявлено, что свобода и воля мыслятся Лермонтовым как формы бытия личности, которые являют собой условие ее существования, это и основа для антиномии земного и небесного, и тождество абсолютной гармонии. Свободу поэт естественно противопоставляет тюремному заточению, связывает с возможностью человека действовать, наделяет ее созидательной природой. Доказано, что естественная устремленность в условно идеальный мир в противовес несовершенствам жизни выражается у Лермонтова в понятии воля, созвучном свободе, но имеющим иной, онтологический, статус. Результатом статьи стал вывод о том, что свобода–воля, являясь смысловыми и эмоциональными доминантами поэзии Лермонтова, не ограничиваются пространственными измерениями, но определяют размышления поэта о сути мироздания, глубину причастности к нему человека.

Ключевые слова: Михаил Юрьевич Лермонтов, лирика 1840 г., онтология, поэтика, смысловая и эмоциональная доминанта

Благодарность: Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда, проект № 24–28–00207, «Лирика М. Ю. Лермонтова 1840 года: текстология, аксиология, поэтика».

Для цитирования: Поташова К.А. Свобода и воля как смысловые и эмоциональные доминанты стихотворений М.Ю. Лермонтова 1840 года. *Русистика без граници*. *Международно научно списание,* 2025, Том IX, кн. 3, С. 58–68.

K. A. Potashova

FREEDOM AND WILL AS SEMANTIC AND EMOTIONAL DOMINANTS OF M.Y. LERMONTOV'S 1840 POEMS

Abstract. The purpose of the study is to reconstruct the concept of freedom and will in poetry of Mikhail Yuryevich Lermontov of 1840. Based on the poems «The Airship», «The Journalist, the Reader and the Writer», «The Neighbor», «The Captured Knight», «M. P. Solomirskaya», «Clouds», it is proved that Lermontov's reverie for freedom and freedom becomes a means of overcoming mental loneliness. It is revealed that freedom and will are thought of by Lermontov as forms of being of a personality, which are a condition for its existence, this is the basis for the antinomy of earthly and heavenly, and the identity of absolute harmony. The poet naturally contrasts freedom with imprisonment, connects it with a person's ability to act, and endows it with a creative nature. It is proved that Lermontov's natural aspiration to a conditionally ideal world, as opposed to the imperfections of life, is expressed in the concept of will, which is consonant with freedom, but has a different, ontological status. The result of the article was the conclusion that freedom–will, being the semantic and emotional

dominants of Lermontov's poetry, are not limited to spatial dimensions, but determine the poet's reflections on the essence of the universe, the depth of human involvement in it.

Keywords: Mikhail Yuryevich Lermontov, lyrics of 1840, ontology, poetics, semantic and emotional dominant

Acknowledgements**:** The research was carried out within the framework of a grant from the Russian Science Foundation, project No. 24-28-00207, «The lyrics of M. Y. Lermontov in 1840: textual criticism, axiology, poetics».

For citation: Potashova K.A. Freedom and will as semantic and emotional dominants of M.Y. Lermontov's 1840 poems. *Russian Studies without Borders. International scientific Journal*, 2025, Vol. IX, Iss. 3, pp. 58–68.

Значительная часть стихотворений Лермонтова, составляющих корпус произведений 1840 года, написана во время нахождения поэта в Ордонанс-гаузе и Арсенальном карауле (с 10 марта по 20 апреля) по причине «произведенной им с французским подданным Э. де Барантом дуэли и необъявлением о том в свое время начальству» [3: 399]. Этим периодом датированы стихотворения «Отчего», «Благодарность», «Воздушный корабль», «Журналист, Читатель и Писатель», «Соседка», «Пленный рыцарь», «М. П. Соломирской», в начале мая 1840 года написаны «Тучи», своей мотивной доминантной свободы примыкающие к обозначенному составу стихотворений. И хотя все эти стихотворения различны и в жанровом отношении, и в характере самой лирической ситуации, в центре которой оказывается отвлеченные размышления, сюжетная зарисовка или образ природы, все они объединяются близкими, но все же различными категориями свободы и воли, экспликация которых и является ведущей направленностью «тюремного цикла» 1840 года.

Как справедливо отмечает В. Н. Аношкина, «желание освобождения» является у Лермонтова «очень характерным для его личности душевным состоянием» [1: 435] и выступает сквозным от ранних поэтических опытов до вершинной лирики. Анализ ситуаций “освобождения” явственно демонстрирует различные модальности свободы – утверждение духовной свободы, констатация необходимости свободы для поэтического творчества, эмоциональное состояние тоски о свободе. И в ранней «Элегии» (1829), и в зрелом «Выхожу один я на дорогу…» (1841) свобода от земной суеты понимается Лермонтовым необходимым условием гармонии человеческого бытия («О! Если б дни мои текли // На лоне сладостном покоя и забвенья // Свободно от сует земли // И далеко от светского волненья»[1]), условием спокойного духовно-телесного состояния («Я ищу свободы и покоя! // Я б хотел забыться и заснуть!»[2]), пребыванием в совершенном мире, обретаемом в следовании словам Иисуса Христа: «возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим» (Мф.11:29). Свобода в значении отстраненности от земных интересов оказывается необходимым качеством характера поэтической личности, выделяющим ее из всего общества («Сидит в тени певец простой // И бескорыстный и свободный!»[3]), оттого именно свобода становится главенствующей категорий поэтического сознания, мерилом гения художника («его свободный, смелый дар»[4]), приобретает этическую оценку

[1] Лермонтов М. Ю. Сочинения: В 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954—1957. Т. I. С. 60.
[2] Лермонтов М. Ю. Т. II. С. 209.
[3] Лермонтов М. Ю. Т. I. С. 34.
[4] Лермонтов М. Ю. Т. II. С. 84.

посягательства на пророческий дар («Свободы, Гения и Славы палачи»[5]). В ином смысле, в связи с внешним проявлением свободы, Лермонтов характеризует всецело вписанный в естественную среду кавказский народ («на грозный бой точил черкес свободный»[6]), свободная жизнь которого предполагает простор в выборе действий, подчас граничащих с «преступлением как нормой жизни» [6: 98]. Эти три качественно-различные уровни свободы – природная, социальная и духовная – обретают целостное звучание в стихотворениях условного тюремного цикла 1840 года, в котором воспевается свобода как «внутренняя необходимость»[7] для целостного человеческого существа.

В силу обстоятельств написания стихотворений во время нахождения Лермонтова в Ордонанс-гаузе и Арсенальном карауле размышления о сущности свободы происходят в противопоставлении свободный-несвободный. Так, проблемное поле стихотворения «Журналист, Читатель и Писатель» составляет извечный вопрос свободы творческой личности, в противовес которой Писатель пребывает в разрушающей душу несвободе от читательского интереса и издательских ожиданий журналиста, жажда свободы как творческого полета оказывается контрастной по отношению к повседневной жизни, читательской среде обывателей, и обусловливает проблему непонимания между поэтом и обществом:

«К чему толпы неблагодарной
Мне злость и ненависть навлечь,
Чтоб бранью назвали коварной
Мою пророческую речь?»[8].

Не свободен и сам лирический поэт, находящийся «в заточенье», но обретающий свободу в значении смены унылого однообразия душевным взлетом («Я был свободен на мгновенье // Могучей волею мечты»[9]). Созвучное пушкинскому «Я помню чудное мгновение…», но написанное не в любовном, а философско-психологическом регистре послание, адресованное М.П. Соломирской, «жене В.Д. Соломирского, брат которого в 1837 г. командовал лейб-гвардии Гусарским полком, в котором служил Лермонтов» [3: 428]. представляет свободу мгновением радости, явившимся чудом в преодолении реальности («Залогом вольности желанной, // Лучом надежды в море бед»[10]).

Пространственное наполнение свобода приобретает и в балладе «Воздушный корабль», представляющее аллегорическое изображение души Наполеона, несущейся в широком пространстве («По синим волнам океана, // Лишь звезды блеснут в небесах»[11]). Пространство основано на «романтическом объединении двух стихий — водной, морской, и небесно-световой» [1: 61], что заставляет задуматься, где же проходит этот путь. Размытость грани между земной и небесной горизонталью не только создает пространственную свободу, противопоставленную тесноте того острова, где провел свои последние дня Наполеон («Есть остров на том океане — // Пустынный и мрачный гранит»[12]), но и показывает неприкаянную душу, получающую по ночам свободу, но не обретшую покоя и оставшуюся в пограничье между миром земным и миром небесным.

---

[5] Лермонтов М. Ю. Т. II. С. 86.
[6] Лермонтов М. Ю. Т. II. С. 108.
[7] Гегель Г.В.Ф. Наука логики // Энциклопедия философских наук: В 3 т. М.: Мысль, 1974-1977, 1975, т.1, с.301.
[8] Лермонтов М. Ю. Т. II. С. 150.
[9] Лермонтов М. Ю. Т. II. С. 157.
[10] Лермонтов М. Ю. Т. II. С. 157.
[11] Лермонтов М. Ю. Т. II. С. 151.
[12] Лермонтов М. Ю. Т. II. С. 151.

У Лермонтова свобода сопрягается с мечтой («Соседка», «М.П. Соломирской») и грезами / воспоминаниями («Воздушный корабль»). Состояние мечты открывает пусть и иллюзорный, но путь к желаемой свободе, преображению действительности. В таком случае мечта, греза или воспоминание оказываясь порождением собственной ничем не ограниченной мысли, ментальные операции открывают возможность пробиться через пространственные ограничители, оттого мечтание выступает ведущим эмоциональным состояниям в размышлениях о желании обретения свободы. В «Журналисте, читателе и писателе» Писатель в своем монологе моделирует желаемую ситуацию вдохновенного труда («Бывает время, // Когда забот спадает бремя»[13]), предполагающего свободный полет мысли, в «Соседке» мечта связана с обретением свободы как пространственной неограниченности и дополняется стремлением к естественности земного бытия. В стихотворении «Воздушный корабль» не названная прямо категория свободы подразумевается в комплексе чувств, предметов, явлений, ориентирована к прошлым временам. Свобода сопряжена здесь с памятью Наполеона о своем правлении, явившимся для него временем безграничной свободы («Где славу оставил и трон, // Оставил наследника-сына // И старую гвардию он»[14]). Примечательно и дважды акцентированное Лермонтовым чувство родины («Несется он к Франции милой», «И только что землю родную // Завидит во мраке ночном»[15]), и здесь следует отметить присущее Лермонтову сопряжение ощущения свободы в ее онтологическом смысле именно с чувством Родины, трагизм личности Наполеона поэт показывает через невозможность его возвращения на родину («Стоит он и тяжко вздыхает, // Пока озарится восток»[16]). Родине – «вольности мил<ой>, // несравненн<ой>» – принадлежит, как справедливо отмечает В. Н. Аношкина, душа поэта, «свободная и нравственно удовлетворенная» [9: 435]. Эти истинно лермонтовские ассоциативные связи России с ее просторами противоположны и эмоциональной тональностью, и смысловой направленностью к обвинительному, пасквильному «Прощай, немытая Россия…», в котором явственно просматривается совершенно иное понимание свободы, и это может быть еще одним аргументом к решительным возражением о принадлежности стихотворения Лермонтову.

В связи с размышлениями о родине понятие свободы раскрывается и в «Тучах», являющих собой «тонкую и яркую, доходящую до символизма прорисовку образов природы» [5: 137]. В стихотворении нет ни мечтаний, ни грез, но «глубокая сосредоточенность, вслушивание в состояние природы» [10: 133], обусловливающее подспудно угадывающуюся модальность желания быть подобным «вечно свободным»[17] тучкам, душевная устремленность в небесное пространство, сама необычная лирическая ситуация, созданная в поэтическом воображении, все же роднит эти размышления с так называемым тюремным циклом, хотя написаны «Тучи» уже после освобождения Лермонтова из-под ареста. Проведение условной аналогии между собой и природным явлением на основании странствия оказывается невозможным, вечная свобода небесных тучек заключается в зримой физической свободе перемещении, но в силу их природы она не имеет ценностного наполнения. Свобода в стихотворении «Тучи» совмещает и социальную, и философскую, и онтологическую наполненность. Здесь свобода амбивалентна – она одновременно оказывается для человека абсолютной ценностью и

[13] Лермонтов М. Ю. Т. II. С. 148.
[14] Лермонтов М. Ю. Т. II. С. 152.
[15] Лермонтов М. Ю. Т. II. С. 153.
[16] Лермонтов М. Ю. Т. II. С. 153.
[17] Лермонтов М. Ю. Т. II. С. 165.

тяжелым испытанием, предполагающим процесс исканий, переживаний, рефлексии («чужды вам страсти, чужды страдания»[18]). Отметим и то, что поставленные здесь в один ряд страсти-страдания скорее являются содержательной наполненностью воли нежели свободы, именно отсутствие воли и отличает «вечно свободных» тучек от личности человека как вершины творения.

И здесь встает вопрос о тождественности понятий свобода и воля. В советском лермонтоведении сложилось представление о том, что «свобода по традиции связана с философским и культурно-историческим контекстом, воля (особенно в поэзии) — с фольклорным, народным пониманием» [8: 292]. Безусловно, этот смысловой оттенок усматривается, неслучайно, уже начиная с раннего стихотворения «Воля» (1831), Лермонтов сопрягает стремление к воли с широтой русской души, именно поэтому воля / вольность / вольница включены в устно-поэтический контекст («Воля-волюшка, // Вольность милая, // Несравненная»[19]). По-народному звучат ассоциации воли с исконно-природным началом, что, в частности, обусловило появление образов птиц. Параллель человек-птица определяет образный строй «Соседки» и «Пленного рыцаря», связана с символическим выражением свободы и воли. Примечательно, что со строк, созвучных намеченным вариантам первого стиха «Соседки», Лермонтов начинает своего «Пленного рыцаря» («В небе играют всё вольные птицы; // Глядя на них, мне и больно и стыдно»[20]). Если в «Соседке» («И как божии птички, вдвоем // Мы в широкое поле порхнем»[21]) эта параллель понимается как естество природы с возможностью действовать на свободную волю, как, например, аналогичная параллель обыгрывается Пушкиным во вставной песенке о божьей птичке из поэмы «Цыганы» («Людям скучно, людям горе; // Птичка в дальные страны, // В теплый край, за сине море // Улетает до весны»[22]), то в «Пленном рыцаре» она обрастает дополнительными смыслами, еще более усиливающими звучание несовершенства человеческого естества, именно глядя на вольных птиц, которым открыто небесное пространство, рыцарь вспоминает о своем кодексе чести, невозможность следования которому в ситуации лишения свободы приводит к невозможности реализации своих стремлений.

Представленные в «Соседке» и в «Пленном рыцаре» различные номинации ограничений – тюрьма / темница, клетка, «с двойною решеткой окно»[23], аллегорический панцирь или «новая броня»[24] связаны и со свободой, и с волей. Однако, о том, что эти понятия выступают у Лермонтова не как синонимы, и даже, отчасти, находятся в некой оппозиции свидетельствует окончательный вариант первой строфы «Соседки», который приобретает совершенно иной вид в сравнении со всеми черновыми вариантами, первый стих звучит так: «Не дождаться мне видно свободы»[25]. Лермонтов отказывается от большинства глаголов, черновые ментальные действия «мечтаю» / «мечтает» / «тоскует» (1 стих) и эмоционального переживания «бьется», «просится» (2 стих)[26] сконцентрированы теперь в инфинитивном предложении со значением неизбежности.

---

[18] Лермонтов М. Ю. Т. II. С. 165.
[19] Лермонтов М. Ю. Т. I. С. 212.
[20] Лермонтов М. Ю. Т. II. С. 156.
[21] Лермонтов М. Ю. Т. II. С. 154.
[22] Пушкин А. С. Полное собрание сочинений, 1837—1937: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1959. Т. IV. С. 183.
[23] Лермонтов М. Ю. Т. II. С. 156.
[24] Лермонтов М. Ю. Т. II. С. 154.
[25] Лермонтов М. Ю. Т. II. С. 156.
[26] М. Ю. Лермонтов. Соседка. РО ИРЛИ. Ф. 524. оп. 1. № 15. л. 19.

Лермонтов снова возвращается к констатирующей конструкции, только теперь первый стих начинается с отрицания («не дождаться»), к которому лирический герой приходит, пережив всю выше представленную эмотивную цепочку, сообщая только результат соотношения своих мечтаний о воле и реальности нахождения в заточении. Сразу же заданное отрицание позволяет относиться к суждению как априорному, на что и указывает поставленный в препозицию независимый инфинитив, лексически и грамматически подчеркивающий, что «ситуация будет иметь место, потому что таково положение вещей, такова судьба»[27]. Лермонтов снимает экспрессию, а внутренние переживания лирического героя передаются им через добавление отрицания и процессуального компонента, посредством которых изменяется и сама суть стиха. В окончательном варианте скорее акцентируется социальное положение лирического героя: активное «я» трансформируется в пассивное «мне», его чувствования и мечтания сменило физическое и психическое состояние ожидания, стремления на волю заменены на ожидания свободы, буквально связанной с законностью, правовой регламентированностью. Свобода у Лермонтова противопоставлена тюремному физическому заточению, однако же пространственная свобода отнюдь не гарантирует возможность действовать по воле, обладать «простором в поступках»[28], предполагающей не только свободу от ограничений, но гармонию и покой.

Однако не только этим семантическим нюансом определяется различие между свободой и волей. Воля возведена у поэта на иную ценностную высоту, понимается как «субстанциональная реальность человеческого бытия, освященного светом религии» [4: 71]. Воля / вольность у Лермонтова понимается не только в устоявшимся значении «данного человеку произвола действия»[29], но является особым чувством, эмоциональным состоянием, чем оказывается близким к первичному значению в древнерусском языке, «воля – свободное состояние»[30]. Представляя человека на воле, Лермонтов рисует картины пространственной неограниченности, стирает границы между земным и небесным пространством, это и «степь широкая», и «небо далекое», необъятность воли буквально уподоблена вселенскому масштабу: «И вольность мне гнездо свила, // Как мир — необъятное!»[31]. Нахождение Лермонтова в Ордонанс-гаузе обусловливает дополнение семантического поля вольницы как внешнего мира вне «этой клетки», картинки за «окошком темницы», слагающейся в единое пространство вертикали. Вниз («И окно высоко над землей!») и вверх («Синее небо отсюда мне видно») смотрит лирический герой из тюремного окна. Если в стихотворении «Бородино» воля – это открытая горизонталь, простор передвижения и действия, ощущение которого рождает героический задор («есть разгуляться где на воле»[32]), то в «Соседке», «Пленном рыцаре», «Воздушном корабле» простор приобретает лишь желаемый характер, он представлен в мечтах о возможной воле («Мы в широкое поле порхнем»[33]), воспоминаниях о героических сватках на ратном поле («Помню я только

---

[27] Русская грамматика: В 2-х т. / Редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др. - М.: Наука, 1980. Т. 2. С. 350.
[28] Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Издательство «Русский язык», 1998. Т. I. С. 238.
[29] Там же. С. 238.
[30] Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.) : в 10-ти томах / Академия наук СССР, Институт русского языка; Гл. ред. Р. И. Аванесов. М.: Русский язык, 1988. Т. 1. С. 474.
[31] Лермонтов М. Ю. Т. I. С. 212.
[32] Лермонтов М. Ю. Т. II. С. 80.
[33] Лермонтов М. Ю. Т. II. С. 154.

старинные битвы»[34]), в иллюзорной ситуации, связанной с таинственными метаниями изгнанного Наполеона («По синим волнам океана, // Лишь звезды блеснут в небесах, // Корабль одинокий несется»[35]). Пространственным измерением воли через вертикаль «земля – небо», то есть в тех координатах, которые буквально видит лирический герой, выражены иные эмоциональные и интеллектуальные составляющие. Это и физическое томление по воле, улавливаемое в ощущении безысходности («Умереть бы уж мне в этой клетке»[36]), чувстве духоты и сдавленности («В каменный панцирь я ныне закован», «Душно под новой бронею»[37]), и, главное, стремление к воле в ее духовном понимании.

К размышлению о воле не только в душевном, но и в духовном ее понимании Лермонтов приходит в «Пленном рыцаре», который, по мнению В. Э. Вацуро и К. М. Черного, является «заключительным и вершинным этапом эволюции “тюремной темы” в лирике Лермонтова» [12: 421]. Однако исследователи только наметили размышления о метафорических реалиях стихотворения, связанных с символическим пониманием темницы как «жизненного пространства», и указал на возникновение в стихотворении «мотива стремления к смерти», но если с первым утверждением можно бесспорно согласиться, то «стремление к смерти» неверно передает суть поэтических размышлений Лермонтова. Не к смерти как освобождению из оков темницы стремится его рыцарь, но к жизни вечной, которая, как отмечает философ И. А. Ильин, есть «верное отношение духа и свободы»[38]. В символико-аллегорической форме воплощается идея духовного преображения, что обнаруживается в стержневом для стихотворения противопоставления первичного состояния страдания («больно и стыдно») и заключительных динамичных возгласов («Смерть, как приедем, подержит мне стремя; // Слезу и сдерну с лица я забрало»), антитезы бездействия-безвременья («Молча сижу под окошком темницы») и стремительности движения («Мчись же быстрее, летучее время!»[39]).

Значим выбор Лермонтовым самого лирического героя, рыцаря, нравственный кодекс которого искони составляют лучшие качества, тождественные христианской этике – честь, доблесть, долг, самопожертвование, однако же конкретных проявлений этих качеств в так называемой рыцарской балладе нет, и даже, напротив, первые две строфы построены как констатация отсутствия ведущих составляющих рыцарского кодекса («нет на устах моих грешной молитвы», «нету ни песни во славу любезной»[40]), то есть на месте тех понятий, которые возвышают человека как духовное существо, сейчас оказывается пустота. Стихотворение бессюжетно – неизвестно ни прошлое этого рыцаря, попавшего в бойницу, ни причины этого заточения, вероятно, послуживших поводом к рефлексии. Но это и не имеет значения для раскрытия метафизической глубины воли, раскрывающейся через рефлексию рыцаря, первичны здесь его духовно-душевные метания, связанные с осознанием собственной несвободы от сомнений и грехов. Перед нами рыцарь, который помнит «только старинные битвы»[41]. Ограничительной частицей «только» Лермонтов одновременно акцентирует и воинскую

---

[34] Лермонтов М. Ю. Т. II. С. 156.
[35] Лермонтов М. Ю. Т. II. С. 154.
[36] Лермонтов М. Ю. Т. II. С. 154.
[37] Лермонтов М. Ю. Т. II. С. 156.
[38] Ильин И. А. И 46 Путь духовного обновления / Сост., авт. предисл., отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 87.
[39] Лермонтов М. Ю. Т. II. С. 156.
[40] Лермонтов М. Ю. Т. II. С. 154.
[41] Лермонтов М. Ю. Т. II. С. 156.

доблесть в тех бранях, которыми славился рыцарь («Меч мой тяжелый да панцырь железный»[42]), и забвение им тех истин, которые привели его к духовной пустоте. Это ограничение вовсе не предполагает приуменьшения воинского служения, которое, словами современника Лермонтова, святителя Феофана Затворника, есть «самое хорошее – чистое, честное, самоотверженные», но все же Лермонтов противопоставляет воинскую брань еще более сложной битве духовной, дарующей, как пишет И. А. Ильин, «крылья для духовно осмысленного и победоносного полета через жизнь и смерть»[43], то есть открывающей путь к обретению человеческим духом истинной воли.

Примечательно, что рыцарский кодекс обнаруживает себя «с одной стороны через христианский аскетизм, с другой – через этические понятия светского, мирского» [2: 139]. Отсюда в нашем сознании и укоренилось два понимания рыцаря – не только как воина-всадника, но и как человека самоотверженного и благородного. Рыцарь – защитник христианской веры, он «несет ответственность за службу не только перед своим сюзереном, но и перед самим Господом Богом, рыцарь – ревностный воин Христа» [2: 140]. Со временем в рыцарской этике ведущее место стало отводится именно воинской доблести и, как отмечает Й. Хёйзенга, идеал рыцарства «все более перемещался в область фантазии» [11: 81]. Подобная двоякость обусловливает символико-аллегорическое представление в стихотворении души человеческой как рыцаря в оковах, чистой в своей сути, но вовлеченной в земные страсти и оттого находящейся заточенной в «темнице земного бытия» [9: 378]. Эта суть скрыта и в полисемичном названии стихотворения, которое может быть прочитано буквально – рыцарь, заключенный в бойницу, утративший свободу физически, или же образно, предполагая, что перед нами человек в несовершенстве земного бытия. Показательно при этом, что В.И. Даль связывает значение лексемы «плененный» с неволей и прельщением, находящийся «в плену у страстей своих»[44]. В образном строе стихотворения страсти материализованы – это буквально вещественные тяжести, давящие на человека. Это акцентируется и в стихотворении «Пленный рыцарь», где дважды повторяется камень («каменный панцирь», «каменный шлем»[45]), и в балладе «Воздушный корабль», где могильный камень пленяет будто бы живого Наполеона («Лежит на нем камень тяжелый, // Чтоб встать он из гроба не мог»[46]). Однако если «Пленный рыцарь» имеет позитивный финал – освобождение от всех оков, предстояние перед лицом вечности с открытым забралом («Слезу и сдерну с лица я забрало»), то в «Воздушном корабле», хотя и нет выраженной вещественной тяжести, но душа героя не обретает своего места в Царствии Небесного («Идет и, махнувши рукою, // В обратный пускается путь»[47]).

Концепция свободы и воли у Лермонтова значительно глубже и основательнее нежели в сложившейся романтической традиции. Во всех стихотворениях условного тюремного цикла 1840 г. мечтательность о свободе и воле становится средством преодоления душевного одиночества, когда посредством воображения имеет возможность достигнуть единения с окружающим миром. Свобода и воля мыслятся

---

[42] Лермонтов М. Ю. Т. II. С. 156.
[43] Ильин И. А. И 46 Путь духовного обновления / Сост., авт. предисл., отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 87.
[44] Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Издательство «Русский язык», 1998. Т. III. С. 124.
[45] Лермонтов М. Ю. Т. II. С. 156.
[46] Лермонтов М. Ю. Т. II. С. 78.
[47] Лермонтов М. Ю. Т. II. С. 79.

Лермонтовым как формы бытия личности, которые являют собой условие ее существования, это и основа для антиномии земного и небесного, и тождество абсолютной гармонии. Свободу поэт естественно противопоставляет тюремному заточению, связывает с возможностью человека действовать, наделяет ее созидательной природой. Однако же даже не запертый физически в темницу человек может не быть свободным духовно. Свобода у Лермонтова противопоставлена довлеющим условностям не только светского общества, но и земного бытия как такового. Естественная устремленность в условно идеальный мир в противовес несовершенствам жизни выражается у Лермонтова в понятии воля, созвучном свободе, но имеющим иной, онтологический, статус, связанный с пониманием ее как «знака отношения человека к реальности небесной, мерой его духовной состоятельности» [7: 119]. Свобода–воля, являясь смысловыми и эмоциональными доминантами поэзии Лермонтова, не ограничиваются пространственными измерениями, но определяют размышления поэта о сути мироздания, глубину причастности к нему человека.

Библиографический список

1. Аношкина-Касаткина В. Н. Русский романтизм. В. А. Жуковский, А. С. Пушкин. М.: Московский государственный областной университет, 2014. – 400 с.
2. Величко И. В. Роль христианского аскетического идеала в формировании рыцарского этоса // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2022. № 4. С. 138-148. DOI 10.24412/2071-6141-2022-4-138-148.
3. Захаров В. А. Летопись жизни и творчества Михаила Юрьевича Лермонтова. М.: Центрполиграф, 2017. – 798 с.
4. Киселева И. А. Этика М. Ю. Лермонтова и ее религиозные основания / И. А. Киселева // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 3. С. 66-72.
5. Киселева И. А., Поташова К. А. Динамическая поэтика стихотворения М. Ю. Лермонтова "Утес" // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18, № 2. С. 128-144. DOI 10.15393/j9.art.2020.8162.
6. Киселева И. А., Поташова К. А. Кавказ как эмоционально-смысловая доминанта в поэме М. Ю. Лермонтова "Измаил-Бей" // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2022. № 4(77). С. 94-102. – DOI 10.37724/RSU.2022.77.4.010.
7. Киселева И. А., Поташова К. А. Одежда у Н.М. Карамзина как примета исторического времени и национального характера // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 5. С. 113-121. DOI 10.18384/2310-7278-2017-5-113-121.
8. Коровин В.И., Щемелева Л. М.и др. Мотивы // Лермонтовская энциклопедия. М.: Сов. Энцикл., 1981. С. 290–312.
9. М. Ю. Лермонтов: Энциклопедический словарь / И. А. Киселева, М. С. Крутова, Т. А. Алпатова и др.. М.: Издательство "Индрик", 2014. – 940 с.
10. Поташова К. А. Образ "пылающего Везувия" в художественном мире А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, К. П. Брюллова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 6-2(48). С. 133-137.
11. Хёйзинга Й. Осень Средневековья: Соч. в 3-х тт. Т. 1. М.: Прогресс- Культура, 1995. – 416 с.
12. ЧЕРНЫЙ К. М., ВАЦУРО В. Э. "Пленный рыцарь" // Лермонтовская энциклопедия. М.: Сов. Энцикл., 1981. С. 421.

References in Roman script

1. Anoshkina-Kasatkina V. N. Russkii romantizm. V. A. Zhukovskii, A. S. Pushkin. M.: Moskovskii gosudarstvennyi oblastnoi universitet, 2014. – 400 p.

2. Velichko I. V. Rol' khristianskogo asketicheskogo ideala v formirovanii rytsarskogo ehtosa // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2022. № 4. Pp. 138-148. DOI 10.24412/2071-6141-2022-4-138-148.
3. Zakharov V. A. Letopis' zhizni i tvorchestva Mikhaila Yur'evicha Lermontova. M.: Tsentrpoligraf, 2017. – 798 p.
4. Kiseleva I. A. Ehtika M. YU. Lermontova i ee religioznye osnovaniya / I. A. Kiseleva // Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2010. № 3. Pp. 66-72.
5. Kiseleva I. A., Potashova K. A. Dinamicheskaya poehtika stikhotvoreniya M. YU. Lermontova "Utes" // Problemy istoricheskoi poehtiki. 2020. T. 18, № 2. Pp. 128-144. DOI 10.15393/j9.art.2020.8162.
6. Kiseleva I. A., Potashova K. A. Kavkaz kak ehmotsional'no-smyslovaya dominanta v poehme M. YU. Lermontova "Izmail-Bei" // Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina. 2022. № 4(77). Pp. 94-102. – DOI 10.37724/RSU.2022.77.4.010.
7. Kiseleva I. A., Potashova K. A. Odezhda u N.M. Karamzina kak primeta istoricheskogo vremeni i natsional'nogo kharaktera // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya. 2017. № 5. Pp. 113-121. DOI 10.18384/2310-7278-2017-5-113-121.
8. Korovin V.I., Shchemeleva L. M.i dr. Motivy // Lermontovskaya ehntsiklopediya. M.: Sov. Ehntsikl., 1981. Pp. 290–312.
9. M. YU. Lermontov: Ehntsiklopedicheskii slovar' / I. A. Kiseleva, M. S. Krutova, T. A. Alpatova i dr.. M.: Izdatel'stvo "Indrik", 2014. – 940 p.
10. Potashova K. A. Obraz "pylayushchego Vezuviya" v khudozhestvennom mire A. S. Pushkina, M. YU. Lermontova, K. P. Bryullova // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2015. № 6-2(48). Pp. 133-137.
11. Kheizinga I. Osen' Srednevekov'ya: Soch. v 3-kh tt. T. 1. M.: Progress- Kul'tura, 1995. – 416 p.
12. Chernyi K. M., Vatsuro V. EH. "Plennyi rytsar'" // Lermontovskaya ehntsiklopediya. M.: Sov. Ehntsikl., 1981. P. 421.

References

1. Anoshkina-Kasatkina V. N. Russian Romanticism. V. A. Zhukovsky, A. S. Pushkin. Moscow: Moscow State Regional University, 2014. – 400 p. (In Russian).
2. Velichko I. V. The role of the Christian ascetic ideal in the formation of the chivalric ethos // Proceedings of Tula State University. Humanities. 2022. No. 4. pp. 138-148. DOI 10.24412/2071-6141-2022-4-138-148. (In Russian).
3. Zakharov V. A. Chronicle of the life and work of Mikhail Yuryevich Lermontov. Moscow: Tsentrpoligraf, 2017. – 798 p. (In Russian).
4. Kiseleva I. A. M. Y. Lermontov's ethics and its religious foundations / I. A. Kiseleva // Bulletin of the University of Pomerania. Series: Humanities and Social Sciences. 2010. No. 3. pp. 66-72. (In Russian).
5. Kiseleva I. A., Potashova K. A. Dynamic poetics of M. Y. Lermontov's poem "The Cliff" // Problems of historical poetics. 2020. Vol. 18, No. 2. pp. 128-144. DOI 10.15393/j9.art.2020.8162. (In Russian).
6. Kiseleva I. A., Potashova K. A. The Caucasus as an emotional and semantic dominant in M. Y. Lermontov's poem "Izmail Bey" // Bulletin of Ryazan State University named after S. A. Yesenin. 2022. No. 4(77). pp. 94-102. – DOI 10.37724/RSU.2022.77.4.010. (In Russian).
7. Kiseleva I. A., Potashova K. A. N.M. Karamzin's clothes as a sign of historical time and national character // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology. 2017. No. 5. pp. 113-121. DOI 10.18384/2310-7278-2017-5-113-121. (In Russian).
8. Korovin V.I., Shchemeleva L. M. and others. Motives // Lermontov Encyclopedia. Moscow: Sov. Encikl., 1981. pp. 290-312. (In Russian).
9. M. Y. Lermontov: An encyclopedic dictionary / I. A. Kiseleva, M. S. Krutova, T. A. Alpatova and others. Moscow: Indrik Publishing House, 2014. – 940 p. (In Russian).
10. Potashova K. A. The image of "flaming Vesuvius" in the artistic world of A. S. Pushkin, M. Y. Lermontov, K. P. Bryullov // Philological Sciences. Questions of theory and practice. 2015. No. 6-2(48). pp. 133-137. (In Russian).

11. Huizinga J. Autumn of the Middle Ages: Soch. in 3 volumes Vol. 1. Moscow: Progress-Culture, 1995. – 416 p. (In Russian).
12. Cherny K. M., Vatsuro V. E. "The captured Knight" // Lermontov Encyclopedia. Moscow: Sov. The Encyclopedia, 1981. p. 421. (In Russian).

УДК 81.111.42

Буйлов Василий Витальевич
доктор философии, старший научный руководитель
Университет Восточной Финляндии
Финляндия, г. Йоэнсуу
e-mail: vassilibouilov1@gmail.com

Bouilov Vassili Vitaljevich
Senior Supervisor, Ph.D. in Philosophy
University of Eastern Finland
Finland, Joensuu
e-mail: vassilibouilov1@gmail.com

В.В. Буйлов

ПУТИ ПОСТИЖЕНИЯ ИСТИНЫ, СМЫСЛА СУЩЕСТВОВАНИЯ И СЧАСТЬЯ В ПОВЕСТИ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА «КОТЛОВАН»

Аннотация. Богатая концептосфера прозы Андрея Платонова, лежащая в основе его онтологии, получает своё художественное насыщение в результате интертекстуального семиотического взаимодействия авторской системы философских концептов и включает в себя элементы философской мысли писателя и его экзистенциального мировоззрения. Духовно-философские искания Платонова отличаются особым пониманием автором различных философских теорий и жизненных ценностей и выражаются в семиотике и понятиях, художественно озвученных его уникальным языком. Взгляд Платонова на поиск смысла жизни и существования выступает ключевым положением всей онтологии Платонова. Поиски писателем смысла жизни в полной мере отражают его экзистенциализм. Тексты-антиутопии Платонова наполнены ёмкой утопической символикой, идеей поиска Вечной Истины.

Ключевые слова: Онтология Андрея Платонова, концептуальная сфера платоновской прозы, философские концепты, интертекстуальное семиотическое взаимодействие, платоновский экзистенциализм, истина, смысл жизни, истина существования, органическая взаимозависимость истины и мышления, концепт странничества, концепт странника-искателя истины существования, концепт счастья, вещество существования

Для цитирования: Буйлов В.В. Пути постижения истины, смысла существования и счастья в повести Андрея Платонова «Котлован». *Русистика без граници. Международно научно списание,* Том IX, кн. 3, София, 2025, С. 69 –79.

V.V. Bouilov

WAYS OF COMPREHENDING AN ETERNAL VERITY, AN ESSENCE OF EXISTENCE AND A HAPPINESS IN ANDREI PLATONOV'S SHORT NOVEL «THE FOUNDATION PIT»

Abstract. The rich conceptual sphere of Andrei Platonov's prose underlying his ontology receives its artistic saturation from the intertextual semiotic interaction of the author's system of philosophical concepts and includes elements of the writer's philosophical thought and his existential worldview. Platonov's spiritual and philosophical quests are distinguished by the author's special understanding of various philosophical theories and life values and are expressed in semiotics and concepts, artistically voiced using his unique language. Platonov's view on the search for the meaning of life and existence acts as a key position of Platonov's entire ontology. The writer's search for the meaning of life fully reflects his existentialism. Platonov's dystopian texts are filled with capacious utopian symbolism and with the idea of searching for the Eternal Verity.

Keywords: Andrei Platonov's ontology, conceptual sphere of Platonov's prose, philosophical concepts, the intertextual semiotic interaction, Platonov's existentialism, the eternal verity, the meaning of life, the eternal verity of existence, the organic interdependence of eternal verity and intellection, the concept of wandering, the concept of wanderer-seeker of the eternal verity of existence, the concept of happiness, the substance of existence

For citation: Bouilov V.V. Ways of Comprehending an Eternal Verity, An Essence of Existence and A Happiness in Andrei Platonov's Short Novel «The Foundation Pit». *Russian Studies without Borders. International scientific Journal*, 2025, Vol. IX, Iss. 3, Sofia, pp. 69 –79.

В повести «Котлован» Андрея Платонова [11], в одной из ключевых его прозаических работ, безостановочное включение писательского воображения имеет результатом высокую концентрацию одновременно усваиваемых понятий и концептов и становится источником постоянного преображения его художественного мира. В идейно-символическом пространстве авторской концептосферы «Котлована» реально существующее всегда служит для установления общего.

Идея поиска **ИСТИНЫ**, или **ИСТИНЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ**, являясь отличительной, автохтонной (т. е. исконной) чертой российского менталитета, была и остаётся извечным и самым жгучим вопросом русской философской мысли и духовных исканий русской литературы. Авторский взгляд на поиски смысла жизни и существования выступает в качестве ключевого положения всей онтологии Платонова. В контексте «Котлована» онтология Платонова рассматривается нами в интертекстуальном художественно-семиотическом взаимодействии системы его философских концептов. А.К. Булыгин [4] при рассмотрении текста «Котлована» делает особый акцент также на определяющей онтологической роли понятия **ИСТИНЫ** в общецивилизационной системе духовных ценностей, которая, в целом, лежит в основе всей онтологии Платонова:

«<...> одним из аспектов понимания пафоса повести может быть следующий: в «Котловане» Платонов проводит «испытание на жизнеспособность» актуальных для того времени форм монистического сознания с целью выяснения, в которой из них заключена Истина <...> Одним из главных вопросов, звучащих в «Котловане», — является вопрос, который в наиболее лаконичной форме был задан евангельским Пилатом Иисусу: «Что есть истина?» (как известно, ответом последнего явилось молчание). Но вряд ли можно найти другой вопрос, который бы так волновал человечество на протяжении всей его истории. <...> Несомненно, что эти вопросы были крайне актуальны для Андрея Платонова, который, несмотря на очевидную опасность в те годы критической позиции, без устали говорил в своих произведениях о проблемах онтологического характера.» [4, с. 16].

Концепты, находящие своё отражение в языке и в семиотике повести «Котлован», тесно связаны с духовными и философскими исканиями Андрея Платонова и являются символическим воплощением его авторского прочтения многих философских категорий и общечеловеческих ценностей. Идея, понятие и концепт **ИСТИНЫ** художественно реализуются Платоновым в «Котловане» в форме концепта **ВЕЩЕСТВО СУЩЕСТВОВАНИЯ** [11, с. 20], который рассматривается нами как ключевой наряду с центральным в повести концептом **КОТЛОВАН**.

А. Худзиньска-Паркосадзе [7] так определяет концепт **ВЕЩЕСТВО СУЩЕСТВОВАНИЯ**, присутствующий, согласно её исследованиям, почти во всех произведениях Платонова:

«Кажется, все мотивы и образы его художественного мира находят свою развязку и решение ***именно в этом концепте*** *[жирный курсив наш – В.Б.]. «Вещество существования» определяет одновременно и путь художественных поисков Платонова, и их цель. Однако смысл этого понятия эволюционировал в творчестве писателя. Сначала он был связан с семантическими экспериментами Платонова, который находился под сильным влиянием философии Н. Фёдорова, затем он относит его к феномену коммунизма, чтобы, наконец, прийти к выводу о его универсальном, почти христианском в своём характере значении.»* [7, с. 1].

Как и в других **антиутопических** по мысли и авторским заключениям текстах Платонова, наполненных при этом и ёмкой **утопической символикой**, всё художественное пространство «Котлована» пронизано идеей поиска **ИСТИНЫ**. Ю.И. Левин [8] включает **ИСТИНУ** в перечень наиболее важных и чаще всего встречающихся в «Котловане» экзистенциальных категорий:

«Смысл, истина, смысл жизни и близкие к ним выражения (сущность, значение жизни, план жизни, истина жизни, истина существования, всемирная истина, смысл существования и др.) принадлежат к самым частым словам повести. <...>. Наиболее часты негативные контексты типа: сущности они не чувствуют, слабость тела без истины, не имел смысла жизни, спал, не чувствуя истины, без истины тело слабеет, не увидел значения жизни и ослаб, мир, спрятавший <...> истину всего существования, мне без истины стыдно жить, по-прежнему не постигая жизнь, не мог заснуть без покоя истины внутри своей жизни, жизни, истраченной без сознательного смысла, живших <...> без истины и т.д. Это именно те категории, призванные заменить «умершего Бога», к которым пытается трансцендировать экзистенция.» [8, с. 407].

В этом вечном поиске смысла жизни проявляется **экзистенциализм Платонова**. Негативные же контексты проявления этой идеи связаны с тем, что одно дело – поиски общего смысла жизни, а другое – реальное нахождение в замкнутой системе, не пригодной для достойного и жизненно приемлемого человеческого существования. Жизнь простых людей на страницах «Котлована» предстает в труднообъяснимой и невыносимой для простых людей, антитезно уродливой форме:

[крестьяне] У нас каждый живёт оттого, что гроб свой имеет <...> [11, с. 53].

– Нам, товарищ Чиклин, неизвестно, мы сами живём нечаянно. [11, с. 60].

Сестра ему ничего не писала, она была многодетная и измождённая и жила как в беспамятстве. [11, с. 51].

– Зачем же он был?

– Не быть он боялся. [11, с. 61].

<...> пожилой бедняк. Он был постоянно удивлён, что ещё жив на свете <...> [11, с. 71].

– Смотри, Чиклин, он весь седой!

– Жил с людьми – вот и поседел от горя. [11, с. 77].

Поиски **ВЕЩЕСТВА СУЩЕСТВОВАНИЯ** образно реализуются в «Котловане» через жизненный опыт, действия и взгляд персонажа, символизирующего концепт **СТРАННИЧЕСТВО**. Образ **СТРАННИКА-ИСКАТЕЛЯ ИСТИНЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ** присутствует в той или иной степени во всех произведениях Платонова. В «Котловане» таким **СТРАННИКОМ-ИСКАТЕЛЕМ** смысла жизни является Вощев, предпочитающий бессмысленному будничному существованию уход в мир бескрайнего горизонта и природы:

Он шёл по дороге до изнеможения; изнемогал же Вощев скоро, как только его душа вспоминала, что истину она перестала знать. [11, с. 18].

Отдалившись несколько, Вощев тихим шагом скрылся в поле и там прилёг полежать, не видимый никем, довольный, что он больше не участник безумных обстоятельств. [11, с. 54].

<...> он не мог дальше трудиться и ступать по дороге, не зная точного устройства всего мира и того, куда надо стремиться. [11, с. 17].

К.А. Баршт [1, с. 49] делает в своей монографии, посвященной творчеству Платонова, интересную иносказательную привязку к повествованию «Котлована», касающуюся возраста Вощева (по тексту ему 30 лет). Он ссылается на слова Р. Штайнера, который «любил повторять, что в жизни каждого человека, в любом биологическом

возрасте должны произойти его «33 года», которые обозначают его антропософскую зрелость[1]» [Антропософия —путь познания, призванный духовное в человеке привести к духовному во Вселенной – В.Б.]. Баршт продолжает развивать эту мысль:

«До сих пор возраст Вощева, «героя «Котлована», объясняли «возрастом Христа», на которого он, по-видимому, ничем не похож. Однако возможно, что всё дело в приобщении героя повести к делу поиска истины в «земле» – «веществе мироздания», согласно антропософской концепции Штайнера. «33 года», считал Р. Штайнер, – это время, когда человек отказывается от беспутной жизни и переходит к мировоззренческой зрелости, о чём свидетельствует решение об участии в деле спасения мира от энтропии, отказ от себя как социального полового существа. <...> Духовное преображение «33 лет» в судьбах героев Платонова приводит к попытке сознательного преображения всей плоти Вселенной (включая и свою собственную).» [1, с. 49-50].

Поиски **ИСТИНЫ** приводят Вощева на **КОТЛОВАН**, что, по его первоначальному замыслу, означало лишь временный перерыв в его **СТРАННИЧЕСТВЕ**. Занявшийся свободным **СТРАННИЧЕСТВОМ** в поисках **ВЕЩЕСТВА СУЩЕСТВОВАНИЯ**, он при этом уже больше не рискует открыто выражать свои мучительные и политически опасные мысли и сомнения, спровоцированные бессмысленностью общего и его собственного существования:

– Я здесь не существую, – произнёс Вощев, стыдясь, что много людей чувствуют сейчас его одного.

– Я только думаю здесь.

– А ради чего же ты думаешь, себя мучаешь?

– У меня без истины тело слабнет, я трудом кормиться не могу, я задумывался на производстве, и меня сократили... <...> [11, с. 21].

Вощев переосмысливает собственные представления о **роли труда** в своей жизни, надеясь, что именно в коллективном труде сможет познать истину. В подобных политических условиях Вощев сменяет свое политически опальное странничество и мыслительство на «свободный» физический труд. Он быстро сливается с толпой рядовых землекопов, очень быстро усваивая и перенимая их жизневосприятие, их мироощущение. Занятие трудом является доминантой для народа, безальтернативным экзистенциальным и идеологическим императивом и эквивалентом истины:

– Что же твоя истина! – сказал тот, кто говорил прежде. – Ты же не работаешь, ты не переживаешь вещества существования, откуда же ты вспомнишь мысль!

– А зачем тебе истина? – спросил другой человек, разомкнув спёкшиеся от безмолвия уста. – Только в уме у тебя будет хорошо, а снаружи гадко.

– Вы уж, наверное, всё знаете? – с робостью слабой надежды спросил их Вощев. [11, с. 21].

Линия мысли Н.Ф. Фёдорова о **взаимосвязи смысла жизни и радости общего дела** и **о роли общественного труда в воскрешении жизни и в построении счастья** была всесторонне обоснована им в его «Философии общего дела» [5, с. 146-148; 6, с. 69-78]. Эти идеи получили свое непосредственное продолжение и конкретное художественно-философское воплощение в «Котловане». И.А. Макарова [9] так оценивает авторскую специфику художественного претворения в текстах Андрея Платонова этих идей Фёдорова о месте труда в воскрешении жизни и достижении общего счастья:

---

[1] Сноска К.А. Баршта: [3, с. 325].

«<...> это возможность посредством работы достигнуть того, что прежде обещала только религия. Фёдоров предложил заняться «общим делом» всему человечеству: воскрешение мёртвых будет достигнуто, если все люди будут работать только для этого. И у Платонова можно найти мысли о воскрешении в результате «дела», а не чуда, но при этом идеи Фёдорова Платонов понимает в более универсальном смысле. Не воскрешение, а «истина» (в ней содержится и момент воскрешения) влечёт его, «доработаться до истины» – вот универсальная формула жизни платоновского мастера». [9, с. 145].

Вощев, главный романтический герой «Котлована», уходит из странничества, чтобы добровольно посвятить себя тяжелому физическому труду, являющемуся для него надеждой на осуществление своего духовного обновления в собственных поисках истины жизни. Платонов разворачивает сложные философские экзистенциальные построения, пытаясь выразить это новое понимание истины существования, имеющее в своей основе духовное и физическое преодоление и ориентацию на **коллективный интенсивный физический труд**:

Вощеву дали лопату, он сжал её руками, точно хотел добыть истину из земного праха; обездоленный, Вощев согласен был и не иметь смысла существования, но желал хотя бы наблюдать его в веществе тела другого, ближнего человека, - и чтобы находиться вблизи того человека, мог пожертвовать на труд всё своё слабое тело, истомлённое мыслью и бессмысленностью. [11, с. 24].

Исходя из видения К.А. Барштом [2] символики рассказа Платонова «Мусорный ветер», такой **отказ от собственного тела** как от «личной собственности» можно трактовать как проявление стремления платоновских героев к достижению сути «вещества существования». Благодаря такому стоическому отказу от собственной плоти их душа и жизненная энергия уходят в вечное «вещество», а их тело отчуждается, теряет чувствительность к боли, преодолевает зависимость от физических факторов:

«В поэтической системе Платонова человек – существо онтологически свободное и ничем не ограниченное в своих бытийных перспективах. Смерть, болезнь, раны выглядят событиями не столь важными в условиях его бытийной принадлежности к «веществу существования», для чувства боли или даже страха боли не оказывается никаких реальных оснований. В максимуме своего «сокровенного» развития человек отождествляется со всем «веществом существования» и потому боль, как сигнал страдающего организма, перестает быть существенной – как перестает быть существенным и его эго. С другой стороны, персонажи произведений Платонова могут чувствовать боль за всё «вещество существования» <...>» [2, с. 194].

Столкнувшись с подобным людским физическим самоотречением, крайне аскетичный мыслитель и странник Вощев вдохновенно наблюдает эту гордую замкнутость и внутреннюю духовную силу мастеровых. Тяжело и упорно работая и находясь в окружении таких людей, он получает от них мощный импульс жизненной энергии и обретает большую уверенность в своих поисках **ВЕЩЕСТВА СУЩЕСТВОВАНИЯ** и в собственном осознании **ИСТИНЫ**:

Вощев <...> наблюдал этих грустно существующих людей, способных без торжества хранить внутри себя истину; он уже был доволен и тем, что истина заключалась на свете в ближнем к нему теле человека, который сейчас только говорил с ним, значит, достаточно лишь быть около того человека, чтобы стать терпеливым к жизни и трудоспособным. <...>

– Так, – ответил Вощев. – Я теперь тоже хочу работать над веществом существования. [11, с. 22].

Духовное и физическое преодоление, лежащее в основе подобного нового понимания **ИСТИНЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ**, предполагает радикальное изменение самого сознания человека, его духовных и моральных установок. Высшая степень генерализированной способности платоновских героев преодолевать свою физическую бытийность может быть хорошо выражена характеристикой, которую Баршт [2] даёт уровню самосознания, достигнутому героем вышеупомянутого рассказа Платонова «Мусорный ветер» по имени Альберт Лихтенберг:

«<…> его сознание уже преодолело ограниченность предметности его тела и вышло во всё мировое «вещество существования». Потому он в состоянии преодолеть чувственную ограниченность своего «эго», воспринимая свое тело как одну из многих частей «вещества существования.» [2, с. 193].

А.К. Булыгин [4], в свою очередь, предлагает трактовку платоновского понимания истины, которая обусловлена именно **органической взаимозависимостью истины и мышления** и которую можно было бы рассматривать как очевидную онтологическую аксиому и наилучшую альтернативу бессмысленному существованию:

«Мысль, сопротивленьем раскалённая» – это можно сказать практически обо всех основных произведениях Платонова 20–30-х годов, в которых отразилось его беспокойство о судьбе за то «нечто любимое, потеря чего равносильна разрушению не только всего прошлого, но и будущего». В «Котловане» необходимость в первую очередь осмысления действительности заявлена уже с первых страниц: «Без думы люди действуют бессмысленно», – эти слова Вощева безусловно являются выражением и авторской позиции.» [4, с. 14-15].

Подобная трактовка взаимозависимости **ИСТИНЫ** и **МЫСЛИ**, по нашему мнению, многое объясняет в тексте «Котлована». В деформированной реальности «Котлована» простой человек при своём гиперболически притупленном **отсутствии мысли** живёт вслепую без знания истины, не смея даже заботиться о том, чтобы попытаться её найти. Люди продолжают существовать, доходя в условиях отсутствия мысли до полного физического и психологического истощения:

Их тело сейчас блуждает автоматически, – наблюдал родителей Вощев, – сущности они не чувствуют. [11, с. 17].

<...> вскоре он почувствовал сомнение в своей жизни и слабость тела без истины <...> [11, с. 17].

С другой стороны, совершенно другой, **идеологический подход** к **ИСТИНЕ** имеет классово сознательный Сафронов, всегда готовый проявить революционную бдительность, постоянно «оставаясь начеку». Особенно когда это касается такого спорного с политической точки зрения понятия, как **ИСТИНА**. Текст «Котлована» частью открыто, частью имплицитно подводит нас к ясному пониманию того, что с точки зрения власти истина может быть нежелательной и будет однозначно считаться «классовым врагом» в случае, если она начинает подкрепляться активной **МЫСЛЬЮ**:

Сафронов, любивший красоту жизни и вежливость ума, стоял с почтением к участи Вощева, хотя в то же время глубоко волновался: не есть ли истина лишь классовый враг? [11, с. 37].

Платоновские ***«заместители пролетариата»*** (авторская перифраза Платонова из «Котлована»), по их глубокому убеждению, лучше знают, какая истина нужна **«НОРМАЛИЗОВАННОЙ МАССЕ»** (тоже платоновская авторская перифраза из «Котлована»), императивно подменяя истину для пролетариата изнуряющим трудом, физиологией примитивного существования и целенаправленным развитием в них инстинкта потребления и чувства массы, толпы. Такая централизованно спланированная подмена ценностных и экзистенциальных устоев может быть объяснена тем, что

авторитарной власти не нужна *думающая и рассуждающая народная масса* – ей нужна **не рассуждающая, а работающая *народная масса***. Чем дальше, тем больше. Активист без имени из «Котлована», безликость которого намеренно и выразительно подчёркивается Платоновым и который является прекрасной иллюстрацией морального перерождения, а точнее, морального вырождения представителей класса ***«заместителей пролетариата»***, имеет своё особое материализованное и меркантильно-конъюнктурное, уже вполне коррумпированное, «вороватое» понимание истины:

– А истина полагается пролетариату? – спросил Вощев.

– Пролетариату полагается движение, – произнёс активист, – а что навстречу попадётся, то всё его: будь там истина, будь кулацкая награбленная кофта – все пойдут в организованный котёл, ты ничего не узнаешь. [11, с. 61].

Экзистенциальный склад платоновского мышления в его поисках истины иногда проявляется в таких эмоциональных и сюжетных поворотах, которые в своей романтической экспрессивности, или напротив, драматичности, далеко выходят за рамки обыденной действительности. Рассматривая основные философские компоненты, составляющие понятие **«смысла жизни»**, а в нашем конкретном случае **концепта ИСТИНА-ВЕЩЕСТВО СУЩЕСТВОВАНИЯ**, Ю.И. Левин [8] выделяет в особо значимую категорию философский мотив и образ-концепт **СЧАСТЬЕ**:

«У Платонова в «Котловане» коррелятом и почти синонимом «смысла жизни» служит счастье или всемирное счастье (вместе со словом радость более 70 употреблений): точный смысл жизни и всемирное счастье должны томиться в груди <...> пролетарского класса, они <...> владели смыслом жизни, что равносильно вечному счастью. Его, как и смысл жизни, надо выдумать (я мог бы выдумать что-то вроде счастья). Но увы, счастье <...> далёкое дело, счастье недостижимо, и о нём лишь шелестят деревья. Точным рецептом счастья владеет лишь начальство: счастье произойдет от материализма, счастье наступит исторически (слова Пашкина), активист старался организовать счастье (как это получилось и чем кончилось для самого активиста, мы видим из повести). Не случайно проскальзывают (в несобственно-прямой речи Прушевского) слова о башне, куда войдут на вечное, счастливое поселение трудящиеся всей земли. В реальности, самое большее, можно чувствовать частичное счастье, жалобное счастье или домашнее счастье – жалкую посюстороннюю замену трансцендентному счастью – смыслу и истине жизни <...>» [8, с. 408].

При всём этом в идеологически ограниченном художественном пространстве «Котлована», очень далёком от платоновской мечты о счастье, не декларируемое, а реальное **СЧАСТЬЕ** найти всё же очень трудно. Здесь романтически привлекательная Утопия вступает в прямое столкновение с антиутопической реальностью котлованной жизни. Радость счастливой жизни заменена здесь на шумные лозунги и декларации, зовущие в будущее и обещающие эту радость счастья именно в будущем:

«Ну, что ж, – говорил он обычно во время трудности – всё равно счастье наступит исторически». [11, с. 29].

<...> кладбище, где хоронились пролетарии, которые скончались до революции без счастья <...> [11, с. 23].

Для подтверждения таких декларативных обещаний находится и идеологическое обоснование. Исходя из практикуемых политических установок, **до революции счастья диалектически и классово «просто не существовало»**. Отсутствию же **СЧАСТЬЯ** сейчас, уже после революции, находят такое объяснение, что **оно ещё «не успело наступить»**. Следуя такой директивной логике, даже за счастье будущих поколений

надо обязательно бороться. И когда в результате этой борьбы **СЧАСТЬЕ** наступит, то, согласно платоновскому тексту, главной гарантией его обретения через соревнование и организованную его раздачу «в порядке общей очереди» будет партийный билет:

– У кого в штанах лежит билет партии, тому надо беспрерывно заботиться, чтоб в теле был энтузиазм труда. Вызываю вас, товарищ Вощев, соревноваться на высшее счастье настроения! [11, с. 47].

В «Котловане» при выявлении Платоновым главных признаков **СЧАСТЬЯ** и условий его проявления **счастливое и скорбное** часто понятийно объединяется в писательском горьком гротеске, возвращая читателя к печальной реальности жизни. При этом мотив и концепт **СЧАСТЬЕ** подаётся им в своей самой остродраматической, даже трагической форме. Так, «ликвидируемые в море» крестьяне на плоту-эшафоте, уже давно успевшие забыть, что такое счастье, считают самым счастливым человеком несчастного безногого инвалида-тележечника Жачева, охваченного скорбным сочувствием к ним и одиноко остающегося на крутом берегу, чтобы беспомощно, с высоты берега и своей деревянной тележки, проводить их в последний путь. Жачев, физически «укороченный» Первой мировой войной пополам и безжалостно определяемый новой Советской властью как выбракованный человеческий материал и «урод империализма», сам уже тоже психологически готовится к собственной физической ликвидации:

Кулачество глядело с плота в одну сторону – на Жачева; люди хотели навсегда заметить свою родину и последнего, счастливого человека на ней. [11, с. 80].

Что примечательно, в «Котловане» мы сталкиваемся с феноменом, заложенным Платоновым в художественную ткань повести и связанным с радостностью жизни, существовавшей **до появления КОТЛОВАНА**. Выясняется, что все духовно цельные персонажи «Котлована» в прошлом имеют **наполненную счастьем и событиями личную жизнь**. Они **живут памятью о прошлом**, постоянно возвращаясь в грёзах и воспоминаниях к самым счастливым моментам своего прежнего существования. Платонов трепетно и выразительно описывает наполненную энергией жизнь и состояние души землекопа Чиклина в пору кипения его юношеских страстей:

<...> Когда-то он был моложе и его любили девушки – из жадности к его мощному, бредущему куда попало телу, которое не хранило себя и было преданно всем. В Чиклине тогда многие нуждались как в укрытии и покое среди его верного тепла, но он хотел укрывать слишком многих, чтобы и самому было чего чувствовать <...> [11, с. 25].

Как это не парадоксально звучит, мотив **СЧАСТЬЯ** продолжает развиваться в «Котловане», и связан он именно с естественным и полноценным продолжением жизни **за пределами КОТЛОВАНА** в том условно **СТАРОМ МИРЕ** – классово чуждом, но по-платоновски романтичном и ностальгически человечном «людском пространстве», заведомо приговорённом властью к вымиранию:

Возвращаясь назад, Прушевский заметил много женщин на городских улицах. Женщины ходили медленно, несмотря на свою молодость, они, наверно, гуляли и ожидали звёздного часа. [11, с. 52].

Вопреки всему трагизму описываемого в «Котловане» времени, Платонов находит **ИСТИНУ СЧАСТЬЯ** в душевной чистоте **единения двух поколений**. Он с особой психологической чуткостью развивает мотив вдохновенной взрослой, по-отечески нежной любви землекопов к осиротевшему ребенку, девочке Насте, воплощающей в себе непосредственность и духовную чистоту человеческих отношений. В финальной части повести писатель таким образом передает чувства обычно скупого на эмоции землекопа Чиклина, одного из главных героев повести:

Ослабевшая Настя вдруг приподнялась и поцеловала склонившегося Чиклина в усы – как и её мать, она умела первая, не предупреждая, целовать людей. Чиклин замер от повторившегося счастья своей жизни и молча дышал над телом ребёнка, пока вновь не почувствовал озабоченности к этому маленькому, горячему туловищу. [11, с. 95].

Платонов сосредотачивается в «Котловане» на проблемах, связанных не только с существованием, но и поднимающих тему смерти и насильственного прерывания жизни. Почти сразу после эпизода с детским поцелуем Чиклин узнает о смерти этой духовно дорогой для него и для всех землекопов девочки-сироты Насти, угасшей от истощения и болезни в земляном чреве котлована. Трагический уход ребёнка становится в повести кульминационным. И ставший счастливым для Чиклина поцелуй Насти незадолго до её смерти, один из немногих детских поцелуев в его бездетной холостяцкой жизни, становится последним поцелуем в жизни Насти.

При помощи внешне лаконичного описания последовавших за этим событий Платонов с тончайшим психологизмом и драматическим напряжением передаёт внутреннее состояние Чиклина в этот трагический момент – душащее, захлёстывающее его горе. Потрясённый читатель прослеживает постепенное раскручивание тщетно сдерживаемой в недрах зачерствевшей души Чиклина спирали отчаяния, высвобождающее слепую энергию бессознательных действий:

– А девчонка, товарищ Чиклин, не дышит: захолодала с чего-то!

Чиклин медленно поднялся с земли и остановился на месте. <...> очистил весь барак от скопившегося за безлюдное время разного налетевшего мусора. Положив веник на его место, Чиклину захотелось рыть землю <...> отправился на котлован <...> вонзался туда секущими ударами железной лопаты и скоро скрылся в тишину недр почти во весь свой рост, но и там не мог утомиться и стал громить грунт вбок, разверзая земную тесноту вширь. В этих действиях он хотел забыть сейчас свой ум, а ум его неподвижно думал, что Настя умерла. [11, с. 96].

Уход Насти заставляет многое понять и искателя **ВЕЩЕСТВА СУЩЕСТВОВАНИЯ** Вощева, также по-отечески полюбившего эту светлую девочку. Эмоционально описанные в «Котловане» события такой трагической насыщенности не могут заставить Платонова как писателя перестать думать и рассуждать. Для Платонова они повод для выражения нелёгких для него раздумий. Как автор, образно подменяя героя и полностью растворяясь в нём, **Платонов сам мыслит и действует здесь как Вечный Странник-Искатель Истины**. Позже [10] подобное горе настигает и самого писателя – в январе 1943-го года он похоронит собственного 20-летнего сына Платона, погибшего от туберкулеза, которым он заразился во время почти 3-летнего заключения в сталинских лагерях ГУЛАГа[2] (первоначальный приговор по политической статье для 15-летнего юноши составлял 10 лет):

Вощев стоял в недоумении над этим утихшим ребёнком, он уже не знал, где же теперь будет коммунизм на свете, если его нет сначала в детском чувстве и в убеждённом впечатлении? Зачем ему теперь нужен смысл жизни и истина всемирного происхождения, если нет маленького, верного человека, в котором истина стала бы радостью и движеньем?

Вощев согласился бы снова ничего не знать и жить без надежды в смутном вожделении тщетного ума, лишь бы девочка была целой, готовой на жизнь, хотя бы и

[2] Аббревиатура «ГУЛАГ», применяемая с 1930 г., расшифровывается как «Главное Управление исправительно-трудовых ЛАГерей» и использовалась для официального обозначения системы сталинских концентрационных и исправительно-трудовых лагерей, во времена правления Сталина покрывавших густой сетью всю территорию Советского Союза (В. Буйлов).

замучилась с теченьем времени. Вощев поднял Настю на руки, поцеловал её в распавшиеся губы и с жадностью счастья прижал её к себе, найдя больше того, чем искал. [11, с. 96].

За внешне жёсткой констатацией признаков наступившей смерти этого высокоодухотворённого ребёнка и щемящим описанием горя любящих её больше собственной жизни суровых трудовых людей, землекопов, – крик души самого Платонова. В этой сцене Андрей Платонов как писатель достигает наивысшей степени творческого вдохновения в эмоционально-художественной передаче и осмыслении всей бездны безысходности этой тоски. Самозабвенно повествуя об этом, он не может с этим смириться. Никак не желая разделить это горе на всех, Платонов душою и сердцем принимает лично на себя всю эту тоску мира. Он проявляет себя здесь как тончайший психолог и знаток человеческой души. Его высокодуховный герой-странник Вощев начинает осознавать, что не то и не там искал всё это время, одновременно **приходя к осознанию истинной сути существования**, которой и является уже навечно юная жизнь Насти как жизнь одного из нас. Здесь Платонов духовно приближается к высшей точке постижения трагической сути любого жизненного проявления, горения и сгорания – **ВЕЩЕСТВА СУЩЕСТВОВАНИЯ**.

Библиографический список

1. Баршт К.А. Поэтика прозы Андрея Платонова. Филология и культура. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ. 2005 (In Russian).
2. Баршт К.А. Поэтическая грамматика А.П. Платонова в пьесе «Ноев ковчег»: парафраз, реминисценция, аллюзия. Страна философов. Андрея Платонова: Проблемы творчества. Сб. статей. Вып. 7. Москва: ИМЛИ РАН, Наследие. 2011, 191-208 (In Russian).
3. Белый А. Воспоминания о Штайнере. Париж: La Press Libre. 1982 (In Russian).
4. Булыгин А.К. «Котлован» Андрея Платонова. Проблематика и поэтика (Жанрово-композиционное своеобразие и мифопоэтический аспект). Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом) Диссерт. на соискание учен. степ. канд. филол. наук, Санкт-Петербург. 2002. URL 14.02.2023: http://cheloveknauka.com/ kotlovan-andreya-platonova-problematika-i-poetika (In Russian).
5. Фёдоров Н.Ф. В книге: Зеньковский В.В. История русской философии. Том II, Часть I. Гл. V. Ленинград: МП «Эго». 1991, 134-150 (In Russian).
6. Фёдоров Н.Ф. В книге: Русский космизм: Антология философской мысли. Сост. С.Г. Семенова, А.Г. Гачева. Москва: Педагогика-Пресс. 1993, 64-84 (In Russian).
7. Худзиньска-Паркосадзе А. «Вещество существования» как центральное понятие в романе «Чевенгур» А. Платонова. Литературоведение. Волгоград: Вестник ВолГУ. Серия 8, Вып. 10. 2011 (In Russian).
8. Левин Ю.И. От синтаксиса к смыслу и далее («Котлован» А. Платонова) Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. Москва: «Языки русской культуры». 1998, 392-419 (In Russian).
9. Макарова И.А. Очерки истории русской литературы XX века. Санкт-Петербург: Новое литературное обозрение. 1995 (In Russian).
10. Малыгина Н.М. Послесловие Н.М. Малыгиной «Смерть сына открыла мне глаза…» Андрей Платонов. 70 лет Великой Победы. Иллюстрированный культурно-исторический журнал «Наше Наследие», №113. 2015. URL 27.03.2024: http://www.nasledie-rus.ru/print/phprint.php (In Russian).
11. Платонов А.П. Котлован. *Избранная проза.* Москва: Книжная палата. 1988 (In Russian).

References in Roman script

1. Barsht K.A. Pojetika prozy Andreja Platonova. Filologija i kul'tura. Sankt-Peterburg: Filologicheskij fakul'tet SPbGU. 2005 (In Russian).

2. Barsht K.A. Pojeticheskaja grammatika A.P. Platonova v p'ese «Noev kovcheg»: parafraz, reminiscencija, alljuzija. Strana filosofov. Andreja Platonova: Problemy tvorchestva. Sb. statej. Vyp. 7. Moskva: IMLI RAN, Nasledie. 2011, 191-208 (In Russian).
3. Belyj A. Vospominanija o Shtajnere. Parizh: La Press Libre. 1982 (In Russian).
4. Bulygin A.K. «Kotlovan» Andreja Platonova Problematika i pojetika (Zhanrovo-kompozicionnoe svoeobrazie i mifopojeticheskij aspekt). Institut russkoj literatury RAN (Pushkinskij Dom) Dissert. na soiskanie uchen. step. kand. filol. nauk, Sankt-Peterburg. 2002. URL 14.02.2023: http://cheloveknauka. com/kotlovan-andreya-platonova-problematika-i-poetika (In Russian).
5. Fedorov N.F. V knige: Zen'kovskij V.V. Istorija russkoj filosofii. Tom II, Chast' I. Gl. V. Leningrad: MP «Jego». 1991, 134-150 (In Russian).
6. Fedorov N.F. V knige: Russkij kosmizm: Antologija filosofskoj mysli. Sost. S.G. Semenova, A.G. Gacheva. Moskva: Pedagogika-Press. 1993, 64-84 (In Russian).
7. Hudzin'ska-Parkosadze A. «Veshhestvo sushhestvovanija» kak central'noe ponjatie v romane «Chevengur» A. Platonova. Literaturovedenie. Volgograd: Vestnik VolGU. Serija 8, Vyp. 10. 2011 (In Russian).
8. Levin Ju.I. Ot sintaksisa k smyslu i dalee («Kotlovan» A. Platonova) Levin Ju.I. Izbrannye trudy. Pojetika. Semiotika. Moskva: «Jazyki russkoj kul'tury». 1998), 392-419 (In Russian).
9. Makarova I.A. Ocherki istorii russkoj literatury XX veka. Sankt-Peterburg: Novoe literaturnoe obozrenie. 1995 (In Russian).
10. Malygina N.M. Posleslovie N.M. Malyginoj «Smert' syna otkryla mne glaza…» Andrei Platonov. 70 let Velikoj Pobedy. Illjustrirovannyj kul'turno-istoricheskij zhurnal «Nashe Nasledie», #113. 2015. URL 27.03.2024: http://www.nasledie-rus.ru/print/phprint. Php (In Russian).
11. Platonov A.P. Kotlovan. Izbrannaja proza. Moskva: Knizhnaja palata. 1988 (In Russian).

References

1. Barsht K.A. Poetics of Andrei Platonov's Prose. Philology and Culture. St. Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University. 2005 (In Russian).
2. Barsht K.A. Poetic grammar of A.P. Platonov in the play "Noah's Ark": paraphrase, reminiscence, allusion. Country of philosophers. Andrei Platonov: Problems of creativity. Collection of articles. Issue 7. Moscow: IMLI RAS, Nasledie. 2011, 191-208 (In Russian).
3. Bely A. Memories of Steiner. Paris: La Press Libre. 1982 (In Russian).
4. Bulygin A.K. "The Foundation Pit" by Andrei Platonov. Problematics and poetics (Genre-compositional originality and mythopoetic aspect). Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (Pushkin House) Dissertation for the degree of Cand. Sci. (Philology), St. Petersburg. 2002. URL 14.02.2023: http://cheloveknauka.com/kotlovan-andreya-platonova-problematika-i-poetika (In Russian).
5. Fedorov, N.F. In: Zenkovsky, V.V. History of Russian Philosophy. Volume II, Part I, Chapter V. Leningrad: MP "Ego." 1991, 134-150 (In Russian).
6. Fedorov, N.F. In: Russian Cosmism: An Anthology of Philosophical Thought. Comp. by S.G. Semenova, A.G. Gacheva. Moscow: Pedagogy-Press. 1993, 64-84 (In Russian).
7. Khudzinska-Parkosadze, A. "The Substance of Existence" as a Central Concept in A. Platonov's Novel "Chevengur." Literary Criticism. Volgograd: Vestnik VolGU. Series 8, Issue 10. 2011 (in Russian).
8. Levin, Yu. I. From Syntax to Meaning and Beyond ("The Foundation Pit" by A. Platonov). Levin, Yu. I. Selected Works. Poetics. Semiotics. Moscow: "Languages of Russian Culture." 1998, 392-419 (in Russian).
9. Makarova, I.A., Essays on the History of Russian Literature of the Twentieth Century. St. Petersburg: New Literary Review. 1995 (In Russian).
10. Malygina, N.M., Afterword by N.M. Malygina: "The Death of My Son Opened My Eyes..."; Andrei Platonov: 70 Years of the Great Victory. Illustrated Cultural and Historical Journal "Our Heritage," No. 113. 2015. URL 27.03.2024: http://www.nasledie-rus.ru/print/phprint.php (In Russian).
11. Platonov A.P. The Foundation Pit. Selected Prose. Moscow: Knizhnaya palata. 1988 (In Russian).

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 81'1; 811.161.1

Воркачев Сергей Григорьевич
доктор филологических наук, профессор
Кубанский государственный
технологический университет,
Россия, г. Краснодар
e-mail: svork@mail.ru

Vorkachev Sergey Grigorievich
Professor, Dr. Sc. (Philology)
Kuban State Technological University
Russia, Krasnodar
e-mail: svork@mail.ru

С.Г. Воркачев

ПАРАЛИЧ ДУШИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ СМЫСЛ «УНЫНИЕ» В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация: На материале лексикографических текстов научного дискурса исследуется семантический состав лингвокультурного смысла «уныние». Устанавливается, что, функционируя в текстах философских, психологических, психиатрических и «гибридных» дискурсов, этот смысл меняет свое имя и выступает как «абулия», «апатия», «атараксия», «депрессия» и «меланхолия». В «гибридном» медико-юридическом дискурсе отмечается влияние «уныния» на совершение преступлений насильственной направленности в семейно-бытовой сфере, в «гибридном» медико-религиозном дискурсе «уныние» рассматривается как страсть, представляющая собой охранительно-защитный механизм психики в стрессовых состояниях. Составление семантического прототипа «уныния» оказывается весьма затруднительным в силу противоречивости представления этого психического состояния в различных подвидах научного дискурса, однако здесь достаточно четко вырисовывается общая семантическая структура «уныния».

Ключевые слова: дискурс, текст, уныние, абулия, апатия, атараксия, депрессия, меланхолия

Для цитирования: Воркачев С.Г. Паралич души: лингвокультурный смысл «уныние» в научном дискурсе. Русистика без границы. Международно научно списание, 2025, Том IX, кн. 3, С. 80 – 90.

S.G. Vorkachev

PARALYSIS OF THE SOUL: LINGUOCULTURAL MEANING OF DESPONDENCE IN A SCIENTIFIC DISCOURSE

Abstract. The semantic composition of the linguocultural meaning of despondency is studied using lexicographic texts of scientific discourse. It is established that, functioning in the texts of philosophical, psychological, psychiatric and "hybrid" discourses, this meaning changes its name and appears as abulia, apathy, ataraxia, depression and melancholy. In the "hybrid" medical and legal discourse, the influence of despondency on the commission of violent crimes in the family and everyday life is noted, in the "hybrid" medical and religious discourse, despondency is considered as a passion, which is a protective mechanism of the psyche in stressful conditions. The compilation of a semantic prototype of despondency turns out to be quite difficult due to the inconsistency of the representation of this mental state in various subtypes of scientific discourse, but here the general semantic structure of despondency is quite clearly outlined.

Keywords: discourse, text, despondency, abulia, apathy, ataraxia, depression, melancholy

For citation: Vorkachev S.G. Paralysis of the soul: linguocultural meaning of despondence in a scientific discourse. Russian Studies without Borders. International scientific Journal, 2025, Vol. IX, Iss. 3, pp. C. 80 – 90.

Введение

Философия (как, очевидно, и наука в целом), по мнению Владимира Соловьева, «не создает новых понятий, а только перерабатывает те, которые находит в обыкновенном сознании» [31, с. 81], то есть в языке, где эти понятия находятся «в упакованном виде» [26, с. 215–216]. Попадая в научный дискурс, обыденный смысл «рафинируется»: очищается от избыточной в данном случае семантики (эмоциональной, внутриязыковой) и превращается в понятие – совокупность существенных признаков предмета. Поэтому совершенно неслучайно основным источником формирования понятийной составляющей лингвокультурного концепта выступает соответствующий научный дискурс [11, с. 17; 12, с. 147].

Классификация разновидностей дискурса может производиться по самым различным признакам [16, с. 18], и в плане тематической принадлежности этих коммуникативных образований [38, с. 14] уныние выступает как междискурсная смысловая единица: оно в том или в ином вербальном воплощении функционирует в текстах обыденного, художественного, религиозного и научного дискурсов, а также в «дискурсно гибридных» текстах: медико-юридических [4], медико-религиозных [1; 34], лингвистико-религиозных [19; 2] и, возможно, других.

Теоретический обзор

В российской лингвистике последнего времени интерес к научному дискурсу в целом остается вполне устойчивым: исследуются его коммуникативные, семантические и речежанровые свойства, структурная организация и пути формирования терминосистем [21; 35; 25; 24 и пр.]. В то же самое время работы, посвященные функционированию отдельных лингвокультурных смыслов (концептов) обыденного языка в научном дискурсе, встречаются достаточно редко [8; 9; 10; 13; 14; 15].

Особенностью лингвокультурного смысла уныние представляется дискурсная вариативность его имени [6, с. 46]: попадая в психологические тексты этот смысл принимает имена депрессии, апатии, меланхолии и абулии, попадая в философские – апатии и атараксии.

Понятийная система какой-либо области знания в наиболее обобщенном, унифицированном и «кристаллизованном» виде фиксируется в отраслевой лексикографии – специальных терминологических словарях и энциклопедиях, которые наряду с прочими научными текстами, затрагивающими тему исследования, в данной работе выступают в качестве базового источника иллюстрационного материала.

Научные результаты и дискуссия

Уныние в философии

В текстах сегодняшней российской философии имя уныние практически не используется: вместо него используется его античные частичные эквиваленты апатия (от древнегреческого «не-страсть», «бесстрастие»: ἀπάθεια = ἀ + πάθ(ος) и атараксия (от древнегреческого «не-волнение», «безмятежность»: ἀταραξία = ἀ + ταραχή – «волнение» – [ё8, с. 182, 256].

Под апатией в философии стоиков понималась «способность мудреца, носителя стоического нравственного идеала, не радоваться тому, что вызывает наслаждение у обычных людей, и не испытывать страданий от всего того, чего страшатся люди, вплоть до обращения в рабство, пыток и самой смерти» [36, с. 30; 37, с. 54]. Это понятие обозначало «душевную невозмутимость, состояние душевного покоя, когда чувства и

страсти не мешают деятельности разума» [22, с. 12]. Атараксия (ἀταραξία) как душевное состояние пришла на смену апатии в этике Эпикура [32, с. 29], которому она представлялась главным условием счастья как свободы от страданий тела и смятений души, а состояние это достигается «избавлением от страха перед богами, смертью и загробным миром, от чувства недоумения перед непонятными явлениями природы, ограничением потребностей, умеренностью в наслаждениях, самоустранением от общественных и государственных дел» [36, с. 40; 37, с. 73]. Общим для всех античных аналогов уныния является указание на благотворность для человека отсутствия чрезмерных эмоциональных реакций или даже эмоциональных реакций вообще [10, с. 21–22].

Можно, однако, отметить, что рефлексы античных представлений об апатии и атараксии продолжают жить в сегодняшнем обыденном (языковом) сознании, о чем свидетельствует доминирующая здесь эпикурейская концепция счастья как обоснованной удовлетворенности жизнью в целом [33, с. 42] – в опросах респондентов «третьего возраста» и женщин доминируют представления о счастье как о покое – отсутствии в жизни несчастий, вызывающих страх, тревогу, беспокойство и страдание [5, с. 197, 208].

Уныние в своей «первозданной» вербальной форме все-таки встречается в тексте современной этики [30]. Хотя содержание словарной статьи здесь в основном относится к унынию в религиозном дискурсе, этому психосоматическому явлению дается философская интерпретация: «Уныние – состояние глубокой безнадежности, вызванное неудачами, страданиями, общим разочарованием в цели и смысле жизни. Уныние как своеобразный паралич духовной силы индивида связано с “обесцениванием” всех жизненный ценностей, в том числе и ценностей моральных» [30, с. 505]. Уныние здесь связывается с экзистенциальным отчаянием С. Кьеркегора и представляется как один из элементов последнего [30, с. 506].

Уныние в психологии и психиатрии

Как и в философской лексикографии, уныние в своей «родной» вербальной форме в словниках психологических и психиатрических словарей практически не появляется, где, однако, слово «уныние» встречается в толкованиях его аналогов – депрессии и меланхолии [28, с. 109, 210].

Апатия как термин психологии и психиатрии выступает аксиологическим антиподом апатии в философском дискурсе: она квалифицируется здесь как «эмоционально-мотивационный паралич» [27, с. 33] и «расстройство психики» [29, с. 24]. Апатия определяется как отсутствие у человека интереса к происходящему, эмоциональное безразличие ко всему окружающему и даже к себе самому и представляет собой типичное следствие фрустрации, стресса, физической усталости, длительной, тяжелой и особенно неизлечимой болезни, а также возникает при некоторых органических поражениях головного мозга и слабоумии [29, с. 24; 23, с. 32–33; 28, с. 26; 17, с. 25]. Присутствует в словниках психологических словарей и атараксия, однако исключительно в качестве исторического экскурса в античную этику [27, с. 39; 28, с. 34].

Наиболее детально разработанным термином-аналогом уныния в психологической и психиатрической лексикографии представляется депрессия, у которой выделяется более 70 разновидностей, в том числе ворчливая, слезливая, ироническая, сенильная (старческая), матовая и пр. [3, с. 120–126]. Выделяются два основных типа депрессии: «нормальная» – кратковременный упадок духа, время от времени случающийся и у здоровых людей, и патологическая – психиатрический синдром как хроническое отсутствие у человека интереса к жизни и неспособность получать положительные эмоции [17, с. 96; 29, с. 96–97; 28, с. 109].

Вызывается депрессия разнообразными причинами: «жизненными неприятностями, усталостью, болезнью и др.» [28, с. 109], которые все оцениваются субъектом отрицательно и создают соответствующий эмоциональный фон, сопровождаемый переживаниями «тоски, отчаяния» [29, с. 96], от которых человек стремится избавиться, поскольку «осознает необходимость что-то делать для того, чтобы выйти из данного состояния [28, с. 209].

В семантике депрессии особенно представительна когнитивная составляющая – мысли, которые одолевают человека в этом состоянии: «отрицательная, уничтожающая оценка собственной личности, внешнего мира и будущего» [3, с. 120]; «чувство вины за события прошлого и ощущение беспомощности перед жизненными трудностями сочетаются с чувством бесперспективности» [29, с. 96]; «сознание собственной неполноценности» [20, с. 455].

Внешне депрессия проявляется в «торможении интеллектуальной и моторной деятельности, снижении витальных побуждений» [3, с. 120]; в «резком снижении внутренней (психологической) и внешней (поведенческой) активности» [28, с. 109]; в «общей пассивности поведения, … в замедленности, безынициативности, быстрой утомляемости» [17, с. 86]; в снижении «влечений, мотивов, волевой активности» [29, с. 96]; «в тяжелых, длительных состояниях депрессии возможны попытки самоубийства» [29, с. 96].

В качестве исторического смыслового аналога уныния в некоторых психологических и психиатрических словарях приводится меланхолия – калька с древнегреческого словосочетания «черная желчь» (μέλας – «темный, черный», χολη – «желчь»), что связано с созданной еще Гиппократом теорией темперамента, основанной на преобладании в организме соответствующей жидкости. Меланхолия в первом значении – «синоним эндогенной депрессии», во втором – «обобщенное название психопатологических состояний, протекающих с пониженным настроением» [3, с. 205]. В наши дни меланхолия обозначает «состояние выраженной депрессии, безразличия человека к тому, что происходит с ним и вокруг него» [28, с. 210] либо «самую тяжелую форму постоянной депрессии» [17, с. 205; 23, с. 234].

И, наконец, в числе частичных смысловых аналогов уныния можно отметить абулию – «безволие, нерешительность» (др.-греч. άβουλία = ά отрицательный префикс + βουλή «воля, желание, решение, замысел» – [18, с. 303]). Под абулией понимается «психопатологический синдром, характеризующийся вялостью, отсутствием инициативы и побуждений к деятельности, ослаблением воли» [27, с. 11]. Абулия «выражается в отсутствии побуждений к деятельности, неспособности принять решение и осуществить правильное действие» [29, с. 6; 23, с. 8]. Абулию сближает с унынием только один семантический признак: «нарушение волевого импульса, отсутствие желаний» [17, с. 3].

В психологических текстах, как и в философских, встречается, можно сказать в порядке исключения, определение уныния в собственной вербальной форме [20, с. 171–172]. Основным когнитивным компонентом этого эмоционального состояния «представляется оценка безысходности ситуации, связанной с удовлетворением потребности, влечения, с достижением задуманного и желаемого» [20, с. 171], и эта оценка связана «с неблагоприятным прогнозом на исход еще не закончившегося процесса, когда еще остаются какие-то шансы на успех, достижение цели» [20, с. 171], что, собственно, отличает уныние, например, от отчаяния, вызываемого окончательной утратой надежды.

С позиций криминологии и юридической психологии уныние (депрессия) рассматривается в «гибридном» медико-юридическом дискурсе, где отмечается

неразработанность проблемы «переживания человеком жизненных неудач, конфликтов и кризизов» [4, с. 31], констатируется, что «депрессия, как правило, приводит к совершению преступлений насильственной направленности … прежде всего в семейно-бытовой сфере» [4, с. 33] и что в части убийств и тяжких телесных повреждений по причине уныния, переходящего в отчаяние, женщины совершают каждое третье преступление» [4, с. 33–34]. Здесь же даются рекомендации по предупреждению и профилактике семейно-бытовой преступности насильственной направленности, которые, как отмечается, «почти слово в слово повторяют рекомендации подвижников Православия» [4, с. 34–35].

В медико-религиозных текстах уныние (депрессия) рассматривается как страсть [34, с. 177], выясняются причины и корни этого психического состояния. Утверждается, что «современной медициной XXI век официально признан “веком депрессии”» [34, с. 177] и причины этого недуга носят исключительно духовный характер. «Страсть уныния» представляет собой один из охранительно-защитных механизмов психики в стрессовых состояниях, когда человек «как бы замораживает свои чувства» [34, с. 178], сосредотачивается на своих отрицательных переживаниях и, тем самым, притупляет остроту своих несчастий. Отдельно описываются случаи «экзистенциональной депрессии», вызванной утратой смысла жизни [34, с. 180].

Трудность избавления от «страсти уныния» объясняется притягательностью последней для человека, как и любой страсти, когда человек получает от уныния «странное удовольствие» и даже ощущение превосходства над теми, кто подобного не испытывает, а также тем, что уныние позволяет человеку снять с себя ответственность за свои поступки и, тем самым, избавиться от чувства вины [34, с. 182]. Другой способ избавления от депрессии у современного человека – стремление к развлечениям, проявляющееся в постоянном желании занять себя чем-то несущественным и. тем самым, «убежать от депрессии» [34, с. 183]. Однако все «светские» способы избавления от уныния признаются неэффективными, и здесь могут помочь «только таинства Православной церкви» [34, с. 184].

В то же самое время уже упоминавшийся лингвистико-религиозный дискурс, по существу, представляет собой изучение языковых аспектов показателей уныния в соответствующих разновидностях дискурса научного: исследование этимологии, синонимики, семантического состава и функционирования вербализаторов этого психического состояния.

Составить же семантический прототип уныния, как это сделано, например, для счастья [7, с. 53–54], весьма затруднительно в силу как разноаспектности представления этого психического состояния в различных подвидах научного дискурса, так и в силу смены оценочного знака в ходе аксиологической эволюции уныния от Античности до наших дней. Тем не менее, в научном дискурсе достаточно четко вырисовывается общая схематическая структура уныния, включающая такие составляющие, как причины его появления, эмоциональные переживания, когнитивные рефлексы, соматические и поведенческие проявления.

Заключение

Функционируя в текстах научного дискурса лингвокультурный смысл уныние, как правило, меняет свое имя и выступает как абулия, апатия, атараксия, депрессия и меланхолия.

В текстах сегодняшней российской философии вместо имени «уныние» используются его античные частичные эквиваленты апатия и атараксия, отправляющие к благотворному для человека состоянию душевного покоя и отсутствию чрезмерных эмоциональных реакций. В словниках психологических и психиатрических словарей

слово «уныние» практически не появляется, вместо него используются апатия как психическое расстройство в форме эмоционального безразличия ко всему окружающему, депрессия как кратковременный упадок духа либо хроническое отсутствие у человека интереса к жизни и неспособность получать положительные эмоции, меланхолия как тяжелая форма хронической депрессии и абулия, которую сближают с унынием признаки отсутствия побуждений к деятельности и отсутствия желаний.

В «гибридном» медико-юридическом дискурсе отмечается влияние уныния на совершение преступлений насильственной направленности в семейно-бытовой сфере, в «гибридном» медико-религиозном дискурсе уныние рассматривается как страсть, представляющая собой некий охранительно-защитный механизм психики в стрессовых состояниях, а трудность избавления от «страсти уныния» объясняется притягательностью последней для человека, который получает от него определенное удовольствие и выгоду.

Составление семантического прототипа уныния оказывается весьма затруднительным в силу противоречивости представления этого психического состояния в различных подвидах научного дискурса и в силу смены оценочного знака в ходе его аксиологической эволюции. Однако в научном дискурсе достаточно четко вырисовывается общая схематическая структура уныния, включающая причины его появления, эмоциональные переживания, когнитивные рефлексы, соматические и поведенческие проявления.

Библиографический список

1. Авдеев Д.А Уныние и депрессия: сходства, различия, врачевание. – М.: МБЦ прп. Серафима Саровского : Омега, 2011. – 240 с.
2. Алексеев А.В. Лексическое выражение концептов печаль и уныние (в православно-аскетическом понимании) в русском языке XI–XVII в. – Режим доступа: http://pravmisl.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=425
3. Блейхер В.М., Крук И.В. Толковый словарь психиатрических терминов (около 3000 терминов). – Воронеж: Модэк, 1995. – 640 с.
4. Бурый В.Е., Лайша Н.А., Клим А.М. Структура печали (уныния) как важного криминогенного мотива // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. – 2020. – № 1(45). – С. 20–36.
5. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, 2004. – 236 с.
6. Воркачев С. Г. Дискурсная вариативность лингвоконцепта (1): любовь-милость // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2005. – Том 64, № 4. – С. 46–55.
7. Воркачев С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, 2007. 284 с.
8. Воркачев С.Г. Язык и семантическое представление знаний: идея смысла жизни в научном дискурсе // Дискурс, концепт, жанр. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2009. – С. 140–150.
9. Воркачев С.Г. Лингвоидеологема «народ» в научном дискурсе // Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования. – Кемерово: КемГУ, 2012. – С. 8–16.
10. Воркачев С.Г. Семантика интеллекта по данным научного дискурса // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2014. – № 2. – С. 122–127.
11. Воркачев С.Г. Imago verbi: опыт семантического портретирования имени. – М.: Флинта, 2017. – 287 с.
12. Воркачев С.Г. Образ слова: к семантическому портрету имени // Вестник Пятигорского государственного университета. – 2018. – № 1. – С. 145–150.

13. Воркачев С.Г. Великое слово: лингвоконцептуальный анализ благодарности в научном дискурсе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2018. – № 4(32). – С. 55–61. – https://doi.org/10.29025/2079-6021-2018-4(32)-55-61
14. Воркачев С.Г. Семиотика символа по данным российского научного дискурса // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2021. – Т.7, № 3. – С. 3–14. – https://doi.org/10.18413/2313-8912-2021-7-3-0-1
15. Воркачев С.Г. Семантическое единство «страсть-бесстрастие» в научном дискурсе // Русистика без границы. Международно научно списание. – 2024. – Т. 8. – № 2. – С. 17–28.
16. Воркачев С.Г., Воркачева Е.А. Дискурс и его типология в российской лингвистике // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2019. – № 3. – С. 14–21. – https://doi.org/10.29025/2079–6021-2019-3-14-21
17. Головин С.Ю. Словарь практического психолога (около 2000 терминов). – Минск: Харвест, 1998. – 799 с.
18. Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь: в 2-х томах. – Т. 1. – М.: Госиздат иностранных и национальных словарей, 1958. – 1043 с.
19. Добросельский А.А. Психолого-лингвистический анализ понятия «уныние» как ключ к разгадке механизма суицидов // Богословский вестник. – 2019. – № 4(35). – С. 130–151. – https://doi.org/10.31802/2500-1450-2019-35-130-151
20. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. – СПб.: Питер, 2001. – 752 с.
21. Карасик В.И. Научный дискурс // Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – С. 276–280.
22. Кон И.С. Словарь по этике. – М.: Политиздат, 1983. – 445 с.
23. Копорулина В.Н., Смирнова М.Н., Гордеева Н.О. Психологический словарь. – Ростов н/Д.: Феникс, 2004. – 640 с.
24. Кравцова Е.В. Научный дискурс: универсальное и культурно-специфическое (на материале жанра «научная рецензия»): автореф. дис. … канд. филол. наук. – Челябинск, 2016. – 23 с.
25. Лату М.Н. Номинация в развивающихся терминосистемах. – Пятигорск: СНЕГ, 2015. – 192 с.
26. Мамардашвили М.К. Картезианские размышления. – М.: Прогресс, 1993. – 352 с.
27. Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Большой психологический словарь. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. – 672 с.
28. Немов Р.С. Психологический словарь. – М.: ВЛАДОС, 2007. – 560 с.
29. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Психология. Словарь. – М.: Политиздат, 1990. – 494 с.
30. Прокофьев А.В. Уныние // Этика: энциклопедический словарь / Под. ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гуссейнова. – М.: Гардарики, 2001. – С. 505–506.
31. Соловьев В.С. Лекции по истории философии // Вопросы философии. – 1989. – № 6. – С. 76–137.
32. Солопова М.Л. Атараксия // Этика: энциклопедический словарь / Под. ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гуссейнова. – М.: Гардарики, 2001. – С. 29–30.
33. Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека. – М.: Прогресс, 1981. – 365 с.
34. Трунова А.Г. Депрессия как форма проявления страсти уныния // Труды Белгородской православной духовной семинарии (с миссионерской направленностью). – 2017. – № 5. – С. 176–185.
35. Фаритов В.Т. На пути к интегральной реальности. Онтология научного дискурса. – Ульяновск: УлГТУ, 2008. – 172 с.

36. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
37. Философия: энциклопедический словарь / Под ред. А. А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.
38. Чернявская В.Е. Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса. – СПб.: СПбГУЭФ, 2001. – С. 11–22.

References in Roman script

1. Avdeev D.A Unynie i depressiya: skhodstva, razlichiya, vrachevanie. – M.: MBC prp. Serafima Sarovskogo : Omega, 2011. – 240 s.
2. Alekseev A.V. Leksicheskoe vyrazhenie konceptov pechal' i unynie (v pravoslavno-asketicheskom ponimanii) v russkom yazyke XI–XVII v. – Rezhim dostupa: http://pravmisl.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=425
3. Blejher V.M., Kruk I.V. Tolkovyj slovar' psihiatricheskih terminov (okolo 3000 terminov). – Voronezh: Modek, 1995. – 640 s.
4. Buryj V.E., Lajsha N.A., Klim A.M. Struktura pechali (unyniya) kak vazhnogo kriminogennogo motiva // Trudy Akademii MVD Respubliki Tadzhikistan. – 2020. – № 1(45). – S. 20–36.
5. Vorkachev S.G. Schast'e kak lingvokul'turnyj koncept. – M.: Gnozis, 2004. – 236 s.
6. Vorkachev S.G. Diskursnaya variativnost' lingvokoncepta (1): lyubov'-milost' // Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka. – 2005. – Tom 64, № 4. – S. 46–55.
7. Vorkachev S.G. Lyubov' kak lingvokul'turnyj koncept. M.: Gnozis, 2007. 284 s.
8. Vorkachev S.G. Yazyk i semanticheskoe predstavlenie znanij: ideya smysla zhizni v nauchnom diskurse // Diskurs, koncept, zhanr. – Nizhnij Tagil: NTGSPA, 2009. – S. 140–150.
9. Vorkachev S.G. Lingvoideologema «narod» v nauchnom diskurse // Kognitivnaya lingvistika i konceptual'nye issledovaniya. – Kemerovo: KemGU, 2012. – S. 8–16.
10. Vorkachev S.G. Semantika intellekta po dannym nauchnogo diskursa // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. – 2014. – № 2. – S. 122–127.
11. Vorkachev S.G. Imago verbi: opyt semanticheskogo portretirovaniya imeni. – M.: Flinta, 2017. – 287 s.
12. Vorkachev S.G. Obraz slova: k semanticheskomu portretu imeni // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2018. – № 1. – S. 145–150.
13. Vorkachev S.G. Velikoe slovo: lingvokonceptual'nyj analiz blagodarnosti v nauchnom diskurse // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoj lingvistiki. – 2018. – № 4(32). – S. 55–61. https://doi.org/10.29025/2079-6021-2018-4(32)-55-61
14. Vorkachev S.G. Semiotika simvola po dannym rossijskogo nauchnogo diskursa // Nauchnyj rezul'tat. Voprosy teoreticheskoj i prikladnoj lingvistiki. – 2021. – T.7, № 3. – C. 3–14. https://doi.org/10.18413/2313-8912-2021-7-3-0-1
15. Vorkachev S.G. Semanticheskoe edinstvo «strast'-besstrastie» v nauchnom diskurse // Rusistika bez granici. Mezhdunarodno nauchno spisanie. – 2024. – T. 8. – № 2. – S. 17–28.
16. Vorkachev S.G., Vorkacheva E.A. Diskurs i ego tipologiya v rossijskoj lingvistike // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoj lingvistiki. – 2019. – № 3. – S. 14–21. https://doi.org/10.29025/2079–6021-2019-3-14-21
17. Golovin S.YU. Slovar' prakticheskogo psihologa (okolo 2000 terminov). – Minsk: Harvest, 1998. – 799 s.
18. Dvoreckij I.H. Drevnegrechesko-russkij slovar': v 2-h tomah. – M.: Gosizdat inostrannyh i nacional'nyh slovarej, 1958. – 1043 s.

19. Dobrosel'skij A.A. Psihologo-lingvisticheskij analiz ponyatiya «unynie» kak klyuch k razgadke mekhanizma suicidov // Bogoslovskij vestnik. – 2019. – № 4(35). – S. 130–151. https://doi.org/10.31802/2500-1450-2019-35-130-151
20. Il'in E.P. Emocii i chuvstva. – SPb.: Piter, 2001. – 752 s.
21. Karasik V.I. Nauchnyj diskurs // Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs. – M.: Gnozis, 2004. – S. 276–280.
22. Kon I.S. Slovar' po etike. – M.: Politizdat, 1983. – 445 s.
23. Koporulina V.N., Smirnova M.N., Gordeeva N.O. Psihologicheskij slovar'. – Rostov n/D.: Feniks, 2004. – 640 s.
24. Kravcova E.V. Nauchnyj diskurs: universal'noe i kul'turno-specificheskoe (na materiale zhanra «nauchnaya recenziya»): avtoref. dis. … kand. filol. nauk. – Chelyabinsk, 2016. – 23 s.
25. Latu M.N. Nominaciya v razvivayushchihsya terminosistemah. – Pyatigorsk: SNEG, 2015. – 192 s.
26. Mamardashvili M.K. Kartezianskie razmyshleniya. – M.: Progress, 1993. – 352 s.
27. Meshcheryakov B.G., Zinchenko V.P. Bol'shoj psihologicheskij slovar'. – SPb.: prajm-EVROZNAK, 2004. – 672 s.
28. Nemov R.S. Psihologicheskij slovar'. – M.: VLADOS, 2007. – 560 s.
29. Petrovskij A.V., Yaroshevskij M.G. Psihologiya. Slovar'. – M.: Politizdat, 1990. – 494 s.
30. Prokof'ev A.V. Unynie // Etika: enciklopedicheskij slovar' / Pod. red. R.G. Apresyana i A.A. Gussejnova. – M.: Gardariki, 2001. – S. 505–506.
31. Solov'ev V.S. Lekcii po istorii filosofii // Voprosy filosofii. – 1989. – № 6. – S. 76–137.
32. Solopova M.L. Ataraksiya // Etika: enciklopedicheskij slovar' / Pod. red. R.G. Apresyana i A.A. Gussejnova. – M.: Gardariki, 2001. – S. 29–30.
33. Tatarkevich V. O schast'e i sovershenstve cheloveka. – M.: Progress, 1981. – 365 s.
34. Trunova A.G. Depressiya kak forma proyavleniya strasti unyniya // Trudy Belgorodskoj pravoslavnoj duhovnoj seminarii (s missionerskoj napravlennost'yu). – 2017. – № 5. – S. 176–185.
35. Faritov V.T. Na puti k integral'noj real'nosti. Ontologiya nauchnogo diskursa. – Ul'yanovsk: UlGTU, 2008. – 172 s.
36. Filosofskij enciklopedicheskij slovar'. – M.: Sovetskaya enciklopediya, 1983. – 840 s.
37. Filosofiya: enciklopedicheskij slovar' / Pod red. A. A. Ivina. – M.: Gardariki, 2004. – 1072 s.
38. Chernyavskaya V.E. Diskurs kak ob'ekt lingvisticheskih issledovanij // Tekst i diskurs. Problemy ekonomicheskogo diskursa. – SPb.: SPbGUEF, 2001. – S. 11–22.

References

1. Avdeev D.A. Despondency and Depression: Similarities, Differences, Healing. – Moscow: International beneficial center of St. Seraphim of Sarov-Omega, 2011. – 240 p. (In Russian).
2. Alekseev A.V. Lexical expression of the concepts of sadness and despondency (in the Orthodox-ascetic understanding) in the Russian language of the 11th–17th centuries. – URL: http://pravmisl.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=425(In Russian).
3. Bleikher V.M., Kruk I.V. Explanatory Dictionary of Psychiatric Terms (about 3000 terms). – Voronezh: Modek, 1995. – 640 p. (In Russian).
4. Bury V.E., Laisha N.A., Klim A.M. The Structure of sadness (despondency) as an important criminogenic motive // Proceedings of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan. – 2020. – No. 1 (45). – Pp. 20–36. (In Russian).

5. Vorkachev S.G. Happiness as a Linguocultural Concept. – Moscow: Gnosis, 2004. – 236 p. (In Russian).
6. Vorkachev S.G. Discourse variability of the lingvoconcept (1): love-mercy // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Series of Literature and Language. – 2005. – Vol. 64, No. 4. – Pp. 46–55. (In Russian).
7. Vorkachev S.G. Love as a Linguocultural Concept. – Moscow: Gnosis, 2007. – 284 p.
8. Vorkachev S.G. Language and semantic representation of knowledge: the idea of the meaning of life in scientific discourse // Discourse, Concept, Genre. – Nizhny Tagil: Nizhny Tagil STATE SOCIAL AND PEDAGOGICAL ACADEMY, 2009. – Pp. 140–150. (In Russian).
9. Vorkachev S.G. The linguoideologeme "people" in scientific discourse // Cognitive Linguistics and Conceptual Research. – Kemerovo: Kemerovo State University, 2012. – Pp. 8–16. (In Russian).
10. Vorkachev S.G. Semantics of intelligence according to scientific discourse // Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University. – 2014. – No. 2. – Pp. 122–127. (In Russian).
11. Vorkachev S.G. Imago Verbi: an Experience of Semantic Portrait of a Name. – Moscow: Flinta, 2017. – 287 p. (In Russian).
12. Vorkachev S.G. The image of the word: towards a semantic portrait of the name // Bulletin of Pyatigorsk State University. – 2018. – No. 1. – Pp. 145–150. (In Russian).
13. Vorkachev S.G. The great word: a linguoconceptual analysis of gratitude in scientific discourse // Actual Problems of Philology and Pedagogical Linguistics. – 2018. – No. 4(32). – Pp. 55–61. – https://doi.org/10.29025/2079-6021-2018-4(32)-55-61(In Russian).
14. Vorkachev S.G. Semiotics of the symbol according to the data of the Russian scientific discourse // Scientific Result. Theoretical and Applied Linguistics Issues. – 2021. – Vol. 7, No. 3. – Pp. 3–14. – https://doi.org/10.18413/2313-8912-2021-7-3-0-1(In Russian).
15. Vorkachev S.G. Semantic unity "passion-dispassion" in scientific discourse // Russian Studies without Borders. International Scientific Journal. – 2024. – Vol. 8. – No. 2. – Pp. 17–28. (In Russian).
16. Vorkachev S.G., Vorkacheva E.A. Discourse and its typology in Russian linguistics // Actual Problems of Philology and Pedagogical Linguistics. – 2019. – No. 3. – Pp. 14–21. – https://doi.org/10.29025/2079–6021-2019-3-14-21 (In Russian).
17. Golovin S.Yu. Dictionary of a Practical Psychologist (about 2000 terms). – Minsk: Harvest, 1998. – 799 p. (In Russian).
18. Dvoretsky I.Kh. Ancient Greek Russian Dictionary: in 2 volumes. – V. 1. – Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1958. – 1043 p. (In Russian).
19. Dobroselsky A.A. Psychological and linguistic analysis of the concept of "despondency" as a key to unraveling the mechanism of suicides // Theological Bulletin. – 2019. – No. 4(35). – Pp. 130–151. – https://doi.org/10.31802/2500-1450-2019-35-130-151 (In Russian).
20. Ilyin E.P. Emotions and feelings. – St. Petersburg: Piter, 2001. – 752 p. (In Russian).
21. Karasik V. I. Scientific discourse // Language Circle: Personality, Concepts, Discourse. – Moscow: Gnosis, 2004. – Pp. 276–280. (In Russian).
22. Kon I. S. Dictionary of Ethics. – Moscow: Politizdat, 1983. – 445 p. (In Russian).
23. Koporulina V. N., Smirnova M.N., Gordeeva N.O. Psychological Dictionary. – Rostov-on-Don: Phoenix, 2004. – 640 p. (In Russian).
24. Kravtsova E.V. Scientific discourse: universal and culturally specific (based on the genre "scientific review"): author's abstract dis. ... cand. philological sciences. – Chelyabinsk, 2016. – 23 p. (In Russian).

25. Latu M.N. Nomination in Developing Terminology Systems. – Pyatigorsk: SNEG, 2015. – 192 p. (In Russian).
26. Mamardashvili M.K. Cartesian Reflections. – Moscow: Progress, 1993. – 352 p. (In Russian).
27. Meshcheryakov B.G., Zinchenko V.P. Large Psychological Dictionary. – St. Petersburg: prime-EVROZNAK, 2004. – 672 p. (In Russian).
28. Nemov R.S. Psychological Dictionary. – Moscow: VLADOS, 2007. – 560 p. (In Russian).
29. Petrovsky A.V., Yaroshevsky M.G. Psychology. Dictionary. – Moscow: Politizdat, 1990. – 494 p.
30. Prokofiev A.V. Despondency // Ethics: Encyclopedic Dictionary / Ed. by R.G. Apresyan and A.A. Gusseinov. – Moscow: Gardariki, 2001. – Pp. 505–506. (In Russian).
31. Soloviev V.S. Lectures on the history of philosophy // Problems of Philosophy. – 1989. – No. 6. – Pp. 76–137. (In Russian).
32. Solopova M.L. Ataraxia // Ethics: Encyclopedic Dictionary / Ed. by R.G. Apresyan and A.A. Gusseinov. – Moscow: Gardariki, 2001. – Pp. 29–30. (In Russian).
33. Tatarkievich V. On the Happiness and Perfection of Man. – Moscow: Progress, 1981. – 365 p. (In Russian).
34. Trunova A.G. Depression as a form of manifestation of the passion of despondency // Works of the Belgorod Orthodox Theological Seminary (with Missionary Focus). – 2017. – No. 5. – Pp. 176–185. (In Russian).
35. Faritov V. T. Towards Integral Reality. Ontology of Scientific Discourse. – Ulyanovsk: Ulyanovsk State Technical University, 2008. – 172 p. (In Russian).
36. Philosophical Encyclopedic Dictionary. – Moscow: Soviet Encyclopedia, 1983. – 840 p. (In Russian).
37. Philosophy: Encyclopedic Dictionary / Ed. by A. A. Ivin. – Moscow: Gardariki, 2004. – 1072 p. (In Russian).
38. Chernyavskaya V. E. Discourse as an object of linguistics // Text and Discourse. Problems of Economic Discourse. – St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics and Finances, 2001. – Pp. 11–22. (In Russian).

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

УДК 373.2/373.4

Чихорич Сандра
преподаватель
Баня-Лукский университет
Босния и Герцеговина, г. Баня-Лука
e-mail: sandra.cihoric@fbn.unibl.org

Cihoric Sandra
Teacher
University of Banja Luka
Bosnia and Herzegovina, Banja Luka
e-mail: sandra.cihoric@fbn.unibl.org

С. Чихорич

ПЕРЕВОД КАК МЕТОД ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ НОСИТЕЛЕЙ СЕРБСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В этой статье рассматривается роль перевода как метода обучения русскому языку носителей сербского языка. Особое внимание уделяется ситуациям, в которых языковое сходство между русским и сербским языками может как способствовать, так и мешать освоению иностранного языка. Перевод рассматривается как источник ошибок интерференции, особенно в лексике и грамматике, а также как потенциально полезный педагогический инструмент в процессе развития всех языковых навыков. В статье представлена теоретическая основа роли перевода в методике преподавания иностранных языков, проанализированы конкретные примеры из практики и предложены рекомендации по сбалансированному и целенаправленному использованию перевода в преподавании. Цель исследования состоит в том, чтобы побудить преподавателей рассмотреть роль перевода в современном преподавании русского языка как иностранного языка.

Ключевые слова: методика обучения, русский язык как иностранный, перевод, носители сербского языка, интерференция, языковое сходство

Для цитирования: Чихорич С. Перевод как метод обучения русскому языку носителей сербского языка. *Русистика без граници. Международно научно списание,* 2025, Том IX, кн. 3, С. 91 – 99.

S. Cihori

TRANSLATION AS A METHOD IN TEACHING RUSSIAN TO SERBIAN SPEAKERS

Abstract. This paper examines the role of translation as a method in teaching Russian to Serbian speakers. Particular attention is paid to the context in which linguistic similarity between Russian and Serbian language can simultaneously facilitate and hinder the acquisition of a foreign language. Translation is seen as a potentially useful pedagogical tool in the process of developing all language competencies, but also as a source of interference errors, especially in the domain of lexis and grammar. The paper provides a theoretical framework for the role of translation in foreign language teaching methodology, analyzes concrete examples from practice, and proposes guidelines for the balanced and purposeful use of translation in teaching. The research aims to encourage teachers to critically examine the place that translation occupies in the contemporary teaching of Russian as a foreign language.

Keywords: teaching methodology, Russian as a foreign language, translation, Serbian speakers, interference, linguistic similarity

For citation: Cihoric S. Translation as a method in teaching Russian to Serbian speakers. *Russian Studies without Borders. International scientific Journal*, 2025, Vol. IX, Iss. 3, pp. C. 91 – 99.

В наши дни изучение русского языка становится все более важным и востребованным в академической среде, профессиональной деятельности и культурном обмене. Являясь одним из наиболее распространенных славянских языков, а также официальным языком ООН, он служит важным инструментом общения в различных сферах, включая дипломатию, научные исследования, экономику и межкультурное взаимодействие. Кроме того, растущий интерес к славянской культуре и перспективы получения образования и трудоустройства в русскоязычных странах еще больше увеличивает стремление к изучению этого языка.

Русский язык имеет глубокие исторические и культурные связи с Балканским регионом. В образовательных системах таких государств, как Сербия, Черногория, Босния и Герцеговина, Болгария и Северная Македония, он включен в программу изучения как иностранный в школах разных ступеней и вузах. Его роль в учебном процессе часто обусловлена близостью к местным, южнославянским языкам, которые, в свою очередь, подразделяются на восточную и западную подгруппы. К восточной подгруппе относятся болгарский и македонский языки, а к западной — сербский, хорватский, боснийский, черногорский и словенский. Принадлежность сербского языка к западной подгруппе южнославянских языков обусловливает наличие значительного числа структурных и лексических параллелей с русским языком, что создает благоприятные условия для эффективного использования перевода в качестве методического приема.

В связи с этим, перевод становится одним из главных инструментов в процессе обучения русскому языку. Как образовательный метод, он помогает обучающимся лучше усваивать грамматические правила, лексический состав и стилистические особенности русского языка, сравнивая их с родным языком. Особенно для тех, кто говорит на южнославянских языках, имеющих общую языковую базу с русским, использование перевода может существенно повысить эффективность обучения. Однако, данная стратегия имеет и свои минусы: чрезмерная зависимость от родного языка может создавать препятствия и приводить к неправильному пониманию, что требует внимательного и методически обоснованного применения перевода в образовательном процессе.

Многие исследователи, занимающиеся проблематикой преподавания русского языка как иностранного, подчёркивают многогранный и комплексный характер методики как научной дисциплины. Характеристики методики как науки очень четко описали Н. Д. Гальскова и Н. И. Гез в рамках *Теории обучения иностранным языкам.*

«Мы уже отмечали, что методика является педагогической наукой. Она имеет характеристики, присущие любой науке вообще – теоретическую базу, экспериментальное поле для проверки различных рабочих гипотез и др. В то же время ей присущи и специфические объекты исследования, обусловленные сущностью иностранного языка как объекта усвоения и учебных условиях. Совокупность таких исследовательских объектов обусловлена многокомпетентностью учебного процесса, о которой речь шла выше и которую можно представить как взаимосвязь обучающей деятельности учителя и учебной деятельности учащегося. Эффективность этой взаимосвязи определяется, в свою очередь, правильным выбором целей, содержания, методов и приемов преподавания и изучения иностранного языка» [2, с. 88].

Методика преподавания русского языка как иностранного сегодня – это самостоятельная наука со своими законами и правилами. Ученые разрабатывают новые понятия, термины и задачи, которые важны именно для обучения иностранцев русскому языку. Благодаря этому методика преподавания РКИ стала отдельным предметом изучения. «Предмет методики обучения русскому языку как иностранному – это система управления учебным процессом, т. е. система, направленная на наиболее эффективное овладение учащимися русским языком. Нельзя жестко «запрограммировать» преподавателя раз и навсегда, но можно и нужно научить его строить учебный процесс так, чтобы в любых конкретных условиях получить наибольший эффект. А для этого преподаватель должен знать, что ему нужно учитывать, т. е. какие факторы определяют эффективность его действий; уметь правильно, грамотно осуществить эти действия» [3, с. 39].

Применение перевода в преподавании иностранных языков на протяжении длительного времени является одним из самых обсуждаемых вопросов в области методики преподавания. Роль перевода значительно изменилась с эволюцией подходов к образованию – от доминирующего приёма в рамках грамматико-переводного подхода до почти полного исключения в обучении, ориентированном на коммуникацию. Тем не менее, современные исследования и практика всё чаще свидетельствуют о том, что перевод, при осознанном и систематическом применении, может быть полезным инструментом в процессе овладения иноязычными навыками.

Цель настоящей работы заключается в исследовании роли перевода как метода обучения в контексте обучения русскому языку как иностранному носителям южнославянских языков с учётом специфики лингвистического сходства и возможности возникновения интерференции. В основе статьи лежит гипотеза о том, что перевод в условиях близкородственных языков, таких как русский и южнославянские языки, может играть двойную роль: как средство для более чёткого понимания лексики и грамматических структур, а также как потенциальный источник ошибок, связанных с переносом элементов из родного языка.

Данное исследование основывается на анализе соответствующей литературы по теории и практике обучения иностранным языкам, а также на результатах педагогической деятельности, с целью выработки рекомендаций по сбалансированному и целенаправленному использованию перевода при обучении русскому языку носителей южнославянских языков.

Метод перевода, применяемый в обучении иностранным языкам, имеет богатую историю и занимает значимое место в соответствующей методике. В рамках классической грамматико-переводческой парадигмы, которая господствовала в преподавании иностранных языков в XIX и начале XX столетий, перевод служил главным инструментом для овладения грамматическими структурами и лексическим составом языка. Первостепенной задачей такого подхода являлось формирование

навыков письменной коммуникации с особым упором на формально-точное восприятие и воспроизведение текстового материала.

Впоследствии, с распространением коммуникативных и когнитивных подходов во второй половине XX века, роль перевода в учебном процессе подверглась переосмыслению. Перевод утратил статус основного метода, трансформировавшись во вспомогательное средство, нередко подвергающееся критике из-за ограниченной применимости в развитии устной речи. Тем не менее, современные методологические разработки все более акцентируют внимание на важности осознанного сопоставления различных языковых систем и тщательно спланированной переводческой деятельности как способа расширения активного словарного запаса, углубления понимания грамматических закономерностей и формирования межкультурной компетентности.

Ученые, представители русской дидактической школы (Гальскова, Гез), констатируют, что перевод, при условии его целесообразного использования с учетом уровня подготовки обучаемых, способен выступать в качестве эффективного средства для развития всего комплекса языковых компетенций. Использование метода перевода способствует формированию устойчивых межъязыковых соответствий, что, в свою очередь, углубляет понимание закономерностей функционирования как родного, так и изучаемого языка. Включение переводческих заданий в структуру учебного процесса позволяет осуществить последовательный переход от рецептивных (чтение и аудирование) к продуктивным (говорение и письмо) видам речевой деятельности, а также обеспечивает формирование необходимых навыков для спонтанного и самостоятельного использования иностранного языка в условиях реальной коммуникации.

Вучина Райчевич отмечает, что перевод играет важную роль в обучении иностранному языку: с ним учащиеся сталкиваются с самого начала изучения и практически на каждом уроке. В рамках своей научной работы Вучина Райчевич уделяет особое внимание преимуществам и недостаткам использования перевода в обучении русскому языку. Преимущества перевода заключаются в том, что он экономит учебное время, облегчает понимание абстрактных и культурно специфических понятий, позволяет глубже анализировать грамматические и лексические явления, а также способствует проверке знаний как иностранного, так и родного языка. Недостатки перевода связаны с тем, что чрезмерная опора на родной язык мешает активному использованию иностранного, тормозит развитие мышления на изучаемом языке и приводит к формированию ошибочных языковых привычек из-за грамматической интерференции [4, с. 388-393].

Следует отметить, что некоторые методисты и лингводидакты высказывают критическое мнение относительно целесообразности использования перевода в практике преподавания иностранных языков. Врховец утверждал, что развитие новых методик обучения часто сопровождается критикой и отказом от устоявшихся практик. Это привело к тому, что роль родного языка была сведена к минимуму как в учебной коммуникации, так и в педагогической деятельности. Прямой, аудиолингвистический и аудиовизуальный методы не только критиковали использование родного языка в преподавании иностранных языков, но и ввели полный запрет на его использование, несмотря на то, что для многих учащихся и преподавателей он является единственным общим языком, обеспечивающим понимание и взаимодействие в учебной среде [1, с. 86].

Согласно концепции Точанац, коммуникативный метод не предполагает элиминации родного языка и отказа от использования перевода в учебном процессе. Опираясь на теоретические положения когнитивной психологии, автор подчеркивает, что процесс усвоения новой информации неизбежно сопряжен с опорой на уже

имеющиеся знания и представления, что обусловливает закономерность сопоставления родного и изучаемого языков. В рамках коммуникативного подхода, учитывающего особенности когнитивной деятельности обучающихся, допускается использование родного языка и сопоставительный анализ речевых актов в двух языковых системах, поскольку данная практика не препятствует эффективной реализации познавательных процессов [7, с. 96].

В современной методической науке необходимость использования родного языка в процессе обучения иностранным языкам представляется аксиоматичным. Независимо от применяемых методик и подходов к преподаванию, эмпирические исследования свидетельствуют о неизбежном присутствии родного языка, эксплицитно или имплицитно, на всех этапах процесса обучения и усвоения иностранного языка.

Методическая роль перевода определяется выбранным подходом к обучению. Грамматико-переводной метод полагается на перевод как на основной инструмент для изучения грамматических конструкций, однако пренебрегает развитием устной речи. Коммуникативный метод, напротив, долгое время избегал использования перевода, стремясь к максимальному погружению в языковую среду, хотя современные интерпретации допускают его дозированное применение для развития межкультурных навыков. Межъязыковой и когнитивный подходы рассматривают перевод как способ анализа и сопоставления языковых систем, способствующий более глубокому усвоению учебного материала. Ключевым моментом является характер использования перевода – механическое воспроизведение или творческое применение, обусловленное методическими принципами.

Использование сопоставительного метода, рассматриваемого как прикладного направления типологического исследования языков, имеет давние корни в сербской русистике, где он применяется для обучения сербов русскому языку с учетом их родного славянского языка. Согласно мнению сербского русиста Боголюба Станковича, «Близкородственность языков не только требует, но даже и диктует своеобразные методологические подходы к изучению русского языка и методические приемы обучения русскому языку в инославянском окружении» [5, с. 17].

Еще столетие назад Радован Кошутич обращал внимание на сильную языковую интерференцию при изучении близкородственных языков. По его наблюдениям, сербские студенты, изучающие русский, считают, что до 70% грамматики и лексики совпадают с их родным языком. Эта кажущаяся легкость, однако, приводит к ошибкам. В итоге, студент-серб, пренебрегший изучением правил или словарем, может говорить по-русски хуже, чем немец, тщательно заучивший все грамматические нормы [6, с. 66].

Представление грамматических особенностей сербского или иного славянского языка в инославянской нефилологической аудитории предполагает четкое осознание дидактических целей и разработку адекватных методических приемов. К числу основных проблем, требующих решения преподавателем, относятся: значительная межъязыковая интерференция, обусловленная близостью грамматического строя родственных языков; недостаточная сформированность фундаментальных лингвистических знаний у студентов, не имеющих филологического образования; а также необходимость разработки иерархически структурированной системы заданий и упражнений, ориентированной на различные уровни владения языком (от A1 до B2+), что требует отказа от ориентации на филологическую интуицию обучающихся.

Существенным недостатком современной методики преподавания русского языка в сербских школах является недостаточное внимание к построению ассоциативных связей и, наоборот, избыточный акцент на межъязыковых различиях. Вопросы конвергенции славянских языков практически не рассматриваются, а межъязыковое

сопоставление, как правило, остается без внимания педагогов. Стоит отметить, что в сербских школьных учебниках прошлых лет, авторами которых являются сербские русисты, наблюдается аналогичная проблема: сопоставительный анализ сербского и русского языков представлен в них крайне скудно или практически отсутствует.

Овладение иностранным языком объективно предполагает взаимодействие двух языковых систем – родной и изучаемой – в когнитивной и речевой деятельности обучающихся. В связи с этим, возрастает значимость сопоставительного анализа контактирующих языков, направленного на выявление общих и отличительных черт в структуре и элементах языковых систем. Результаты данного анализа позволяют определить специфические трудности, возникающие у иностранных учащихся в процессе овладения русским языком.

Конвергентные словосочетания и фразы, представляющие собой параллельные конструкции в русском и сербском языках, открывают широкие перспективы для методической работы. Примерами служат:

Изо дня в день. Из месяца в месяц – Из дана у дан. Из месеца у месец.

Богатство может «ударить в голову» – Богатство може «ударити у главу» и др.

Данные конструкции, сложные для усвоения в неславянских аудиториях (изучаемые, как правило, на уровнях B1 и выше), могут быть успешно освоены сербскими учащимися на начальных этапах обучения при условии методически выверенной подачи материала. Сербским преподавателям предоставляется возможность конструирования разнообразных упражнений, основанных на частичном или полном совпадении языковых элементов. Важно учитывать, что подобные языковые параллели не являются универсальными, однако при грамотном отборе дидактического материала сербские учащиеся демонстрируют высокую скорость усвоения лексики и испытывают положительные эмоции от обнаружения взаимосвязей между родственным и изучаемым языками. Дополнительным фактором, способствующим созданию позитивного климата на занятиях, является использование юмора, который, в силу общности культурного кода, служит эффективным средством повышения мотивации и улучшения коммуникативных навыков, а также способствует обогащению культурологических знаний.

Одним из методических приемов, способствующих созданию положительного эмоционального фона и активизации межъязыкового сопоставления на занятиях по русскому языку, является использование юмористических миниатюр, построенных на русских народных пословицах. Данные пословицы отбираются по принципу наличия общих лексико-грамматических элементов с сербским языком. С целью облегчения восприятия материала предлагается дословный сербский перевод, при этом важно отметить, что данный перевод не влечет за собой утрату смысла исходного русского выражения. Это обусловлено высоким уровнем взаимопонимания между носителями русского и сербского языков, что позволяет сербским учащимся легко воспринимать и интерпретировать русские пословицы и крылатые выражения. В качестве иллюстрации может быть приведен следующий пример:

Ћутање је злато. – Молчание – золото.

Страх има велике очи. – У страха глаза великие. и др.

Итак, полностью соглашаясь с утверждением Л. В. Щербы, необходимо признать, что, «родной язык учащихся непременно участвует в наших уроках иностранного языка» [8, с. 317]. Обладание преподавателем РКИ знаниями о родном языке обучающихся создает ряд значительных преимуществ. В частности, это позволяет: 1) прогнозировать возникновение ошибок, обусловленных явлением межъязыковой интерференции; 2) осуществлять дифференциальную диагностику ошибок, выделяя интерференционные

ошибки из общего массива ошибок, имеющих иную этиологию; 3) разрабатывать и применять наиболее эффективные методики коррекции интерференционных ошибок.

При рассмотрении лексического аспекта преподавателю РКИ необходимо иметь представление о когнатах – лексических единицах русского языка, характеризующихся высокой степенью узнаваемости и семантической близостью к соответствующим единицам в родном языке обучающихся (зачастую речь идет об интернациональной лексике). Наряду с этим, особую значимость приобретает учет существования «ложных друзей переводчика» – языковых единиц (как в русском, так и в родном языке учащихся), отличающихся фонетической или графической близостью при существенных расхождениях в лексическом значении (напр. *магазин* и *часопис*).

Одной из важнейших функций родного языка (или языка-посредника) в процессе обучения является его использование в качестве инструмента перевода с русского языка и на русский язык.

Перевод в учебном процессе может выполнять две основные функции. Первая функция – средство обучения, используемое для решения следующих задач:

- Семантизация новой лексики, когда перевод является наиболее доступным или эффективным способом раскрытия значения слова (особенно для лексики, предназначенной для пассивного усвоения).
- Экономия учебного времени, например, при наличии прямых соответствий в языках (названия растений, животных, служебные слова, абстрактные понятия).
- Предотвращение неполного понимания, поскольку недопонимание создает "балласт" и может привести к ложному чувству уверенности или, наоборот, к излишней неуверенности.
- Выполнение упражнений, направленных на формирование навыков перевода.

Вторая функция – цель обучения, рассматриваемая как самостоятельный вид речевой деятельности.

Важно различать использование перевода как вспомогательного инструмента и как самостоятельной цели обучения. Если целью является обучение переводу как таковому (письменному, устному, синхронному), то оба языка (исходный и целевой) играют равноправную роль в учебном процессе.

В дидактическом плане перевод как методический прием ценен тем, что способствует активизации творческой деятельности обучающихся и создает условия для преодоления межъязыковой интерференции, возникающей на подсознательном уровне вследствие устойчивых автоматизмов, сформированных в процессе овладения родным языком. Признавая дидактическую значимость и необходимость использования перевода в процессе обучения иностранным языкам, автор статьи придерживается точки зрения, согласно которой перевод должен быть интегрирован в комплексную систему обучения, учитывающую конкретные цели и задачи обучения, этап обучения, возрастные характеристики обучаемых и их индивидуальные потребности.

На основе собственного опыта могу сказать, что использование сопоставительного анализа и исторического подхода при обучении сербов русскому языку как иностранному имеет большой потенциал. Этот интегрированный метод не только обеспечит активное владение русским языком и развитие коммуникативных навыков, что является ключевой целью в обучении иностранным языкам, но и, что особенно важно, позволит русскоязычным учащимся одновременно изучать сербский язык, используя те же самые учебные материалы.

В контексте современной методики преподавания РКИ обращение к родному языку обучающихся или языку-посреднику (при условии их паритетного использования)

признается дидактически оправданным и целесообразным при условии, что оно способствует оптимизации учебного процесса. Наиболее актуальным и обоснованным данный подход представляется на начальных этапах обучения, однако и на среднем, и на продвинутом этапах родной язык обучающихся сохраняет свою значимость как в рамках самостоятельной подготовки к занятиям, так и в процессе непосредственного взаимодействия в аудитории. Полное исключение родного языка из образовательного процесса представляется не только неэффективным и лишенным перспектив, но и потенциально способным замедлить прогресс обучающихся, снизить содержательную насыщенность учебного материала и даже спровоцировать возникновение состояния фрустрации.

Библиографический список

1. Врховец Ю. Перевод снова в обучении иностранному языку // Перевод: современные течения и тенденции. Загреб: Хорватское общество прикладной лингвистики, 1995. С. 85–92.
2. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. ТЕОРИЯ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ: ЛИНГВОДИДАКТИКА И МЕТОДИКА. — М.: Академия, 2004. – 336 с.
3. Кузибоева Р.Ш. Методика преподавания русского языка как иностранного и ее связь с другими науками // International Journal of Science and Technology – 2025, Сер. 02, № 08 с. 38–40.
4. Раичевич В. Перевод в преподавании иностранных языков — функции, место и задачи // Славистика. Белград, 2016. Выпуск XX. С. 388–393.
5. Станкович Б. О перспективах русистики в славянском мире // Русский язык как инославянский. Белград, 2010. Выпуск II. С. 14–23.
6. Терзич Б. Лингвистические основы сопоставительного метода профессора Радована Кошутича // Русский язык за рубежом. 1972. № 1. С. 65–66.
7. Точанац Д. Коммуникативный подход и методы АВГС // Сборник трудов первой конференции «Живые языки: обучение / преподавание языков — коммуникативный подход и подготовка преподавателей». 1990. С. 95–98.
8. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

References in Roman script

1. Vrhovec Ju. Perevod snova v obuchenii inostrannomu jazyku // Perevod: sovremennye techenija i tendencii. Zagreb: Khorvatskoe obshchestvo primenennoj lingvistiki, 1995. S. 85–92.
2. Gal'skova N. D., Gez N. I. Teorija obuchenija inostrannym jazykam: lingvodidaktika i metodika. — M.: Akademija, 2004. — 336 s.
3. Kuziboeva R. Sh. Metodika prepodavanija russkogo jazyka kak inostrannogo i ee svjaz' s drugimi naukami // International Journal of Science and Technology – 2025, Ser. 02, # 08 s. 38–40
4. Rajichevich V. Perevod v prepodavanii inostrannykh jazykov — funkcii, mesto i zadachi // Slavistika. Beograd, 2016. Vyp. XX. S. 388–393.
5. Stankovich B. O perspektivah rusistiki v slavjanskom mire // Russkij jazyk kak inoslavjanskij. Belgrad, 2010. Vypusk II. S. 14–23.
6. Terzich B. Lingvisticheskie osnovy sopostavitel'nogo metoda professora Radovana Koshuticha // Russkij jazyk za rubezhom. 1972. # 1. S. 65–66.
7. Tochaanats D. Kommunikativnyj podkhod i metody AVGS // Sbornik trudov pervoj konferencii «Zhivye jazyki: obuchenie / prepodavanie jazykov — kommunikativnyj podkhod i podgotovka prepodavatelej». 1990. S. 95–98.
8. Shherba L. V. Jazykovaja sistema i rechevaja dejatel'nost'. L., 1974.

References

1. Vrhovec, Yu. (1995). Translation again in foreign language teaching. In Translation: contemporary currents and tendencies (pp. 85–92). Zagreb: Croatian Association for Applied Linguistics. (In Russian).

2. Galskova N.D., Gez N.I. Theory of Teaching Foreign Languages: Linguodidactics and Methodology. Moscow: Akademiya, 2004. 336 p. (In Russian).
3. Kuziboeva R.Sh. Methods of Teaching Russian as a Foreign Language and Its Relation to Other Sciences. International Journal of Science and Technology, 2025, Ser. 02, No. 08, pp. 38–40. (In Russian).
4. Rajichevich, V. (2016). Translation in foreign language teaching: functions, place and tasks. Slavistics, vol. XX, pp. 388–393. Belgrade. (In Russian).
5. Stankovich B. On the Perspectives of Russian Studies in the Slavic World. In: Russian Language as Interslavic, Belgrade, 2010, Vol. II, pp. 14–23. (In Russian).
6. Terzich B. Linguistic Foundations of the Comparative Method of Professor Radovan Košutić. Russian Language Abroad, 1972, No. 1, pp. 65–66. (In Russian).
7. Tocanac, D. (1990). Communicative approach and AVGS methods. In Proceedings of the First Conference "Living Languages: Language Learning/Teaching – Communicative Approach and Teacher Education" (pp. 95–98). (In Russian).
8. Shcherba L.V. Language System and Speech Activity. Leningrad, 1974. (In Russian).

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА

УДК 81. 255

Милосердова Яна Олеговна
студент, делопроизводитель
Государственный университет просвещения
Россия, г. Москва
e-mail: yanamiloserdova382@gmail.com

Miloserdova Yana Olegovna
Clerk, Student,
State University of Education
Russia, Moscow
e-mail: yanamiloserdova382@gmail.com

Я. О. Милосердова

ОСОБЕННОСТИ РЕЦЕПЦИИ СТИХОТВОРЕНИЯ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «И СКУЧНО И ГРУСТНО» В ПЕРЕВОДЕ ЛЮДМИЛА СТОЯНОВА

Аннотация. Михаил Юрьевич Лермонтов воспринимается болгарами как один из величайших мировых поэтов, что обусловило существенный корпус переводов его наиболее значимых произведений, в том числе стихотворения «И скучно и грустно», 1840 г. Среди переводов рассматриваемого стихотворения особо выделяется перевод Людмила Стоянова, вошедший в самое полное издание произведений Лермонтова в Болгарии – четырехтомное собрание под редакцией профессора Георгия Германова. Сравнение оригинального текста и перевода обращает наше внимание на смысловые сдвиги, которые становятся заметными при анализе изменений на уровне лексики – замена синонимами; выбор близкого по значению слова, но не аналога, а также на уровне синтаксиса – распространенное предложение может заменяться нераспространенным и пунктуации – изменение знаков препинания.

Ключевые слова: поэтический перевод, художественный образ, болгарская культура, рецепция

Для цитирования: Милосердова Я.О. Особенности рецепции стихотворения М.Ю. Лермонтова «И скучно и грустно» в переводе Людмила Стоянова. *Русистика без граници. Международно научно списание,* 2025, Том IX, кн. 3, С. 100 – 106.

Y.O. Miloserdova

FEATURES OF THE RECEPTION OF M.Y. LERMONTOV'S POEM «BOTH BORING AND SAD» TRANSLATED BY LYUDMIL STOYANOV

Abstract. Mikhail Yuryevich Lermontov is perceived by Bulgarians as one of the world's greatest poets, which led to a substantial body of translations of his most significant works, including the poem «Both Boring and Sad», 1840. Among the translations of the poem in question, Lyudmila Stoyanov's translation stands out, which is included in the most complete edition of Lermontov's works in Bulgaria – a four-volume collection edited by Professor Georgy Germanov. A comparison of the original text and the translation draws our attention to semantic shifts that become noticeable when analyzing changes at the vocabulary level – replacement by synonyms; choosing a word that is close in meaning, but not an analog, at the level of syntax – a common sentence can be replaced by a non-common one and punctuation – changing punctuation marks.

Keywords: poetic translation, artistic image, Bulgarian culture, reception

For citation: Miloserdova Y.O. Features of the reception of M.Y. Lermontov's poem «Both boring and sad» translated by Lyudmil Stoyanov. *Russian Studies without Borders. International scientific Journal*, 2025, Vol. IX, Iss. 3, pp. 100 – 106.

…

Взаимодействие славянских культур является значимым в историко-литературном процессе. Болгары не раз отмечали, что становление болгарской национальной литературы в период после освобождения происходило под влиянием русских писателей. «Лермонтовские влияния, как следствия контактных связей, были влияниями выдающегося представителя романтизма, но не замкнувшегося в нем, а ярко проявлявшего себя и художником реалистического склада, мастером психологической прозы, тонким аналитиком сложных человеческих характеров и отношений» [5, с. 22].

Интересным для анализа представляется перевод стихотворения «И скучно и грустно» как одного из самых значимых. Для рассмотрения выбран перевод, сделанный Людмилом Стояновым (Рис. 1).

Рис 1

Именно этот перевод вошел в наиболее полное собрание сочинений М.Ю. Лермонтова на болгарском языке (под редакцией Георгия Германова):

Досадно и тежко… Кому ли ръка би подал
В миг на мъка душевна и грижа…
Желания! Вечно, напусто – какво би желал?
А дните летят и години се нижат…

Да любишь? Кого ли? До време – не струва труда,
А вечно е пък невъзможно…
Във себе си взреш се – от минало нито следа,
И радост, и мъка – така са ничтожни.

А страстите? С дните топи се и техният чар,
пред хладния разум исчезват,
Живота погледнеш ли тъй без лишен възторг,
И без жар, Той е само шега безполезна. [3, с. 306]

«***Досадно и тежко***» – примечательно, что начало первой строки (и название), на первый взгляд не претерпевает больших изменений, однако Стоянов делает выбор в пользу синонима наречию *скучно* – ***досадно***, что смещает акцент на внутреннюю обиду, расстройство от чего-то. Также создается впечатление, что это именно реакция лирического героя на происходящее. ***Тежко*** не является дословным переводом *грустно*, ***тежко*** – *тяжело*. Такой выбор переводчика особо подчеркивает, что лирический герой с трудом, с обидой воспринимает и проживает происходящее. В то же время такая интерпретация больше указывает на негативное восприятие действительности, когда как оригинал настраивает нас на меланхолично-философские размышления о вечных жизненных вопросах: желания, любовь, страсти. Касаемо страстей важно привести замечание И.А. Киселевой, которая полагает, что страсть следует понимать как «проявление стихии любви, которая не очищена от демонических веяний» [2, с. 59]. Получается, что переводной вариант уже названием и началом первой строки уводит нас от важных для поэзии Лермонтова размышлений и воззрений, так как утрачивается мотив внутреннего страдания, а «страдания есть прикрытые страсти, они очищают стихийность человеческого духа, являются залогом человеческого спасения» [там же]. Также считаем необходимым обратить внимание на то, что в оригинале вынесены слова категории состояния *скучно*, *грустно* с помощью повтора союза – *и скучно, и грустно*, что делает их равноправными, союзы стилистически помогают сделать акцент на каждой характеристике, переводной вариант исключает подобное акцентирование, так как остается лишь один соединительный союз *и*.

Лермонтовское *и некому руку подать* заменяется на ***кому ли ръка би подал***, изменение местоимения приводит к существенному смысловому сдвигу. В оригинале *некому* указывает на одиночество лирического героя, полное отсутствие тех, кому можно подать руку, перевод искажает восприятие – вопросительное местоимение ***кому*** указывает на возможность, создается впечатление, что есть те, кому можно подать руку, вопрос лишь в том – кому, кто достоин того, чтобы ему протянули руку. Такая замена приводит к утрате смысловой доминанты лермонтовского произведения. Мотив внутреннего сиротства был отмечен В.Н. Аношкиной: «В лермонтовском человеке, одиноком сироте, обнаруживается самокритическое сознание <…> он начинает видеть гибельность страстей» [3, с. 442]. Перевод искажает восприятие, первоначальный смысл лермонтовских строк теряется.

Примечательной для анализа является и выбранная форма глагола ***би подал***. В оригинале находим констатацию факта – *некому подать*. Стоянов делает выбор в пользу сослагательного наклонения, форма которого распространена в Болгарии для обозначения возможности, готовности или желания что-либо сделать. Так, с одной стороны, данная форма коррелируется с выбранным переводчиком местоимением – лирический герой может подать кому-либо руку. С другой стороны, именно эта форма привлекает внимание читателя к тому, что есть возможность, готовность, даже желание, но все это невозможно. Использование конструкции сослагательного наклонения в переводном варианте опосредованно делает акцент на неизбежности одиночества, лирический герой не может никому протянуть руку.

Также обратим внимание на знаки препинания первых двух строк. Лермонтов одним предложением описывает душевное состояние, в переводе видим два предложения, разделенных многоточием. Так, переводчик выделяет *досадно и тежко*, акцентируя внимание на состоянии, при этом уже не так ощущается связь между категорией состояния и обстоятельством – *в минуту душевной невзгоды*. У Лермонтова это прямая связь, которую болгарин не передает.

В минуту душевной невзгоды Людмил Стоянов видоизменяет, получается ***В миг на мъка душевна и грижа***. Минута заменяется мигом, что укорачивает момент протекания действия, также минута имеет количественное значение, отсутствующее у мига, при этом ослабевает мотив внутренней грусти за счет того, что миг практически неуловим, слишком скоротечен.

Если обратимся к словарю В.И. Даля, то найдем следующее значение лексемы ‘невзгода’ – «беда, несчастье, напасть, многая неудача» [1: URL], переводчик не находит точного аналога (так как болгарское слово несгода ближе к неволе/неудобству), делает выбор в пользу расширения и уточнения: ***на мъка душевна и грижа*** – *муки душевной и заботы*. В оригинальном варианте акцент делает на внешней причине, которая приводит лирического героя к внутренним переживаниям, а в переводном варианте остается лишь факт душевных переживаний, к которым присоединяется некая забота. Вариант Стоянова оказывается ближе к чему-то житейскому и обыденному.

Следующая лермонтовская строка также претерпевает изменения в переводе Людмила Стоянова. Упускается переводчиком многоточие, которое характерно для предложений, не раскрывающих в полной мере содержание. Лермонтов дает шанс задуматься над тем, что скрывается под желаниями. В варианте Стоянова это опущено, передается лишь интонация восклицания. Следующее предложение у Стоянова имеет другое строение, однако полно передает смысл, заложенный в оригинале. Конструкция ***какво би желал*** имеет глагольную форму сослагательного наклонения, характерного у болгар для передачи условного, события невозможного, нереального, с оттенком сожаления. Такой вариант позволяет не переводить дословно (мы не находим ***что пользы***), при этом сохраняется вектор движения мысли – зачем постоянно просто так желать. Отметим, что лексема ***напусто*** в современном болгарском языке считается диалектной, что снижает общий возвышенный тон. Лермонтовское *годы летят* в переводном варианте изменяется: ***дните летят*** – *дни летят*, при этом видим ***години се нижат*** – *годы движутся один за другим*. Так, переводчик добавляет свою мысль: год состоит из дней, каждый пролетевший незаметно день составляет часть большего, акцентируется внимание на значимости каждого мгновения, дня.

Второе четверостишие не подвергается значительным изменениям, однако можно выделить некоторые смысловые переходы. Лермонтовское, *но кого же* переводчиком передается как ***кого ли***. Выбор другой частицы можем объяснить тем, что в болгарском языке отсутствует точный аналог усилительной частицы *же*, однако для болгарского литературного языка при вопросительных конструкциях характерна частица ***ли***, она привычна и продуктивна. Такой выбор позволяет адаптировать лермонтовскую вопросительную конструкцию под привычное восприятие для болгар, при этом утрачивается конкретизация: в оригинале *же* указывает на то, что выбрать из кого-то можно, ***ли*** не передает такую возможность. В оригинале после *любить* идет многоточие, после которого поэт продолжает мысль – задается вопросом, начиная с союза *но*. В переводе опущен союз и многоточие заменяется на вопросительный знак. Единство риторического вопроса оригинального текста не передано переводом. Стоянов в предложении ***А вечно е пък невъзможно…*** смыслово выделяет ***невъзможно*** с помощью частицы ***пък***, которая в болгарском языке служит для выделение значения слова, при этом опускается *любить*. Также обратим внимание на то, что вместо точки Людмил Стоянов использует многоточие. Так, Лермонтов констатирует факт, подчеркивая, что вечно любить невозможно, в переводном варианте утрачивается эта категоричность, появляется мотив рассуждения, сомнения. В следующей строке переводчик опускает вопросительный знак, опускается и частица ***ли*** в силу того, что это уже не вопросительная конструкция, из-за этого создается прямая причинно-следственная

связь: ***Във себе си взреш се – от минало нито следа*** *– заглянешь в себя – от прошлого нет следа*. В оригинале дается пояснение следу прошлого, которое передается с помощью двоеточия, после которого идет пояснение. У Лермонтова к прошлому относятся радость, муки. Перевод это уточнение не передает, утрачивается связь между прошлым и его составляющими. Также переводной вариант ограничивает восприятие, создает лишь два вектора восприятия (радость, мука). Получается, Лермонтов указывает на то, что все что в прошлом уже не имеет значения, переводной вариант акцентирует внимание на другом: ***И радост, и мъка – така са ничтожни*** *– И радость, и мука – так ничтожны*. Так как прямая связь в переводе уже не так ощутима, создается впечатление, что все что было в прошлом по определению ничтожно. А использование единственного числа у существительных ***радост, мъка*** указывает нам на полярное восприятие: хорошее и плохое. В этом предложении Л. Стоянов делает выбор в пользу точки вместо оригинального многоточия, из-за этого снижается философское начало размышления, оно более конкретно и категорично.

В третьем четверостишии наблюдаем больше изменений. Лермонтов задает вопросительную формулу с помощью местоимения *что*, которое указывает на желание говорящего получить определенную информацию, конкретный ответ, в переводе Стоянов делает выбор в пользу союза ***а***, который не подразумевает конкретизации, а служит для усиления выразительности, при это используется членная форма ***-те***, которая указывает на определенность. Следующие строчки переводчик полностью меняет, лишь отдаленно сохраняя смысл. Так, в переводе видим ***С дните топи се и техният чар, / пред хладния разум исчезват*** *– С днями тает и их очарование, / перед холодным разумом изчезают*. В оригинале есть уверенность в том, сладкий недуг страстей когда-нибудь исчезнет, переводной вариант отражает медленное исчезание очарования страстями, при этом нет убежденности в том, что оно исчезнет насовсем. Сладкий недуг заменен Стояновым на ***чар*** – очарование, что акцентирует внимание на внутреннем состоянии лирического героя, который находится под действием некой волшебной силы. Такая передача придает ирреально-мистическую коннотацию. Лермонтов особо подчеркивает значение слова, через которое рассудок победит страсти, что соответствует «мыслительному этапу наблюдения» [6: 11]. Отметим, что поэт выбирает именно рассудок, с которым связывается постижение земного, конечного. Стоянов при переводе выбирает разум, сущность которого соотносится с бесконечным, божественным. Также важно определение, которое появляется в болгарском тексте, – ***хладния***. *Холодный разум*, именно перед ним исчезают страсти. Перевод направляет нас на мысль о том, что даже неохватный разум должен быть объективным, только так человек не попадет под действия чар страстей или же сможет с ними справиться. Лермонтовское ***холодное вниманье*** болгарином передано иначе – *без лишен възторг*, так оригинал указывает на рациональное восприятие, когда как перевод лишен этого, появляется мотив эмоционального восприятия. Лермонтов тяготеет к объективному восприятию, Стоянов отдаляет от этого перевод, привнося субъективизм, присущий эмоциональной стороне. Еще больше это усиливает деталь ***и без жар***, которую можно трактовать в переносном значении как страсть (отсутствие страстей). Переводчик наполняет эти строки внутренними переживаниями, которые зависят от характера субъекта. Лермонтов дает две характеристики жизни через сравнение с шуткой: пустая и глупая. В этом случае прилагательные могут быть контекстуальными синонимами, семантическое значение которых сводится к никчемности и бесцельности. Людмил Стоянов передает этот смысл одним прилагательным – ***безполезна***.

Анализ особенностей понимания стихотворения М.Ю. Лермонтова «И скучно и грустно…» в болгарском переводе Людмила Стоянова показывает, что общая смысловая

структура не подвергается большим изменениям, при этом определенные детали опускаются, добавляются или видоизменяются. Так, уже в первой строке мы находим оттенок внутренней обиды лирического герой (***досадно и тежко***), также здесь переводчик меняет пунктуационную сторону, отсутствие повторяющего союза ***и*** лишает перевод акцентировки равнозначности слов категории состояния. В первом четверостишии перевода обращено внимание на неизбежности одиночества, лирический герой не может никому протянуть руку, что не настолько прямо указано в оригинале. Во втором четверостишии отмечаем лишь некоторое смысловое смещение, при этом Стоянов в третьем четверостишии некоторые строчки меняет полностью, выбирая другие формулировки, хоть и близкие по смыслу, что не искажает передачу оригинала.

Библиографический список

1. Даль В.И. Толковый словарь. – https://gufo.me/dict/dal
2. Киселева, И. А. Творчество М.Ю. Лермонтова как религиозно-философская система / И. А. Киселева. – 2-е издание, исправленное и дополненное. – Москва: Московский государственный областной университет, 2017. – 178 с. – ISBN 978-5-7017-2853-8. – EDN XRIDCP.
3. Лермонтов М.Ю. Избрани произведения. Т. 1, лирика. – Народна култура. София, 1966 – 372 с.
4. М.Ю. Лермонтов : Энциклопедический словарь / И. А. Киселева, М. С. Крутова, Т. А. Алпатова [и др.]. – Москва : Издательство "Индрик", 2014. – 940 с. – ISBN 978-5-91674-311-1. – EDN UIEUAH.
5. М.Ю. Лермонтов в культуре западных и южных славян: Тезисы международной научной конферен-ции: 5-6 ноября 2013 г. / Отв. редактор Л.Н. Будаго-ва. — М.: ИСл РАН, 2013. — 96 с.
6. Поташова К.А. Влияние живописи на эстетический идеал русской поэзии первой трети XIX века : А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Поташова Ксения Алексеевна; [Место защиты: Моск. гос. обл. ун-т]. - Москва, 2015. - 22 с.

References in Roman script

1. Dal` V.I. Tolkovy`j slovar`. – https://gufo.me/dict/dal
2. Kiseleva, I. A. Tvorchestvo M.Yu. Lermontova kak religiozno-filosofskaya sistema / I. A. Kiseleva. – 2-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe. – Moskva : Moskovskij gosudarstvenny`j oblastnoj universitet, 2017. – 178 p. – ISBN 978-5-7017-2853-8. – EDN XRIDCP.
3. Lermontov M.Yu. Izbrani proizvedeniya. T. 1, lirika. – Narodna kultura. Sofiya, 1966 – 372 p. (In Bulgarian).
4. M.Yu. Lermontov : E`nciklopedicheskij slovar` / I. A. Kiseleva, M. S. Krutova, T. A. Alpatova [i dr.]. – Moskva : Izdatel`stvo Indrik, 2014. – 940 p. – ISBN 978-5-91674-311-1. – EDN UIEUAH.
5. M.Yu. Lermontov v kul`ture zapadny`x i yuzhny`x slavyan: Tezisy` mezhdunarodnoj nauchnoj konferen-cii: 5-6 noyabrya 2013 g. / Otv. redaktor L.N. Budago-va. — M.: ISl RAN, 2013. — 96 p.
6. Potashova K.A. Vliyanie zhivopisi na e`steticheskij ideal russkoj poe`zii pervoj treti XIX veka : A.S. Pushkin i M.Yu. Lermontov : avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskix nauk : 10.01.01 / Potashova Kseniya Alekseevna; [Mesto zashhity`: Mosk. gos. obl. un-t]. - Moskva, 2015. - 22 p.

References

1. Dahl V.I. Explanatory dictionary. – https://gufo.me/dict/dal (In Russian).
2. Kiseleva, I. A. Lermontov's creativity as a religious and philosophical system / I. A. Kiseleva. – 2nd edition, revised and expanded. – Moscow : Moscow State Regional University, 2017. – 178 p. – ISBN 978-5-7017-2853-8. – EDN XRIDCP. (In Russian).
3. Lermontov M. Yu. Selected works. T.1, Lyrics. – Sofia: Popular culture. – 1966. – 372 p. (In Bulgarian).

4. M.Y. Lermontov : An encyclopedic dictionary / I. A. Kiseleva, M. S. Krutova, T. A. Alpatova [et al.]. – Moscow : Indrik Publishing House, 2014. – 940 p. – ISBN 978-5-91674-311-1. – EDN UIEUAH. (In Russian).
5. M.Y. Lermontov in the culture of the Western and Southern Slavs: Abstracts of the international scientific conference: November 5-6, 2013 / Editor-in-chief L.N. Budago-va. Moscow: ISl RAS, 2013. 96 p. (In Russian).
6. Potashova K.A. The influence of painting on the aesthetic ideal of Russian poetry in the first third of the 19th century : A.S. Pushkin and M.Y. Lermontov : abstract of dissertation of Candidate of Philological Sciences : 10.01.01 / Potashova Kseniya Alekseevna; [Place of defense: Moscow State Regional University]. - Moscow, 2015. - 22 p. (In Russian).

ХРОНИКА

УДК 378.18

Перескокова Анастасия Андреевна
студент
Самарский государственный социально-педагогический университет
Россия, г. Самара
e-mail: pereskokova.a@sgspu.ru

Клюшина Алёна Михайловна
доктор филологических наук, доцент
Самарский государственный социально-педагогический университет
Россия, г. Самара
e-mail: klyushina@pgsga.ru

Pereskokova Anastasia Andreevna
Student
Samara State University of Social Sciences and Education
Russia, Samara
e-mail: pereskokova.a@sgspu.ru

Klyushina Alyona Mikhailovna
Associate Professor, Dr. Sc. (Philology)
Samara State University of Social Sciences and Education
Russia, Samara
e-mail: klyushina@pgsga.ru

А.А. Перескокова, А.М. Клюшина

СТУДЕНЧЕСКОЕ НАСТАВНИЧЕСТВО КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ СТУДЕНТОВ

Аннотация. Настоящая статья посвящена описанию системы студенческого наставничества как эффективного инструмента личностного развития студентов на примере факультета иностранных языков ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет» в 2023–2024 учебном году. Авторы рассматривают теоретические и исторические основы наставничества, раскрывают особенности организации системы студенческого наставничества в условиях высшего учебного заведения, подчеркивают значение студенческого наставничества в процессе адаптации первокурсников к университетской среде, а также описывают конкретную модель студенческого наставничества, реализованную в 2023–2024 учебном году, для которой представлен план мероприятий и дана оценка их эффективности. Основная цель настоящей работы – охарактеризовать модель студенческого наставничества, которая была организована и реализована в 2023–2024 учебном году на факультете иностранных языков ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет».

Ключевые слова: наставничество, студенческое наставничество, адаптация первокурсников, личностное развитие, кураторство, личностное развитие, наставник, университетская среда

Для цитирования: Перескокова А.А., Клюшина А.М. Студенческое наставничество как эффективный инструмент личностного развития стуентов. *Русистика без граници. Международно научно списание.* – София, 2025, Том IX, кн. 3, С. 107 – 114.

A.A. Pereskokova, A.M. Klyushina

STUDENT MENTORING AS AN EFFECTIVE TOOL FOR STUDENTS' PERSONAL DEVELOPMENT

Abstract. This article is devoted to the study of the student mentoring system as an effective tool for the personal development of students, using the Faculty of Foreign Languages at Samara State University of Social Sciences and Education as a case study. The authors examine the theoretical and historical foundations of mentoring, reveals the specifics of its organization within a higher education institution, emphasizes the importance of student mentoring in the process of first-year students' adaptation to the university environment, and also describes a specific mentoring model implemented

during the 2023–2024 academic year, providing an event plan and an assessment of its effectiveness. The main goal of this study is to characterize the student mentoring model that was organized and implemented in the 2023–2024 academic year at the Faculty of Foreign Languages of Samara State University of Social Sciences and Education.

Keywords: mentoring, student mentoring, first-year student adaptation, personal development, curatorship, personal development, mentor, university environment

For citation: Pereskokova A.A., Klyushina A.M. Student mentoring as an effective tool for students' personal development. *Russian Studies without Borders. International scientific Journal.* – Sofia, 2025, Vol. IX, Iss. 3, pp. 107 – 114.

История наставничества берет начало в XIV веке, когда в Оксфордском университете в Великобритании было официально введено *тьюторство* [1, с. 158]. Неформальные формы наставничества существовали задолго до появления образовательных учреждений. Даже в первобытных сообществах можно было наблюдать упрощенные формы наставничества [1, с. 156]. Люди до формирования определения «наставничество» обучали детей выполнять различные обязанности и обряды, понимать символы племени и передавать ценности. Освоение новых знаний и жизненных навыков без помощи наставников было невозможно, что сделало наставничество важной частью цивилизационного процесса. С развитием человечества изменениям подвергались функции и сферы применения наставничества, но из поколения в поколения именно передача знаний от более опытного человека к менее опытному оставалась важнейшим звеном.

Одним из наиболее значимых этапов жизни человека является поступление в вуз, что знаменует переход от детства к самостоятельной взрослой жизни. Этот процесс включает как завершение этапа физического созревания, так и достижение социальной зрелости. Молодые люди начинают задумываться о своем месте в обществе и строить планы относительно будущего [8, с. 92].

Поступая в высшее учебное заведение, человек приобретает статус студента. Согласно Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации» *студентом* являются лица, осваивающие образовательные программы среднего профессионального образования, программы бакалавриата, программы специалитета или программы магистратуры [9].

Проблема адаптации студентов-первокурсников к условиям обучения в вузе представляет собой одну из важных проблем. При этом период адаптации может занимать от пары месяцев до целого учебного года, что зависит от индивидуальных особенностей каждого. Адаптация молодежи к студенческой жизни – сложный и многогранный процесс, требующий вовлечения социальных и биологических резервов еще не до конца оформившегося организма.

Особая роль в адаптации первокурсников принадлежит кураторам и наставникам, которые оказывают помощь первокурсникам в трудных ситуациях с первых дней пребывания, помогая им успешно войти в студенческое сообщество (группы, факультета, вуза в целом), в учебный процесс в условиях нового ученического и педагогического коллектива. Наставничество – это универсальная технология передачи опыта, знаний, формирования навыков, компетенций, мета компетенций и ценностей через неформальное взаимообогащающее общение, основанное на доверии и партнерстве [7, с. 21]. В данной практике акцент делается на наставниках – студентах старших курсов, для которых наставничество – это поручение, основанное на принципе добровольности, социальной справедливости и согласования интересов всех участников, ответственности партнеров друг перед другом. Для успешной реализации системы

студенческого наставничества следует помнить, что данный процесс затрагивает интересы трех субъектов взаимодействия: студента первого курса, студента-наставника и образовательной организации. Для студента первого курса наставничество представляется в виде возможности обретения старшего товарища, друга, готового всегда помочь и поделиться своим опытом. Для студента-наставника наставничество открывает широкий спектр возможностей реализации своего потенциала, личностного развития и повышения уровня сформированности профессиональных компетенций. Наставничество для образовательной организации, помимо непосредственной пользы, позволяет улучшить взаимодействие между студентами разных курсов, обеспечить некую преемственность в студенческой среде, что, в конечном счёте, позволяет сформировать студенческое «братство» с традициями и обычаями.

В 2023–2024 учебном году впервые на факультете иностранных языков Самарского государственного социально-педагогического университета была разработана и успешно реализована система наставничества. Группа инициативных студентов совместно с сотрудниками деканата факультета иностранных языков принялись за реализацию идеи: задумка была в том, чтобы у каждой академической группы был свой наставник – студент старшего курса, который мог бы ответить на все вопросы и помочь адаптироваться к самостоятельной студенческой жизни.

Основными задачами работы системы студенческого наставничества на факультете иностранных языков Самарского государственного социально-педагогического университета являются следующие:

- помощь в адаптации студентов первого курса;
- помощь первокурсникам в реализации своих интересов в рамках внеучебной деятельности;
- помощь в поиске мотивации к ведению успешной учебной деятельности;
- поддержка дисциплины в университете.

Для реализации намеченных планов был разработан план организации системы студенческого наставничества, дополняющийся и по настоящий момент. Основные мероприятия и их описание представим в таблице.

Дата	Название	Описание мероприятия
30.08.2023	Организационное собрание первокурсников.	Знакомство с университетом. Организация экскурсий наставниками по учебному корпусу.
01.09.2023	День знаний	Торжественное мероприятие, приуроченное ко Дню Знаний, для студентов 1 курса.
04.09.2023-08.09.2023	Тренинг-знакомство с академической группой	Обучающиеся проходят тренинг на знакомство с игровыми элементами.
11.09.2024-15.09.2024	Информационное собрание для академических групп о культуре общения в университете	Разъяснение правил поведения в университете, знакомство с системой оценки, обучения в университете и сравнение системы образования в школе и университете.
18.09.2023	Адаптационный Выезд Первокурсников ФИЯ 2023	Первокурсники знакомятся друг с другом, выходя за рамки академической группы и взаимодействуя со всем курсом; принимают участие в подвижных играх на свежем воздухе и увлекательных мероприятиях.
25.09.2023-29.09.2023	Тренинг на сплочение и на выявление лидера группы в неформальной обстановке.	В игровом формате наставники выявляют сильные и слабые личности в коллективе с целью помочь им развить необходимые качества

28.09.2023	Фестиваль студенческих объединений для студентов 1 курса СГСПУ	Студенты 1 курса знакомятся со студенческими объединениями СГСПУ
12.10.2023	Экскурсия по г. Самара для студентов 1 курса	Сопровождение наставниками группы иногородних первокурсников факультета для ознакомления с городом их проживания
16.10.2023-27.10.2023	Неформальные встречи с академическими группами	В комфортной и спокойной обстановке первокурсники ии наставники делятся впечатлениями об обучении. Кураторы-студенты делятся наставлениями, помогают студентам решать любую сложную ситуацию в рамках коллектива и за его пределами
15.11.2023-17.11.2023	Информационные собрания для академических групп с разъяснением правил прохождения промежуточной аттестации (сессии)	Информирования студентов об особенностях и требованиях, связанных с первым этапом оценки полученных знаний - промежуточной аттестацией
10.02.2024	Подведение итогов 1 учебного семестра	Оценка достижений первокурсников за прошедший период
01.04.2024-05.04.2024	Участие первокурсников в школе профсоюзного актива СГСПУ «Крылья» по направлению «Флагманы наставничества»	Агитация и участие первокурсников в трехдневном лагере-семинаре, направленном на развитие лидерских качеств и активной позиции среди студентов
Май 2024г.	Итоговое собрание наставника с академической группой, подведение итогов работы, рефлексия	Встреча наставников и академических групп, на которой подводятся итоги работы за учебный период и осуществляется рефлексия достигнутых результатов.
В течение года	Помощь в организации проведении цикла мероприятий «Разговоры о Важном» для студентов 1 курса совместно с заместителем декана ФИЯ по воспитательной работе	Участие в цикле мероприятий, направленных на обсуждение актуальных тем, способствующих развитию у студентов гражданского сознания и социальной ответственности
Ежемесячно	Собрания руководителя наставничества с наставниками академических групп	Собрания, направленные на координацию и улучшение работы наставников в образовательном и внеучебном процессе

Таблица.
План работы системы студенческого наставничества на факультете иностранных языков Самарского государственного социально-педагогического университета в 2023–2024 учебном году

Представим некоторый комментарий указанных мероприятий. На начальном этапе обучения первокурсники сталкиваются с необходимостью адаптации к студенческой жизни, что может быть сложным процессом. К таким мероприятиям можно отнести тренинг-знакомство с академической группой, адаптационный выезд первокурсников и др. Именно эти мероприятия на первых этапах обучения первокурсников в университете дают возможность наставникам академических групп создать условия для знакомства, сплочения студентов 1 курса, что значительно облегчает период адаптации.

ФОТО 1. АДАПТАЦИОННЫЙ ВЫЕЗД ПЕРВОКУРСНИКОВ 2023

Наставники помогают новоиспеченным студентам освоиться в университете, предоставляя поддержку и информацию об учебном процессе, а также о внеурочной деятельности. Это взаимодействие формирует у студентов чувство принадлежности к университетскому сообществу и способствует их интеграции в коллектив. Несомненно, наставники академической группы стали отличными помощниками кураторов академических групп, и работают вместе с единой целью – обеспечить плавный переход школьника в студенчество и помочь ему успешно выполнять свои студенческие обязанности.

Отметим, что наставничество включает организационную, методическую и психолого-педагогическую помощь. Наставники помогают студентам решать первоочередные проблемы, с которыми они сталкиваются, что особенно важно в начале их учебного пути. Такой вид деятельности был реализован при проведении неформальных встреч с академической группой, в рамках которых студенты 1 курса делятся своими переживаниями, эмоциями от первых месяцев пребывания в университете и задают актуальные вопросы старшему наставнику. Задача наставника – обеспечить комфортное пребывание студентов в университете, в связи с чем он всегда приходит на помощь своим подопечным в любых ситуациях, будь то ориентирование в неизвестном корпусе или же межличностные недопонимания между студентами.

ФОТО 2. ВСТРЕЧА АКАДЕМИЧЕСКОЙ ГРУППЫ ФИЯ-Б23АНО1.1 В НЕФОРМАЛЬНОЙ ОБСТАНОВКЕ

Кроме академической поддержки, система студенческого наставничества способствует социальной интеграции студентов через участие в культурно-массовых мероприятиях и волонтерских проектах. Такими мероприятиями стали Студенческий дебют, фестиваль студенческих объединений для студентов 1 курса и многие другие. Развитие мягких навыков, преодоление собственных страхов и реализация себя в том, что интересно — отличная возможность показать себя и свои таланты в университете для студентов 1 курса. Это не только развивает социальные навыки, но и укрепляет связи между студентами разных курсов, что важно для создания дружеской атмосферы на факультете.

ФОТО 3. СТУДЕНЧЕСКИЙ ДЕБЮТ 2023

Подведем итоги. В настоящей статье представлен некоторый опыт организации и реализации системы студенческого наставничества на факультете иностранных языков Самарского государственного социально-педагогического университета. Анализ проведенных мероприятий позволяет отметить, что студенты 1 курса факультета иностранных языков успешно адаптировались и стали заинтересованными участниками учебного процесса как на факультете, так и на уровне университета. В 2024–2025 учебном году многие из них, будучи второкурсниками, успели проявить себя в различных направлениях урочной и внеурочной деятельности, и студенты связывают свои успехи с регулярной поддержкой и систематическими мероприятиями, проводимыми их наставниками, что по сей день позволяет нашим студентам успешно развиваться и развивать пространство вокруг себя. Система студенческого наставничества – отличная возможность помочь старшим школьникам, едва пришедшим в ВУЗ, проявить себя и заявить о себе, значительно облегчая их период адаптации и делая студенчество запоминающимся.

Библиографический список

1. Абрамовских Н.В. Тьюторство: история и современность / Н.В. Абрамовских, Е.А. Казаева // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2013. № 3 (19). С. 156 - 162.
2. Ефремова Т. Ф. Современный словарь русского языка. М.: АСТ, 2010. – 699 с.
3. Клюшина, А.М. Психолого-педагогические особенности процесса адаптации иностранных студентов к условиям обучения в вузе в России / А.М. Клюшина, М.А. Торгашева // Современное педагогическое образование. – 2019. – № 1. – С. 109-112.
4. Клюшина, А.М. Внеучебная работа как фактор личностного развития и воспитания студентов (на примере факультета иностранных языков Самарского государственного социально-педагогического университета) / А. М. Клюшина, О. Н. Шалифова // Самарский научный вестник. – 2019. – Т. 8, № 4(29). – С. 248-252.
5. Клюшина, А. М. Психолого-педагогические особенности процесса адаптации первокурсников к условиям обучения в вузе / А. М. Клюшина // Поволжский педагогический вестник. – 2017. – Т. 5, № 3(16). – С. 103-107.
6. Мухина В.С. Возрастная психология. М., 2000. С. 418-421.
7. Наставничество в системе образования России. Практическое пособие для кураторов в образовательных организациях / под ред. Н.Ю. Синягиной, Т.Ю. Райфшнайдер. – М.: Рыбаков Фонд, 2020. – 153 с.
8. Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста. СПб, 2000. – 624 с.
9. Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/36698 (дата обращения: 03.03.2025).

References in Roman script

1. Abramovskih N.V. Tyutorstvo: istoriya i sovremennost / N.V. Abramovskih, E.A. Kazaeva // Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2013. № 3 (19). S. 156 - 162.
2. Efremova T. F. Sovremennyj slovar russkogo yazyka. M.: ACT, 2010. – 699 s.
3. Klyushina, A.M. Psihologo-pedagogicheskie osobennosti processa adaptacii inostrannyh studentov k usloviyam obucheniya v vuze v Rossii / A. M. Klyushina, M. A. Torgasheva // Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie. – 2019. – № 1. – S. 109-112.
4. Klyushina, A.M. Vneuchebnaya rabota kak faktor lichnostnogo razvitiya i vospitaniya studentov (na primere fakulteta inostrannyh yazykov Samarskogo gosudarstvennogo socialno-pedagogicheskogo universiteta) / A. M. Klyushina, O.N. Shalifova // Samarskij nauchnyj vestnik. – 2019. – T. 8, № 4(29). – S. 248-252.

5. Klyushina, A.M. Psihologo-pedagogicheskie osobennosti processa adaptacii pervokursnikov k usloviyam obucheniya v vuze / A. M. Klyushina // Povolzhskij pedagogicheskij vestnik. – 2017. – T. 5, № 3(16). – S. 103-107.
6. Muhina B.C. Vozrastnaya psihologiya. M., 2000. S. 418-421.
7. Nastavnichestvo v sisteme obrazovaniya Rossii. Prakticheskoe posobie dlya kuratorov v obrazovatelnyh organizaciyah / pod red. N.Yu. Sinyaginoj, T.Yu. Rajfshnajder. – M.: Rybakov Fond, 2020. – 153 s.
8. Rajs F. Psihologiya podrostkovogo i yunosheskogo vozrasta. SPb, 2000. – 624 s.
9. Federalnyj zakon ot 29.12.2012 g. № 273-FZ «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/36698 (data obrasheniya: 03.03.2025).

References

1. Abramovskikh N.V. Tutoring: history and modernity / N.V. Abramovskikh, E.A. Kazaeva // Bulletin of Shadrinsky State Pedagogical University. 2013. No. 3 (19). pp. 156-162. (In Russian).
2. Efremova T.F. Modern dictionary of the Russian language. Moscow: ACT, 2010. – 699 p. (In Russian).
3. Klyushina, A.M. Psychological and pedagogical features of the process of adaptation of foreign students to the conditions of study at a university in Russia / A.M. Klyushina, M. A. Torgasheva // Modern pedagogical education. – 2019. – No. 1. – pp. 109-112. (In Russian).
4. Klyushina, A.M. Extracurricular work as a factor of personal development and education of students (on the example of the Faculty of Foreign Languages of the Samara State Socio-Pedagogical University) / A.M. Klyushina, O.N. Shalifova // Samara Scientific Bulletin. – 2019. – Vol. 8, No. 4(29). – pp. 248-252. (In Russian).
5. Klyushina, A.M. Psychological and pedagogical features of the process of first-year students' adaptation to university conditions / A.M. Klyushina // Volga Pedagogical Bulletin. – 2017. – Vol. 5, No. 3(16). – pp. 103-107. (In Russian).
6. Mukhina B.C. Age psychology. Moscow, 2000. pp. 418-421. (In Russian).
7. Mentoring in the Russian education system. A practical guide for curators in educational organizations / edited by N.Y. Sinyagina, T.Y. Reifschneider. Moscow: Rybakov Foundation, 2020. – 153 p. (In Russian).
8. Rice F. Psychology of adolescence and adolescence. St. Petersburg, 2000. 624 p. (In Russian).
9. Federal Law No. 273-FZ dated December 29, 2012 "On Education in the Russian Federation" [Electronic resource]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/36698 (accessed: 03.03.2025). (In Russian).

УДК 811.16

Симеонова Кристияна Симеонова
доктор филологии, доцент
Институт болгарского языка имени
Профессора Любомира Андрейчина
Болгарская академия наук
Болгария, г. София
e-mail: krisi1@mail.bg

Simeonova Kristiyana Simeonova
Associate Professor, Ph.D. in Philology
Institute for Bulgarian Language named after
Professor Lubomir Andreychin
Bulgarian Akademy of Science
Bulgaria, Sofia
e-mail: krisi1@mail.bg

К.С. Симеонова

ПОЛИСЛАВ XXIX 2025 – ВАЖНЫЙ НАУЧНЫЙ ФОРУМ

Аннотация: Эта хроника посвящена проведению важной и престижной международной конференции. Речь идет о XXIX-ой международной научной конференции Ассоциации славистов «Полислав» под девизом «Славяноведение в многоязычном пространстве: язык, литература, культура, история». «Полислав» – научное славистическое общество. Оно было создано с целью координации научных исследований в области славяноведения и улучшения связей и контактов между учеными, работающими в этой области. Штаб-квартира и руководство этой организации находятся в городе Прага, Чешская Республика. Конференция проходила 15 и 16 сентября 2025 г. в Польше, в Варшавском университете. Конференция прошла в гибридном формате. В нем приняли участие более 60 участников из нескольких стран. В своих докладах они затронули различные интересные вопросы современной славистики: языкознание, литературоведение, теория перевода, преподавание иностранных языков и т. д. Работа конференции была очень плодотворной. Состоялись оживленные дискуссии и обмен мнениями. Работа прошла в дружеской и коллегиальной атмосфере.

Ключевые слова: конференция, славистика, языкознание, литературоведение, преподавание иностранных языков, перевод

Для цитирования: Симеонова К.С. Полислав XXIX 2025 – важный научный форум. *Русистика без граници. Международно научно списание.* – София, 2025, Том IX, кн. 3, С. 115 – 119.

K. S. Simeonova

POLISLAV XXIX 2025 IS AN IMPORTANT SCIENTIFIC FORUM

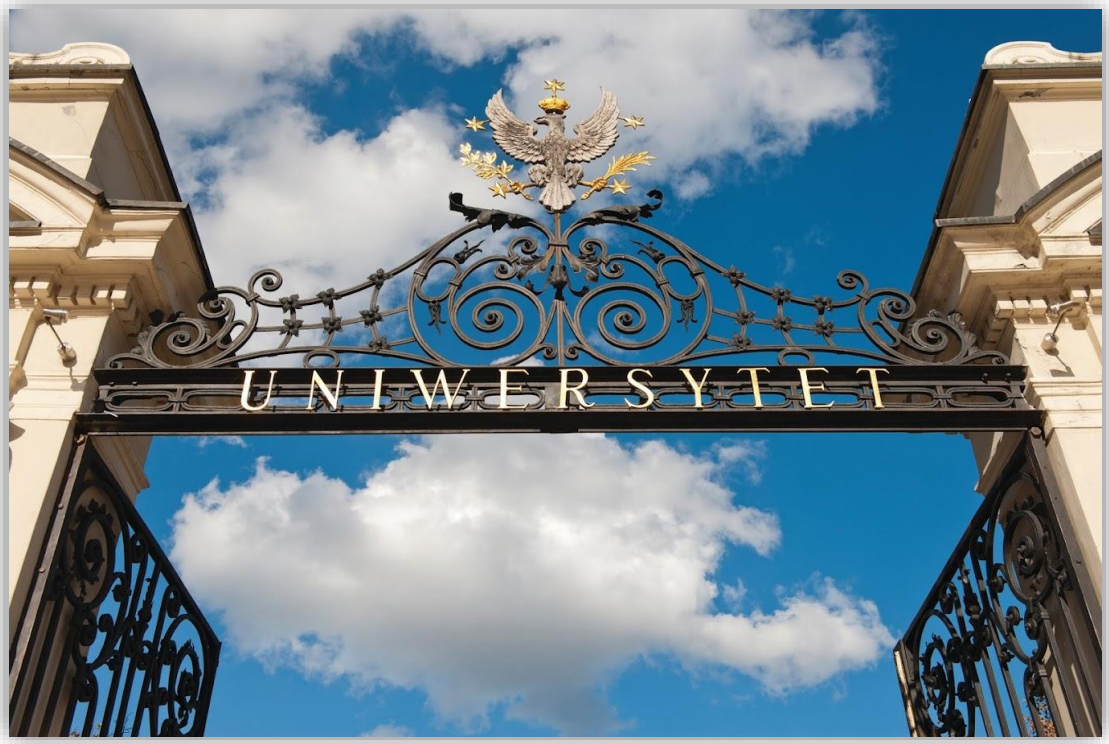
Abstract: This chronicle is dedicated to an important and prestigious international conference. It concerns the 29th International Academic Conference of the Polislav Association of Slavists, entitled «Slavic Studies in a Multilingual Space: Language, Literature, Culture, History». Polislav is a scholarly Slavic society. It was founded to coordinate research in Slavic studies and improve connections and contacts between scholars working in this field. The headquarters and management of this organization are in the city of Prague, Czech Republic. The conference took place on September 15th and 16th 2025 in Poland, at the University of Warsaw. The conference utilized a hybrid format, bringing together over 60 participants from several countries. Their presentations addressed a variety of interesting issues in contemporary Slavic studies, including linguistics, literary criticism, translation theory, foreign language teaching, and more. The conference was highly productive, with lively discussions and exchanges of opinions. The work proceeded in a friendly and collegial atmosphere.

Keywords: conference, Slavic studies, linguistics, literary criticism, teaching foreign languages, translation

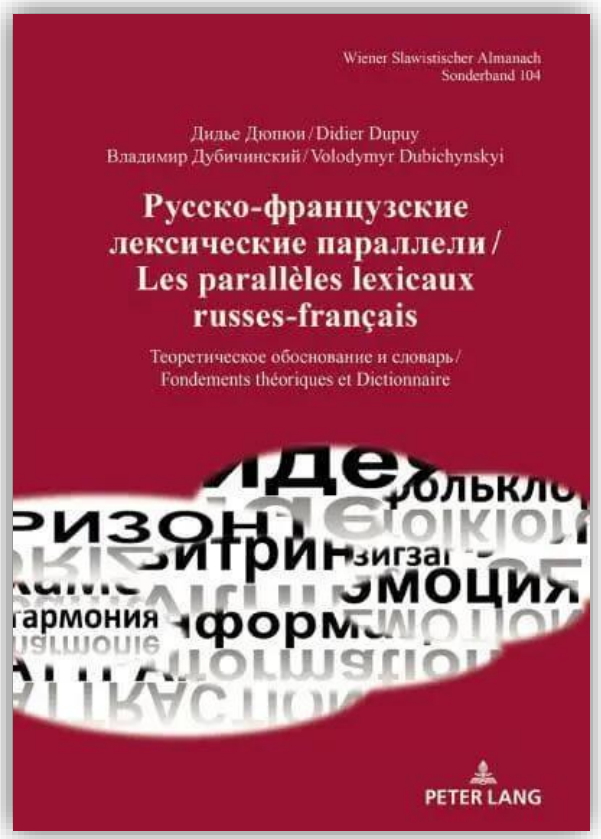
For citation: Simeonova K.S. Polislav XXIX 2025 is an important scientific forum. *Russian Studies without Borders. International scientific Journal.* – Sofia, 2025, Vol. IX, Iss. 3, pp. 115 – 119.

15 и 16 сентября 2025 года в Варшавском университете, Варшава, Польша, состоялась очередная международная научная конференция Ассоциации славистов «Полислав». В начале конференции прозвучало несколько приветствий. С приветствиями выступили декан факультета прикладной лингвистики, заместитель декана факультета польских исследований, директор Института русской филологии и другие.

Прежде чем начать представлять работу на конференции, я хотела бы сделать следующее пояснение. Было сделано много докладов, которые были представлены как лично, так и в режиме онлайн. Причём они были представлены на нескольких языках: русском, польском, английском и т. д. По этой причине у меня не было возможности услышать и понять их все. Поэтому я более подробно остановлюсь лишь на некоторых лингвистических докладах, представленных на русском языке.



Начну с доклада Владимира Дубичинского под названием «Размышления о лексикографии». Доклад посвящён вопросу значимости лексикографических произведений как для науки, так и для практической деятельности человека. В этой связи автор подчеркивает двуединство лексикографии как науки. Являясь, с одной стороны, отдельной научной дисциплиной в ряду других лингвистических дисциплин, лексикография, с другой стороны, представляет собой универсальную методологическую науку, необходимую самым разным областям человеческой практики. Поэтому словари являются авторитетными справочниками во всех областях науки. Лексикографические произведения вполне заслуженно, внедряются на ведущие позиции в различных науках. И в этом смысле также верно было бы утверждать об универсальности, о всеобщей необходимости лексикографии. Очень интересным образом автор акцентирует внимание на личности лексикографа. С одной стороны каждый лексикограф – авторская индивидуальность и его творчество можно сравнить с творчеством писателя, художника и т. д. С другой стороны, автор старается деперсонализировать текст словаря, ориентируясь на среднего представителя языкового



коллектива. Таким образом лексикографию можно интерпретировать как определённую ступень моделирования языковой системы, потому что часто именно лексикографам приходится принимать решение относительно правильности и точности употребления той или иной языковой единицы.

Очень интересным был доклад Дидье Дюпюи (Didier Dupuy), специалиста по русскому языку и цивилизации из университета в Бордо (Франция) «Русско-французские лексические параллели: от ложных аналогии к семантическому уточнению». Лексическими параллелями автор называет внешне (устно-письменно) сходные слова двух синхронически сравниваемых или контактирующих языков. Главная задача сравнительного исследования лексических параллелей заключается в детальном исследовании и уточнении семантических и стилистических характеристик русско-французских параллелей. Особое внимание уделено наиболее актуальным и новым аспектам параллелизма, связанным с современными тенденциями развития языка под влиянием технологий, социальных изменений и международных контактов. В работе анализируются конкретные примеры словоупотребления, иллюстрирующие необходимость чёткого семантического разграничения для эффективной межъязыковой коммуникации и перевода. Также акцентируется внимание на культурной и когнитивной специфике изучаемых лексических единиц. Русско-французские лексические параллели представляют значительный интерес для переводоведения, преподавания иностранных языков и межкультурной коммуникации.

Кристияна Симеонова из Болгарии представила доклад на тему «О некоторых случаях паронимии в современных болгарском и русском языках». Паронимия – это явление в языке, когда слова, очень похожи по звучанию, имеют разное значение. Такие слова называются паронимами. Поэтому возможно ошибочное употребление одного из них вместо другого. Как в болгарском, так и в русском языке паронимическое смешение чаще всего обусловлено недостаточной языковой культурой или незнанием значения данного слова. Таким образом, человек отождествляет звучание и значение менее знакомого слова со звучанием и значением другой, более знакомой лексической единицы. Паронимия объясняется нетвердым знанием значения одного из слова или даже обоих, а также некомпетентностью говорящего или пишущего в той сфере деятельности, откуда взято слово. В докладе автор рассматривает различные понимания природы паронимов, различные взгляды на границы и масштабы этого явления, причины его возникновения и т. д. Также приведены конкретные примеры паронимии из болгарского и русского языков. Очень важно отметить, что каждое из слов в паронимической паре является самостоятельной лексической единицей и не может быть

заменено в речи соответствующим словом, близким по звуковому составу. Это подтверждается тем фактом, что каждое паронимическое слово имеет свои отдельные синонимы, антонимы и т. д. и может быть отличимо от своего паронимического аналога по сочетаемости с другими словами. Паронимия — очень распространённое явление как в болгарском, так и в русском языках. Паронимические пары образуют не только слова общеупотребительной лексики, но и многие слова терминологической и специальной лексики. Паронимия как языковое явление специфична для каждого языка, она создается на его собственной почве и часто его собственными средствами. Таким образом, паронимия создает множество трудностей при освоении языка носителями языка и еще большие трудности, когда иностранцы изучают этот язык как иностранный.

Мартина Шолтесова участвовала в конференции онлайн из Прешовского университета в Словакии с докладом, посвященным языку экзорсистов. В общем смысле экзорсизм – это практика изгнания демонов и злых духов из человека или из места, где предполагается, что они существуют. Поскольку доклад был не на русском языке, я поняла только краткое резюме. То же самое относится и к докладу Сони Решовской из Словакии о неологизмах. Неологическая лексика очень интересна, динамична и изменчивая. Она состоит из единиц, которые имеют разные судьбы с точки зрения их дальнейшего существования в лексической системе языка. Некоторые неологизмы утверждают себя как полноценные единицы языка. Другая часть после периода активного использования отпадает от языка.

Доклад Сергея Хватова под названием «Переводной словарь в обучении деловой коммуникации» был очень интересен. Автор подчеркивает, что главная задача двуязычного словаря – обеспечение диалога культур, который может реализовываться в самых различных коммуникативных формах, в том числе и специальных. Одной из таких форм выступает деловая, или бизнес-коммуникация, которая на фоне глобальной маркетизации перестает быть узкопрофессиональной, приобретая черты коммуникации массовой, становясь предметом филологического и лингвокультурологического рассмотрения и составной частью программ подготовки филологов-русистов. Межкультурная коммуникация может пониматься не только как общение между представителями разных национальных культур, но и как общение людей, которые представляют разные корпоративные культуры, причем как в рамках одной национальной культуры, так и вне их. Сделан вывод, что роль переводного словаря в диалоге культур чрезвычайно велика, часто именно от него зависит, насколько адекватно смыслу происходит интерпретация языкового факта.

Доклад Гизелы Грабинской из Варшавского университета «Современный молодежный сленг на занятиях по русскому языку» задал важный вопрос стоит ли уделять время на эту нишевую языковую сферу. Автор отметил, что подростки придумывают свой язык, чтобы создать свой мир, далеко не всегда понятный взрослым. Часто это встречается с критикой молодежного языка старшим поколением, которое считает, что молодежь должна говорить так, как они. В молодежном сленге чрезвычайно много англицизмов, которые, как известно, имеют международный характер и большинству людей понятны. Многие из них связаны с пользованием интернетом, компьютерными играми. В статье автор, однако, концентрируется на употреблении данных слов на русском языке, их видоизменении, творческую обработку на собственный лад. Не менее интересный пласт молодежного сленга – слова, имеющие чисто русские корни, но значение которых совершенно непонятно непосвященным людям (жоско, жиза, чечик и т.п.).

Другие интересные доклады на лингвистическую тематику были доклад Йиндриха Кеснера из Чехии «Несклоняемое препозитивное определение как результат

ослабления синтаксических связей в русском и чешском языках», Ирены Микулако (президент Хорватской ассоциации преподавателей русского языка и литературы) и Михаила Коздра из Варшавского университета «Сравнительный анализ хорватской, русской и польской юридической терминологии в рамках проекта LLBC», Татьяны Лойковой-Насенко из Чехии «Значение изучения явлений интерференции в лингвистике (теория и практика)» и другие.

Невозможно рассмотреть все доклады в одном коротком изложении. Но самое главное, работа конференции была очень плодотворной, дискуссии оживленными, а атмосфера дружеской, коллегиальной. Во время официального закрытия все выразили следующую надежду: Да дарует Бог наши грядущие встречи ради будущего славяноведения как науки.

УДК 811.16

Лесневска Димитрина Спасова
доктор филологии, доцент
Союз ученых в Болгарии
Филологическая секция
Болгария, г. София
e-mail: demetra3@gmail.com

Lesnevska Dimitrina Spasova
Associate Professor, Ph.D. in Philology
Union of Scientists in Bulgaria
Philological Section
Bulgaria, Sofia
e-mail: demetra3@gmail.com

Д.С. Лесневска

XVII МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД СЛАВИСТОВ – ПАРИЖ, АВГУСТ 2025

Аннотация. С 25 августа по 30 августа 2025 г. в Университете Сорбонна в Париже был успешно проведен XVII Международный Съезд славистов. Впервые этот съезд был проведен в 1929 г. в Праге. Съезд собирает раз в пять лет под своей эгидой ведущих славистов мира. В XVII Международном Съезде славистов приняли участие около 850 участников из 40 стран с докладами на секциях, распределенных по тематическим блокам, на круглых столах, а также в различных комиссиях. Президентом Съезда в Париже выступала Наталья Берницкая, в состав Организационного комитета входили Родольф Бодэн, Пьер Гонно и Галина Кабакова. В хронике рассматривается участие ученых-славистов Балканского языкового союза, в частности славистов Болгарии. Подробно представлена работа комиссии по лингвистике дискурса с болгарским участием. По решению Международного комитета славистов следующий XVIII Международный съезд славистов будет проводиться в Праге в 2029 г. и будет посвящен столетию с проведения Первого Съезда.

Ключевые слова: XVII Международный съезд славистов, Университет Сорбонна, тематические блоки, секции, круглые столы, комиссии, балканские слависты, болгарские слависты

Для цитирования: Лесневска Д.С. XVII Международный Съезд славистов – Париж, август 2025. *Русистика без граници. Международно научно списание.*– София, 2025, Том IX, кн. 3, С. 120 – 123.

D.S. Lesnevska

XVII INTERNATIONAL CONGRESS OF SLAVISTS – PARIS, AUGUST 2025

Abstract. From August 25 to August 30, 2025, the XVII International Congress of Slavists was successfully held at the Sorbonne University in Paris. This congress was first held in Prague in 1929. The Congress gathers the world's leading Slavists every five years under its auspices. The XVII International Congress of Slavists was attended by about 900 participants from 43 countries with presentations in sections divided into thematic blocks, at round tables, as well as in various commissions. Natalia Bernitskaya was the President of the Congress in Paris, and Rodolphe Baudin, Pierre Gonneau and Galina Kabakova were members of the Organizing Committee. The chronicle examines the

participation of Slavic scholars of the Balkan Language Union, particularly the Slavists of Bulgaria. The work of the commission on the linguistics of discourse with Bulgarian participation is presented in detail. By decision of the International Committee of Slavists, the next XVIII International Congress of Slavists will be held in Prague in 2029 and will be dedicated to the centenary of the First Congress.

Keywords: XVII International Congress of Slavists, Sorbonne University, thematic blocks, sections, round tables, commissions, Balkan Slavists, Bulgarian Slavists

For citation: Lesnevska D.S. XVII International congress of Slavists – Paris, august 2025. *Russian Studies without Borders. International scientific Journal.* –Sofia, 2025, Vol. IX, Iss. 3, pp. 120 – 123.

В день открытия Съезда была открыта выставка книг стран-участниц, кторые вызвали большой интерес. В торжественной обстановке Съезд был открыт приветственными словами. С пленарными докладами выступили Борис Акунин, Джованна Блоги, Георг Ниват и Александар Лома. Академик Александар Лома, Институт сербского языка САНУ, Берград, Сербия, выступил также с докладом в Секции

«Праславянский язык и его диалекты».

Болгарские слависты приняли участие с докладами в различных Секциях, а также и в различных комиссиях. Проф. Ценка Иванова, член Комиссии по преподаванию

славянских языков, литератур и культур, выступила с докладом «Изучаване и преподаване на южнославянските езици и култури: предизвикателства, 21 век», проф. Мария Илиева, член Комиссии по стилистике, зачитала доклад «Стилистичен ракурс към частите на речта българската лингвистика – традиции и перспективи». В комиссии по стилистике зачитала доклад и коллега из Северной Македонии Лидия Тантуровска на тему «Потребата и употреба на феминативите во македонскиот јазик».

Балканские ученые-слависты активно участвовали в тематическом блоке «Славянская этимологическая лексикография 21 века: традиции и инновации». Доцент доктор Христина Дейкова (Болгария) зачитала доклад «Български етимологичен речник – специфика, проблеми, перспективи». Доктор Снежана Петрович совместно с доктор Мария Вучкович выступили с докладом, посвященным этемологическому словарю сербского языка». В секции «Этнолингвистика» о сербской концептографии говорили сербские ученые Стана Ристич и Иван Лазич Коник, а коллега из Северной Македонии представила доклад «*Денот* и *нокта* во македонската јазична слика на светот». В секции « Фразеология славянских языков» приняли участие слависты из Северной Македонии Биляна Мирчевска-Бошева совместно с Лидией Танушевской с докладом «Етнонимите во културолошки дијалог (македонско-полско-руски паралели)» и из Черногории – Драга Боевич с докладом «Елементе националне културе у фразеологии».

В секции по вопросам межславянского перевода выступила с докладом доцент доктор Юлиана Чакарова (Болгария) «Транспониране на концепта *тоска* в преводите на Ф. Достоевски на български език, а коллега из Черногории Ана Бранка Пейанович представила интерпретация перевода стихотворения Петра Негоша.

В комиссии по лингвистике дискурса с председателем Ирина Ухванова-Шмыгава и модератором Алена Попова приняли участие с докладом 13 членов. Алена Попова (Канада) выступила с докладом «Дискурс-перспектива в преподавании языковых и коммуникативных компетенций в условиях межкультурной динамики современной академии». Доклад Елены Савич был посвящен неосократовской беседе как метод создания конструктивного дискурсного пространства, доклад Ирины Ухвановой-Шмыговой представил «дискурс восьми измерений».

Члены комиссии по лингвистике дискурса из Польши выступили с интересными докладами. Доклад Ирины Ролак касался вопросов пересечения дискурс-картин мира и речевого поведения в международной бизнес-коммуникации в учебных целях. Многоязычный словарь заголовочных слов академического списка был рассмотрен в докладе Марии Александрович в соавторстве с Мартой Герчинской-Колас. Ольга Панченкова-Кристани выступила с докладом, посвященным самоиндикации креативного класса белорусской диаспоры в Польше. Ханс Гисен рассмотрел в своем докладе рубрики Википедии на различных языках. В докладе Йоанны Сендерской были проанализированы дидактические задачи дискурсного иноязычного обучения. Ирина Ванова-Мицевич в соавторстве с Лидвиной Олшевской представили доклад о коммуникации молодых ученых в диалоговом пространстве научной конферененции.

Доклад Радки Хованової (Чехия) был посвящен специфике дискурса в рекламе. Дискурсы бизнес-переговоров в мультикультурном сообществе были проанализированы в докладе Людмилы Курчак. Бакреева Юлия рассмотрела в своем докладе трансфрастику в основании дискурсного мышления: образ деятеля в глагольно-предикатном поле дискурса.

Доцент доктор Димитрина Лесневска – член комиссии по лингвистике дискурса из Болгарии выступила с докладом «Дискурс на международната търговска кореспонденция в студентска аудитория: типология на актуалните за търговската кореспонденция речеви актове като основа на съдържанието на учебните упржнения». В докладе рассмотрено понятие «модель речевого поведения» как структурный элемент текста русских и болгарских коммерческих писем в сопоставительном плане. Исследуется явление перформативности в деловых письмах. Представлена классификация коммерческих писем по признаку различных моделей речевого поведения. Разграничены следующие модели речевого поведения русских и болгарских коммерческих писем, имеющие ядерную структуру – ядро, где сосредоточены основные характеристики, и периферию, обладающую синкретизмом: сообщение (набор ассертивов); обещание (набор комиссивов); просьба, предложение, рекламное письмо, приглашение, совет, предупреждение, напоминание, требование, запрет, разрешение (набор директивов); подтверждение, отказ, декларация, объявления (набор декларативов); благодарность, извинение, поздравление, прощание, пожелание, сожаление, надежда (набор экспрессивов). Рассмотрены письма-экспрессивы с этикетными формулами благодарности, извинения, пожелания, сожаления. Перформативные высказывания являются стилевыми маркерами коммерческих писем. Данная классификация русских и болгарских коммерческих писем служит основой составления упражнений в рамках преподавания РКИ в болгарской студенческой аудитории.

В торжественной обстановке было объявлено закрытие Съезда. По решению Международного комитета славистов следующий XVIII Международный съезд славистов будет проводиться в Праге в 2029 г. и будет посвящен столетию с проведения Первого Съезда.

IN MEMORIAM

Маркова Елена Михайловна
доктор филологических наук, профессор
Экономический университет в Братиславе
Словакия, г. Братислава
e-mail: elena-m-m@mail.ru

Markova Elena Mikhajlovna
Professor, Dr. Sc. (Philology)
University of Economics in Bratislava
Slovakia, Bratislava
e-mail: elena-m-m@mail.ru

Е.М Маркова

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОФЕССОРА ЭВЫ КОЛЛАРОВОЙ

Markova E.M.

THE SCIENTIFIC, METHODOLOGICAL, PROFESSIONAL AND PERSONAL LEGACY OF PROFESSOR EVA KOLLAROVA

Для цитирования: Маркова Е.М. Научно-методическое и профессионально-личностное наследие профессора Эвы Колларовой. Русистика без границы. Международно научно списание, 2025, Том IX, кн. 3, С. 124 – 129.

For citation: Markova E.M. The scientific, methodological, professional and personal legacy of Professor Eva Kollarova. Russian Studies without Borders. International scientific Journal, 2025, Vol. IX, Iss. 3, pp. 124 – 129.

18 августа 2025 года не стало профессора Эвы Колларовой, замечательного человека, президента Ассоциации словацких русистов, главного редактора международного научно-популярного журнала «Русский язык в центре Европы», долгие годы объединявшего не только словацких преподавателей и учителей русского языка, но и русистов всего мира. Несмотря на возраст – Эве Колларовой недавно исполнилось 85 лет – она была полна планов, идей, активно готовила очередной Форум русистов в Ружомберке, продумала его программу, план проведения, пригласила известных ученых и преподавателей из других стран. Но... жизнь ее неожиданно оборвалась ровно за месяц до планирумого мероприятия. Форум состоялся 18 и 19 сентября, как и задумывала профессор Эва Колларова, его инициатор и вдохновитель, а теперь уже как его Ангел-хранитель. Все, кто знал Эву Колларову, восприняли новость о ее скоропостижном уходе как личное горе, невосполнимую утрату, большую потерю в интернациональной семье русистов.

Ее любовь к России и русскому языку, любовь к ученикам и студентам, к учителям, к своей родной земле, вообще любовь ко всему была безграничной. И ею она заряжала всех, кто приходил и приезжал к ней. Она представляла Словакию и словацкую русистику в международных организациях: долгое время была членом Президиума МАПРЯЛ, участвовала во многих его конгрессах. Российское правительство высоко ценило ее подвижническую деятельность, от Президента РФ профессор Колларова получила Благодарность и медаль А. С. Пушкина, а также медаль С. Михалкова от фонда поэта.

Эва Колларова была инициатором и организатором международного онлайн-проекта «Русские субботы» совместно с МГУ имени Ломоносова, выпуски которого регулярно выкладывались на протяжении последних пяти лет на сайте МАПРЯЛ и пользовались большой популярностью у преподавателей и любителей русского языка и русской культуры во всем мире.

Яркая, харизматичная, энергичная, она много сделала для русистики и преподавания русского языка, которое она в последнее время убеждала называть «русскоязычной эдукацией». Начав свой педагогический путь учительницей в средней школе, особое внимание уделяла школьным учителям, их проблемам, состоянию изучения русского языка в школах Словакии, заботилась о том, чтобы ее «учителки» выезжали в другие страны, видели мир и обменивались опытом. Одной из незабываемых таких поездок для учителей стала поездка в Париж, которую организовала Эва Колларова в форме круглого стола по учебникам РКИ совместно с Институтом русского языка им. Пушкина в 2019 году. Много раз она говорила о том, какое большое значение произвел на нее в молодости советский фильм «Первая учительница» с Верой Марецкой в главной роли, как она полюбила этот образ и поняла, в чем ее собственное призвание. Она подчеркивала, что главный человек в образовании и воспитании молодежи – школьный учитель, собирала учителей несколько раз в году на двухдневные встречи, в ходе которых организовывала круглые столы, где обсуждались насущные вопросы преподавания русского языка в Словакии и в других странах, где учителя могли продемонстрировать свои методические находки, пополнить педагогические копилки, получить ценные материалы. Многих она вдохновляла, окормляла и опекала, направляла, давала путевку в жизнь, заботилась о том, чтобы учителя постоянно чему-то учились, шли в аспирантуру, росли в научном и педагогическом плане.

Очень любимыми и активно посещаемыми были и знаменитые «Братиславские встречи», которые профессор Колларова проводила раз в два года сначала в столице Словакии, а затем в Ружомберке, где некоторое время она работала и возглавляла Институт русско-словацких культурных исследований. В дар университету осталась огромная библиотека на русском языке, подаренная Эве Колларовой фондом Сергея

Михалкова, представители которого несколько раз приезжали в Словакию по ее приглашению. На «Встречах» не было случайных людей, Эва всегда приглашала на них сама, находила спонсоров, чтобы разместить всех бесплатно, чтобы всем было удобно, а если вдруг спонсорских денег не хватало, платила сама. Необыкновенная доброта и щедрость – эти качества тоже были в ней ведущими. На «Братиславских встречах» было много и простых учителей, и больших ученых, на них бывали многие известные русисты: В. Г. Костомаров, Ю. Е. Прохоров, А. Л. Бердичевский, Л. А. Вохмина, И. П. Лысакова, неоднократно в этих встречах участвовал и Е. И. Пассов – человек, близкий Э. Колларовой в научном, методическом и человеческом плане. Именно его идея культурологического направления в обучении оказалась сродни педагогическим воззрениям профессора Колларовой. Она всегда говорила о себе как о культурологе, отстаивая приоритетность культурного компонента в обучении языку. «Не важно, если ученик не знает, какой падеж нужно употребить, как сказать, важно, чтобы он знал, о чем говорить». Поэтому обязательной «черешенкой на торте» «Братиславских встреч» был концерт, концерты были всегда разными, но необыкновенными, оставляющими после себя яркое впечатление праздника культуры.

Эва Колларова была врагом заорганизованности, формализма, отсутствия живого интереса. Недаром и свой учебник русского языка назвала «Встречи с Россией», и отдельные его главы обозначила как «встречи», и форумы русистов в Словакии именовала «Братиславскими встречами». Они, действительно, разительно отличались от всех наших традиционных конференций, были наполнены живым огнем, дискуссиями, обменом мнениями и находками, там не было секций, были только круглые столы, где

все могли высказаться в свободной форме, поделиться мыслями и опытом. Для нее было важно встретиться, смотреть друг на друга, а не в текст или компьютер.

Методическая идея Е. И. Пассова «Язык через культуру и культура через язык» (Пассов, 2013) стала методическим кредо в системе русскоязычной эдукации, предлагаемой профессором Э Колларовой (Kollarová, 2014). На этом принципе построен и учебник, написанный Э. Колларовой совместно с Л. Трушиной «Встречи с Россией» для словацких гимназий (уровень B1-B2). Позднее была создана и электронная версия этого учебника (см. Маркова, Краев, 2021). Культура соотносится прежде всего с искусством. По мнению Эвы Колларовой, именно через обращение к произведениям искусства, через «перекличку» культурных пластов разных стран должна строиться и система работы с лингвистическим материалом. Взаимосвязь языка и культуры в обучении, идея иноязычного образования средствами культуры известна в учительской среде Словакии под термином zážitkové vyučovanie (Kollarová, 2014), буквально: «обучение через впечатления». Как считала профессор Э. Колларова, культурологически ориентированный учебник русского языка, нацеленный на русскоязычное образование, реализует свои цели наилучшим образом посредством электронной формы, позволяющей включать видео-, аудио-, телематериалы, дающие возможность легко передвигаться по городам, музеям, эпохам, осуществляя кросс-культурную коммуникацию. Профессор настаивала на термине «русскоязычная эдукация» в противовес термину «методика обучения русскому языку как иностранному», делая акцент не столько на образовательное, но прежде всего воспитательное значение культурологически ориентированного обучения и учебника как его основного компонента.

Цифровой учебник «Встречи с Россией. Сегодня», представленный на веб-страницах Ассоциации русистов Словакии , дает возможность не только в жанрово разнообразной, интересной и визуализированной форме предъявлять культурно значимую информацию, но и решать вопросы эдукации, сочетающей иноязычное образование и воспитание, формирования культурно богатой личности. В соединении идеи иноязычного образования, основанного на культурологической составляющей, с возможностями дигитализации видела профессор Э. Колларова перспективы изучения русского языка и в Словакии, и во всем мире.

Будучи известным ученым и методистом, Эва Колларова оставалась простым, любящим и добрым человеком, располагающим к себе жизнелюбием и улыбкой, она одинаково любила и людей своего поколения, и молодежь, верила в ее способности и талант. Много времени проводила пани Эва не в столичной квартире, а в небольшой деревне Нижней, что недалеко от города Липтовский Микулаш, где и была похоронена. Именно туда любила она приглашать всех, кто хотел с нею увидеться, а поскольку ехать туда далеко, то нередко оплачивала ночевку в соседнем отеле, чтобы гость никуда не спешил и успел наговориться, и насмотреться на прекрасные словацкие пейзажи, и задуматься о том, что услышал и увидел. В Нижней Эва Колларова начинала свою деятельность учительницей в местной школе и до конца своей жизни несколько раз в год собирала бывших учеников в созданном ею «театрике» (по-словацки divadelko), куда с большой радостью приходили уже убеленные сединами бывшие ученики «еще на одну встречу» со своим Учителем, где читали стихи на русском и словацком языках, пели и радовались душевному застолью. Эти встречи сделались культурными событиями в Нижней.

И это еще один штрих к необыкновенному образу профессора Эвы Колларовой, которая и небольшой поселок в Татрах превратила в островок любви к русской и родной

культуре. Она была настоящим Просветителем, неся с собою человеческий и культурный свет.

В нашей памяти Эва Колларова всегда останется человеком светлым, душевно щедрым, духовно богатым, самоотверженным, мудрым, интеллигентным, несущим любовь и позитивную энергию, страстно преданным высокому учительскому предназначению. И верится, что посеянное ею в учениках, последователях и всех, кто знал ее, в Словакии и за ее пределами прорастет добрыми плодами на ниве Просвещения.

Литература

1. Маркова Е.М., Краев А.Ю. Дигитализация учебника по русскому языку как иностранному: опыт словацких русистов // Русистика. 2023. Т. 21. № 2. С.163-180. http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-2.
2. Пассов Е.И. Методическая система иноязычного образования как адекватное средство развития умения индивидуальности вести диалог культур. Елец: МУП «Типография» г. Ельца, 2013. 109 с.
3. Kollarová E. Hovory o kulturologickom smerovaní cudzojazyčnej edukácie. Bratislava: ŠPU, (2014).
4. Kollárová E., Trušinová L.B. Vstreči s Rossijej: ruský jazyk pre 1.-2. ročník stredných škôl / Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 2004, 2. vyd., 310 s.
5. Kollárová E., Trušinová L.B. Vstreči s Rossijej: ruský jazyk pre 3.-4. ročník stredných škôl. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 2009, 2. vyd., 367 s.

Literature

1. Markova E.M., Kraev A.Yu. Digitalization of a textbook on Russian as a foreign language: the experience of Slovak Russian scholars. 2023. Vol. 21. No. 2. pp.163-180. http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-2. (In Russian).
2. Passov E.I. Methodological system of foreign language education as an adequate means of developing the ability of an individual to conduct a dialogue of cultures. Yelets: Municipal Unitary Enterprise "Tipografiya" Yelets, 2013. 109 p. (In Russian).
3. Kollarova E. Talks about the culturological direction of foreign language education. (2014). (In Slovak).
4. Kollárová E., Trušinová L.B. Meetings with Russia: Russian language for 1.-2. high school yearbook / Bratislava: Slovak pedagogical publishing house, 2004, 2. Ed., 310 p. (In Slovak).
5. Kollárová E., Trušinová L.B. Meetings with Russia: Russian language for 3.-4. high school year. Bratislava: Slovak pedagogical publishing house, 2009, 2. Ed., 367 p. (In Slovak).

ИЗИСКВАНИЯ ЗА ОФОРМЯНЕ НА МАТЕРИАЛИТЕ

Електронните версии на статиите да се изпращат като прикачен файл на адрес: **rusistikabg@gmail.com**. В отделен текстов документ да се приложи справка за автора: *трите имена без съкращения, научна степен, научно звание, работно място, длъжност, град, страна, домашен адрес, телефон, e-mail.*

За публикуване се приемат **оригинални, непубликувани досега** в други печатни издания материали на **руски, български, украински и английски езици**.

Списанието излиза четири пъти годишно: 30 март, 30 юни, 30 септември и 30 декември. Материалите се приемат до 15 число на месеците март, юни, септември и декември.

ОБЩИ ИЗИСКВАНИЯ

Формат: Microsoft Word.
Размер на страницата: A4.
Шрифт: Times New Roman, 12 pt.
Междуредие: Single.
Полета: горно и долно – 2,5 см, ляво и дясно – 2,5 см.
Абзацен отстъп: 1 см.
Без номериране на страниците, подравняване на текста: Justify.

ОФОРМЯНЕ НА СТАТИИТЕ

- Ако статията е на **руски език**, то на **руски език** се посочват: *фамилия, име, бащино име на автора; длъжност, научна степен, научно звание; пълно название на организацията; страна, град; e-mail; заглавие на статията, анотация, ключови думи*, а след това на **английски език** (*данните на автора (научно звание, научна степен), заглавието на статията, анотация, ключови думи*). Задължително се посочва универсалната десетична класификация (УДК).

- Ако статията е на **български език**, то на **български език** се посочват: *фамилия, име, бащино име на автора; длъжност, научно звание, научна степен; пълно название на организацията; страна, град; e-mail; заглавие на статията, анотация, ключови думи*, а след това на **английски език** (*данните на автора (научно звание, научна степен), заглавието на статията, анотация, ключови думи*). Задължително се посочва универсалната десетична класификация (УДК).

- При съставяне на **анотацията** се спазва определения лимит от 850 знака без интервали, най-малко 10 реда. Анотацията трябва да съдържа актуалност, определяне на проблема, материал и методология, резултати и заключение.
  Например:

МОЛИМ ДАННИТЕ ДА СЕ ОФОРМЯТ В ЕДНА КОЛОНА, КАКТО Е ПОКАЗАНО:

УДК 80 (12 pt.)

Боянова Стефка Манолова (11pt.)
доцент, доктор по филология
Югозападен университет «Неофит Рилски»
България, гр. Благоевград
e-mail: stefka3@mail.bg

Boyanova Stefka Manolova (11pt.)
Assistant Professor, Ph.D. in philology
South-West University «Neofit Rilski»
Bulgaria, Blagoevgrad
e-mail: stefka3@mail.bg

С.М. Боянова (12 pt.)
ПРОБЛЕМИ НА ПРЕПОДАВАНЕТО НА РУСКИ ЕЗИК КАТО ЧУЖД В БЪЛГАРСКА СРЕДА

Анотация. 11pt., 850 знака без интервали
Ключови думи: 11 pt., не повече от 10 думи

S.M. Boyanova (12 pt.)
PROBLEMS OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IN THE BULGARIAN ENVIRONMENT

Abstract. 11 pt. 850 знака без интервали
Keywords: 11 pt., не повече от 10 думи

- Ако статиятае на **украински език**, то на **украински език** се посочват: *фамилия, име, бащино име на автора; длъжност, научно звание, научна степен; пълно название на организацията; страна, град; e-mail; заглавие на статията, анотация, ключови думи*, а след това на **английски език** (*данните на автора (научна степен, научно звание), заглавието на статията, анотация, ключови думи*). Задължително се посочва универсалната десетична класификация (УДК).

- Ако статията е на **английски език**, то на **английски език** се посочват: *фамилия, име, бащино име на автора; длъжност, научно звание, научна степен; пълно название на организацията; страна, град; e-mail; заглавие на статията, анотация, ключови думи*, а след това на **руски език** (*данните на автора (научна степен, научно звание), заглавието на статията, анотация, ключови думи*). Задължително се посочва универсалната десетична класификация (УДК).

ОСНОВЕН ТЕКСТ НА СТАТИЯТА

Текстът на **руски/български/украински/английски език**: 12 pt., обем: до 20 000 знака с интервалите. **Бележките към текста** (footnotes) се дават под линия на всяка страница с арабска номерация, 10 pt. **Цитирането** на източниците в текста се дават в квадратни скоби [номер от библиографическия списък, страница], например: [2], [7, с. 84]. Номерацията при цитирането се формира в **азбучен ред**. Примерите се оформят в *Italic*. Използвайте кавички тип «angle quotes». Графиките, рисунките и фотографиите се прилагат в текста веднага след тяхното посочване в текста. Названието на рисунките се дава под тях след думата «Рис.» с пореден номер (10 pt.).

Библиографическият списък (11 pt.) се прилага след текста на статията **на езика на оригинала в азбучен ред**, след това на латиница чрез транслитерация на кирилицата и преведен на английски език в съответствие с изискванията. Инициалите не се разделят с интервали. Да се включват **само работи, цитирани в текста**. Напр.:

Библиографически списък
1. Горшков Л.М. Русский язык и культура речи // Стиль. – 2006. – № 4. – С. 65–70.
2. Иванов Т.Р. Диалогът в образованието. – София: Сиела, 2020. – 200 с.
3. Hyland K. Metadiscourse. – London: Continuum, 2005. – 230 p.

References in Roman script
1. Gorshkov L.M. Russkiy yazayk i kulytura rechi // Stily. – 2006. – № 4. – S. 65–70.
2. Ivanov T.R. Dialogat v obrazovanieto. – Sofia: Siela, 2020. – 200 s.
3. Hyland K. Metadiscourse. – London: Continuum, 2005. – 230 p.

References
1. Gorshkov L.M. Russian language and speech culture // Style, 2006. –no 4. – pp.65–70. (In Russian).
2. Ivanov T.R. Dialogue in education. – Sofia: Siela Publ., 2020. – 200 p. (In Bulgarian).
3. Hyland K. Metadiscourse. – London: Continuum, 2005. – 230 p.

Материали, не съответстващи на горепосочените изисквания, не се разглеждат.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

Электронные версии статей следует направлять в виде приложения по электронной почте по адресу редакции: **rusistikabg@gmail.com**. В отдельном текстовом документе прилагается справка об авторе: *ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, должность, город, страна, домашний адрес, контактный телефон, электронный адрес*.

К публикации принимаются **оригинальные, неопубликованные ранее** в других печатных изданиях материалы на **русском, болгарском, украинском и английском языках**.

Журнал выходит четыре раза в год: 30 марта, 30 июня, 30 сентября и 30 декабря. Материалы принимаются до 15 числа марта, июня, сентября и декабря.

ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Формат: Microsoft Word.
Размер страницы: А4.
Шрифт: Times New Roman, 12 пунктов.
Междустрочный интервал: одинарный.
Поля: верхнее и нижнее – 2,5 см, левое и правое – 2,5 см.
Абзацный отступ: 1 см.
Без нумерации, выравнивание по ширине.

ОФОРМЛЕНИЕ СТАТЕЙ

- Если статья публикуется на **русском языке**, то на **русском языке** приводятся: *фамилия, имя, отчество автора; должность, ученая степень, ученое звание; полное название организации; страна, город; адрес эл. почты; заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*, а затем на **английском языке** (*данные автора (ученое звание, ученая степень), заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*). Обязательным элементом статьи является индекс УДК.

- При написании **аннотации** необходимо придерживаться установленного лимита 850 знаков без пробелов, не менее 10 строк. Аннотация должна включать актуальность, постановку проблемы, материал и методику, результаты и выводы.

Например:

ПРОСИМ ОФОРМЛЯТЬ ДАННЫЕ В ОДНУ КОЛОННУ, КАК ПОКАЗАНО:

УДК 81 (12 пунктов)

Иванов Виктор Борисович (11пунктов)
доктор филологических наук, профессор
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Россия, г. Москва
e-mail: ivanov@rambler.ru

Ivanov Viktor Borisovich (11 пунктов)
Professor, Dr. Sc. (Philology)
Lomonosov Moscow State University
Russia, Moscow
e-mail: ivanov@rambler.ru

В.Б. Иванов (12 пт.)
ПСИХОЛОГИЗМ ПРОЗЫ ЛЬВА ТОЛСТОГО

Аннотация. 11 пт., 850 знаков без пробелов, не менее 10 строк
Ключевые слова: 11 пт., не более 10 слов

V.B. Ivanov (12 пт.)
PSYCHOLOGISM OF LEO TOLSTOY`S PROSE

Abstract. 11 пт., 850 знаков без пробелов, не менее 10 строк
Keywords: 11 пт., не более 10 слов

- Если статья публикуется на **болгарском языке**, то на **болгарском языке** приводятся *фамилия, имя, отчество автора; должность, ученое звание, ученая степень; полное название организации; страна, город; адрес эл. почты; заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*, а затем на **английском языке** (*данные автора (ученое звание, ученая степень) заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*). Обязательным элементом статьи является индекс УДК.

- Если статья публикуется на **украинском языке**, то на **украинском языке** приводятся *фамилия, имя, отчество автора; должность, ученое звание, ученая степень; полное название организации; страна, город; адрес эл. почты; заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*, а затем на **английском языке** (*данные автора (ученое звание, ученая степень) заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*). Обязательным элементом статьи является индекс УДК.

- Если статья публикуется на **английском языке**, то на **английском языке** приводятся *фамилия, имя, отчество автора; должность, ученое звание, ученая степень; полное название организации; страна, город; адрес эл. почты; заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*, а затем на **русском языке** (*данные автора (ученое степень, ученое звание) заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*). Обязательным элементом статьи является индекс УДК.

ОСНОВНОЙ ТЕКСТ СТАТЬИ

Текст на **русском/болгарском/украинском/английском языке**: 12 пунктов, объем: до 20 000 знаков с пробелами. Сноски — постранично, внизу страницы, с использованием сквозной нумерации, арабские цифры, 10 пт. Библиографические ссылки заключаются в квадратных скобках [номер библиографического списка, страница], например: [2], [7, с. 84]; нумерация ссылок формируется **в алфавитном порядке**. Примеры следует давать курсивом. Используются кавычки типа «елочки». Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них. Название иллюстраций дается под ними после слова «Рис.» с порядковым номером (10 пт).

Библиографический список (11 пт.) приводится после текста статьи **на языке оригинала в алфавитном порядке**, затем латиницей через транслитерацию кириллицы и переведенный на английский язык в соответствии с требованиями ГОСТ 7.1-2003. Инициалы не разделяются пробелами. Включаются **только работы, указанные в ссылках**. Напр.:

Библиографический список

4. Горшков Л.М. Русский язык и культура речи // Стиль. – 2006. – № 4. – С. 65–70.
5. Иванова Н.П. Диалог в образовании. – М.: Экспресс, 2011. – 156 с.

References in Roman script

4. Gorshkov L.M. Russkiy yazayk i kulytura rechi // Stily. – 2006. – № 4. – S. 65–70.
5. Ivanova N.P. Dialog v obrazovanii. – M.: Ekspress, 2011. – 156 s.

References

4. Gorshkov L.M. Russian language and speech culture // Style. – 2006.– no 4. – pp.65–70. (In Russian).
5. Ivanova N.P. Dialogue in education. Moscow: Express Publ., 2011. –156 p. (In Russian).

Материалы, не соответствующие вышеуказанным требованиям, не рассматриваются.

ВИМОГИ ДО ОФОРМЛЕННЯ МАТЕРІАЛІВ

Електронні версії статей треба направляти як прикріплений файл до листа за допомогою електронної пошти на адресу редакції: **rusistikabg@gmail.com**. В окремому текстовому документі додається довідка про автора: *ПІБ (повністю), науковий ступінь, вчене звання, місце роботи, посада, місто, країна, домашня адреса, контактний телефон, електронна адреса.*

До публікації приймаються **оригінальні, неопубліковані раніше** в інших друкованих виданнях матеріали **російською, болгарською, українською чи англійською мовою**.

Журнал виходить чотири рази на рік: 30 березня, 30 червня, 30 вересня та 30 грудня. Матеріали приймаються до 15 березня, 15 червня, 15 вересня і 15 грудня.

ЗАГАЛЬНІ ВИМОГИ

Формат: Microsoft Word.
Розмір сторінки: А4.
Шрифт: Times New Roman, 12 пунктів.
Міжрядковий інтервал: одинарний.
Поля: верхнє і нижнє – 2,5 см, ліве і праве – 2,5 см.
Абзацний відступ: 1 см.
Без нумерації, вирівнювання тексту по ширині.

ОФОРМЛЕННЯ СТАТЕЙ

- Якщо стаття публікується **російською мовою**, то **російською мовою** наводяться: *прізвище, ім'я, по батькові автора; посада, науковий ступінь, вчене звання; повна назва організації; країна, місто; адреса ел. пошти; назва статті, анотація, ключові слова* , а потім **англійською мовою** (*дані автора, включаючи вчене звання, науковий ступінь, назва статті, анотація, ключові слова*). Обов'язковим елементом статті є індекс УДК.

- Якщо стаття публікується **болгарською мовою**, то **болгарською мовою** наводяться *прізвище, ім'я, по батькові автора; посада, вчене звання, науковий ступінь; повна назва організації; країна, місто; адреса ел. пошти; назва статті, анотація, ключові слова*, а потім **англійською мовою** (*дані автора, включаючи вчене звання, науковий ступінь, назва статті, анотація, ключові слова*). Обов'язковим елементом статті є індекс УДК.

- Якщо стаття публікується **українською мовою**, то **українською мовою** наводяться *прізвище, ім'я, по батькові автора; посада, вчене звання, науковий ступінь; повна назва організації; країна, місто; адреса ел. пошти; назва статті, анотація, ключові слова*, а потім **англійською мовою** (*дані автора, включаючи вчене звання, науковий ступінь, назва статті, анотація, ключові слова*). Обов'язковим елементом статті є індекс УДК.

- При написанні **анотації** необхідно дотримуватися встановленого ліміту 850 знаків без пробілів, не менше 10 рядків. Анотація повинна включати актуальність, постановку проблеми, матеріал і методику, результати і висновки.

Напр.:

ПРОСИМО ОФОРМЛЯТИ ДАНІ В ОДНУ КОЛОНУ, ЯК ПОКАЗАНО:

УДК 81 (12 пунктів)

Іванов Віктор Борисович (11 пунктів)
доктор філологічних наук, професор
Московський державний університет ім. М.В. Ломоносова
Росія, м. Москва
e-mail: ivanov @ rambler.ru

Ivanov Viktor Borisovich (11 пунктів)
Professor, Dr. Sc. (Philology)
Lomonosov Moscow State University
Russia, Moscow
e-mail: ivanov @ rambler.ru

В.Б. Іванов (12 пт.)
ПСИХОЛОГІЗМ ПРОЗИ ЛЬВА ТОЛСТОГО

Анотація. 11 пт., 850 знаків, не менше 10 рядків
Ключові слова: 11 пт., не більше 10 слів

V.B. Ivanov (12 пт.)
PSYCHOLOGISM OF LEV TOLSTOY`S PROSE

Abstract. 11 пунктів, 850 знаків, не менше 10 рядків
Keywords: 11 пт., не більше 10 слів

- Якщо стаття публікується **англійською мовою**, то **англійською мовою** наводяться *прізвище, ім'я, по батькові автора; посада, вчене звання, науковий ступінь; повна назва організації; країна, місто; адреса ел. пошти; назва статті, анотація, ключові слова*, а потім **англійською мовою** (*дані автора, включаючи вчене звання, науковий ступінь, назва статті, анотація, ключові слова*). Обов'язковим елементом статті є індекс УДК.

ОСНОВНИЙ ТЕКСТ СТАТТІ

Текст статті **російською/болгарською/українською/англійською мовою**: 12 пунктів, обсяг: до 20 000 знаків з пробілами. Виноски – посторінково, внизу сторінки, з використанням наскрізної нумерації, арабські цифри, 10 пунктів. Бібліографічні посилання полягають в квадратних дужках [номер з списку використаних джерел, сторінка], наприклад: [2] чи [7, с. 84] **в алфавітному порядку.** Приклади треба давати курсивом. Використовуються лапки типу «ялинки». Графіки, малюнки та фотографії монтуються в тексті після першої згадки про них. Назви ілюстрацій даються під ними після слова «Мал.» чи «Ілюстр.» з порядковим номером (10 пт).

Бібліографічний список (11 пт.) наводиться після тексту статті **мовою оригіналу в алфавітному порядку**, потім латиницею через транслітерацію кирилиці і переклад на англійську мову відповідно до вимог ГОСТ 7.1-2003. Ініціали не розділяються пробілами. До списку включаються тільки роботи, зазначені в посиланнях. напр.:

Бібліографічний список
1. Горшков Л.М. Російська мова та культура мови // Стиль. – 2006. – № 4. – С. 65-70.
2. Іванова Н.П. Діалог в освіті. – М.: Експрес, 2011. – 156 с.

References in Roman script
1. Gorshkov L.M. Russkiy yazayk i kulytura rechi // Stil. – 2006. – № 4.– S. 65 –70.
2. Ivanova N.P. Dialog v obrazovanii. – M.: Ekspress, 2011.– 156 s.

References
1. Gorshkov L.M. Russian language and speech culture // Style, 2006. – no 4.– pp.65–70. (In Ukranian).
2. Ivanova N.P. Dialogue in education. – Moscow: Express Publ., 2011. –156 p. (In Ukranian).

Матеріали, які не відповідають зазначеним вище вимогам, не розглядаються.

GUIDELINES FOR AUTHORS

The articles should be sent as an attachment by e-mail to the editorial office: **rusistikabg@gmail.com**. In a separate text document a reference about the author should be sent with the following information: *name, surname, academic degree, academic title, place of work, position, city, country, home address, contact phone number, email address.*

The papers submitted for publication should be **original, previously unpublished work** not currently under review by other publications. The papers can be presented in **Russian, Bulgarian,Ukranian** and **English**.

The journal is published four times per year: March 30, June 30, September 30 and December 30. The papers are accepted until the 15th of March, June, September and December.

GENERAL REQUIREMENTS

Format: Microsoft Word.
Page size: A4.
Font: Times New Roman, 12 pt.
Line spacing: single.
Margins: top and bottom – 2.5 cm, left and right – 2.5 cm.
Paragraph indentation: 1 cm.
Without numbering, text alignment: justified.

FORMATTING REQUIREMENTS FOR THE PAPERS

- If the article is written in **Russian**, then in **Russian** should be stated the *author's surname, name, academic degree, academic title; full name of the organization; country, city; e-mail address*, *the title of the article, abstract, keywords,* after the same information should be stated in **English** *(academic title, academic degree)*. The Universal Decimal Classification (UDC) of the article should be also included.

- If the article is written in **Bulgarian**, then in **Bulgarian** should be stated the *author's surname, name, academic title, academic degree; full name of the organization; country, city; e-mail address*, *the title of the article, abstract, keywords,* after the same information should be stated in **English** *(academic title, academic degree)*. The Universal Decimal Classification (UDC) of the article should be also included.

- If the article is published in **Ukrainian,** then in **Ukranian** should be stated the *author's surname, name, academic title, academic degree; full name of the organization; country, city; e-mail address*, *the title of the article, abstract, keywords,* after the same information should be stated in **English** *(academic title, academic degree)*. The Universal Decimal Classification (UDC) of the article should be also included.

- If the article is written in **English**, then in **English** should be stated the *author's surname, name, academic title, academic degree; full name of the organization; country, city; e-mail address*, *the title of the article, abstract, keywords,* after the same information should be stated in **Russian** *(academic degree, academic title)*. The Universal Decimal Classification (UDC) of the article should be also included.

- When writing the **abstract**, you must adhere to the established limit of 850 characters without spaces, at least 10 lines. The abstract should include relevance, problem statement, subject and methodology, results and conclusion.

For example:
PLEASE PLACE THE AUTHOR`S DATA IN ONE COLUMN AS SHOWN BELOW:

УДК 81 (12 pt.)

Ivanov Viktor Borisovich (11pt.)
Professor, Dr. Sc. (Philology)
Lomonosov Moscow State University
Russia, Moscow
e-mail: ivanov@rambler.ru

Иванов Виктор Борисович (11pt.)

доктор филологических наук, профессор
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Россия, г. Москва
e-mail: ivanov@rambler.ru

V.B. Ivanov (12 pt.)
PSYCHOLOGISM OF LEO TOLSTOY'S PROSE

Abstract. 11 pt., 850 (no spaces)
Keywords: 11 pt., up to 10 words

В.Б. Иванов (12 pt.)
ПСИХОЛОГИЗМ ПРОЗЫ ЛЬВА ТОЛСТОГО

Аннотация. 11 pt., 850 (no spaces)
Ключевые слова: 11 pt., up to 10 words

THE MAIN TEXT OF THE PAPER

The text in **Russian/Bulgarian/Ukranian/English**: 12 pt., up to 20,000 characters with spaces. The footnotes - page by page, at the bottom of the page, Arabic numbers, 10 pt. The bibliographic references should be enclosed in square brackets [current number from References, page], as in [2], [7, p. 84], **in alphabetical order.** Examples should be given in *Italic*. Angle quotes like «» are used. Graphics, pictures and photos are inserted in the text after the first mention of them. The name of the illustrations should be written below with the word «Figure.1» (10 pt.).

The references (11 pt.) are listed **in alphabetical order** after the text of the article in **original language**, then if there are sources in Cyrillic they should be transliterated into **Latin**, the references should be also translated into English in accordance with the requirements of GOST 7.1-2003 (ГОСТ 7.1-2003). The initials shouldn`t be separated by spaces. In the references only cited works in the text should be included. For example:

Bibliography

1. Горшков Л.М. Русский язык и культура речи // Стиль. – 2006. – № 4. – С. 65–70.
2. Иванова Н.П. Диалог в образовании. – М.: Экспресс, 2011. – 156 с.
3. Hyland K. Metadiscourse. – London: Continuum, 2005. – 230 p.

References in Roman script

1. Gorshkov L.M. Russkiy yazayk i kulytura rechi // Stily. – 2006. – № 4. – S. 65–70.
2. Ivanova N.P. Dialog v obrazovanii. – M.: Ekspress, 2011. – 156 s.
3. Hyland K. Metadiscourse. – London: Continuum, 2005. – 230 p.

References

1. Gorshkov L.M. Russian language and speech culture // Style, 2006. – no 4. – pp.65–70. (In Russian).
2. Ivanova N.P. Dialogue in education. Moscow, Express Publ., 2011. – 156 p. (In Russian).
3. Hyland K. Metadiscourse. – London: Continuum, 2005. – 230 p.

The papers that do not meet all the criteria above shouldn`t be accepted.

АДРЕС РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

Списание «Русистика без граници»
София, България
e-mail: rusistikabg@gmail.com